

**ИЗДАНИЕ
ВETERАНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
МИД РОССИИ**

**О ВРЕМЕНИ
И О СЕБЕ**

**Воспоминания ветеранов
дипломатической службы России**

Том 32

**МОСКВА
«Вест-Консалтинг»
2025**

УДК 82-94
ББК 94.3
О11

Издание Ветеранской организации МИД России

Над сборником работали:

А. Г. Чернов — составитель, главный редактор
Ю. А. Спирин — редактор-консультант
В. И. Морозов — председатель Совета ветеранов МИД
А. О. Семёнов — 1-й зампредседателя Совета ветеранов

О11 **О времени и о себе. Воспоминания ветеранов дипломатической службы России. Том 32** — Москва: «Вест-Консалтинг», 2025. — 208 с.

ISBN 978-5-91865-826-0

Сборник воспоминаний ветеранов отечественной дипломатической службы продолжает мемуарный цикл, основанный в МИД России в 1997 году. Авторы публикуемых очерков прошли серьезную жизненную и профессиональную школу, были знакомы и поддерживали рабочие и дружеские контакты с видными деятелями российской дипломатии, являлись свидетелями и участниками значимых международных событий. На таком фоне традиционный заголовок цикла «О времени и о себе» вполне закономерен.

Книга будет весьма полезна для молодых людей, только вступающих на стезю дипломатической практики. Вместе с тем она представит интерес и для самой широкой читательской аудитории, желающей ближе ознакомиться с повседневной работой Министерства иностранных дел.

*В оформлении обложки использованы материалы
сайта бесплатных изображений freepik.com.*

© Совет ветеранов МИД России, 2025
© Коллектив авторов, 2025
© «Вест-Консалтинг», оформление, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	5
------------------------	---

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

В. Пархоменко	
В ПАМЯТЬ О КОЛЛЕГЕ	7
О. Пересыпкин	
О ДРУГЕ И ДИПЛОМАТЕ	13
А. Чернов	
О БОРИСЕ ЛЕОНИДОВИЧЕ КОЛОКОЛОВЕ	20
Е. Кутовой	
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ «ДОЛЖНА ПРАВИТЬ СИЛА ПРАВА, А НЕ ПРАВО СИЛЫ»	24

КАК ЭТО БЫЛО

А. Марьясов	
КОМАНДИРОВКА В РЕВОЛЮЦИЮ	36

О СДЕЛАННОМ И ПЕРЕЖИТОМ

В. Куляев	
ЭТО ЧЬЕ?	94
А. Зайцев	
ВСПОМИНАЯ ФИЛИППИНЫ	103
Р. Халиков	
ДИПЛОМАТ ИЗ БАШКОРТОСТАНА	113
Б. Мальсагов	
НЕОБЫЧНАЯ МИССИЯ ПО ВОПРОСАМ ХАДЖА	130
О. Пересыпкин	
У ПОСЛЕДНЕГО ПРИЧАЛА	135
Я. Бурляй	
ШЕСТЬ ЛЕТ В ЦЕНТРЕ МИРА	152
К. Внуков	
ДВА СЮЖЕТА	169

И ВСЕРЬЕЗ, И В ШУТКУ

А. Зайцев	
СТРИПТИЗ ДЛЯ ГЛАВЫ ДЕЛЕГАЦИИ	198
О НАШИХ АВТОРАХ	201

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогие читатели!

Редакционная коллегия Совета ветеранов МИД представляет новый сборник воспоминаний ветеранов дипломатической службы России.

В год 80-летия Великой Победы его открывает очерк о нашей коллеге, участнице Великой Отечественной войны, Почетном работнике Министерства иностранных дел Нине Яковлевне Большевой. Среди бывших сотрудников МИД она не единственный участник той войны. Но Нина Яковлевна оставила о себе особо добрую память. Пройдя фронтовыми дорогами, она и на «гражданке» оставалась в «военном строю» — по крупицам собирала сведения о мидовских героях — добровольцах, вступивших в московское народное ополчение летом 1941 года. Именно благодаря в том числе этой ее бескорыстной работе известны сегодня имена многих наших старших товарищей, по зову сердца взявших в руки оружие и вставших на защиту Родины.

Тема памяти пронизывает и другие материалы сборника. Под рубрикой «Чтобы помнили» публикуются очерки о видных советских/российских дипломатах, внесших заметный вклад в деятельность нашей страны на внешней арене. Всех

их объединяло общее стремление, о котором хорошо сказано в одной известной песне «Жила бы страна родная, и нету других забот». Материалы сборника, однако, дают возможность читателям познакомиться не только с высшими достижениями дипломатов, но и с их будничной работой, в которой — что греха таить — иногда бывают и казусные ситуации. Они также не остались «за скобками».

Постоянные читатели наверняка обратят внимание на то, что для этой книги некоторые ее авторы подготовили не один — как прежде — а несколько материалов. Редколлегия высоко ценит этот подход. На наш взгляд, он свидетельствует о том, что сборники воспоминаний пользуются растущим авторитетом и дипломаты готовы говорить о сделанном и пережитом именно на страницах этих книг. Благодарим за доверие к нашей работе.

Нынешний сборник — 32-й по счету. В следующем — 33-м — могут быть опубликованы и ваши воспоминания.

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

80 лет Великой Победы

Валентин ПАРХОМЕНКО

В ПАМЯТЬ О КОЛЛЕГЕ

В этом, 2025-м году исполняется пять лет с момента ухода из жизни Почетного работника Министерства иностранных дел России, участницы Великой Отечественной войны Нины Яковлевны Большевой. Знал ее по совместной работе в Историко-документальном управлении МИД (сегодня — Историко-документальный департамент). Помню ее как отличного работника и человека с необычной судьбой. О себе она рассказывала довольно мало и неохотно. Но все же важные факты из ее биографии мне удалось собрать, и я до сих пор храню их в своем рабочем блокноте...

Н. Я. Большева.
Фото военного времени

Нина Яковлевна Большева родилась 30 марта 1922 г. в Москве в семье сотрудников Московского уголовного розыска (МУР). Дочь пошла по стопам родителей. После окончания средней школы, а также курсов стенографии и машинописи она была принята на работу секретарем-машинистской в отдел службы и боевой подготовки МУР. В грозные месяцы осени 1941 г. вместе с сотрудниками этого ведомства юная москвичка-комсомолка принимала активное участие в обороне Москвы — рыла на подступах к ней окопы и противотанковые рвы, а также дежурила на крышах жилых домов, нейтрализуя бомбы-зажигалки при авианалетах гитлеровцев на столицу. В марте 1942 г. после настойчивых просьб к своему начальству отпустить ее в действующие части Красной Армии она была направлена для прохождения воинской службы в походный штаб 3-й дивизии Второго гвардейского орденов Красного Знамени и Суворова Померанского кавалерийского корпуса, первым командиром которого был легендарный генерал Л. М. Доватор. Юную москвичку обучили верховой езде, выдали военную форму и личное оружие. Фронтovou путь для нее начался с освобождения деревень и городов Московской области и продолжился в боях за освобождение Белоруссии совместно с белорусскими партизанами, затем в битве на Курской дуге и далее в Польше и Германии. Суровые будни войны закалили ее характер, приучили к ответственному исполнению воинских обязанностей. В любой боевой обстановке, сидя за столом землянки походного штаба дивизии или расположившись со своей пишущей машинкой на пеньках в заснеженных белорусских лесах, Нина Яковлевна печатала приказы и распоряжения, которые диктовали ей командиры. Это требовало от нее постоянной собранности и напряжения, поскольку через нее проходили важные секретные сведения и документы, касающиеся боевых действий 3-й кавалерийской дивизии,

громившей немецкие войска в наступлении и тыловых рейдах. В сентябре 1944 г. Нина Большева была переведена в 1-ю гвардейскую истребительную Сталинградскую Краснознаменную авиадивизию 16-й воздушной армии, где она проходила дальнейшую военную службу в качестве делопроизводителя-машинистки. Вместе со своими боевыми товарищами она участвовала в освобождении Варшавы, Лодзи, Люблина, Познани. Имела звание гвардии младшего лейтенанта административной службы. С 1946 г. до выхода в 1979 г. на пенсию Нина Яковлевна работала в Министерстве иностранных дел. В самом начале — стенографисткой-машинистской, выезжая неоднократно в длительные зарубежные командировки, а после окончания заочно Московского историко-архивного института — заведующей спецчастью одного из отделов Министерства. Закончила государственную службу в должности атташе архива МИД. За свои боевые и трудовые заслуги Н. Я. Большева была награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Москвы», «За освобождение Белоруссии», «За участие в Курской битве», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», «Ветеран труда» и многими другими медалями и почетными знаками (в соответствии с ее завещанием награды были переданы на хранение в Центр истории российской дипломатической службы, их с благодарностью принял Музей Центра, где они сейчас и находятся).

Выйдя на заслуженный отдых, Нина Яковлевна продолжала вести активную общественную работу в ветеранской организации своих фронтовых товарищей-однополчан из 3-й кавалерийской дивизии, а в также партийной и ветеранской организациях Министерства иностранных дел страны. В 1985 г. по поручению Парткома и Совета ветеранов МИД СССР, а — я думаю, скорее по зову сердца — бывшая

фронтowичка Н. Я. Большева занялась поиском сведений о погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны сотpудниках нашего ведомства, которые добровольно вступили в сформированную в начале июля 1941 г. 6-ю дивизию Московского народного ополчения. Более 20 лет ее жизни было отдано встречам с ветеранами войны и членами семей павших ополченцев Народного комиссариата иностранных дел СССР. Она вела обширную переписку с Центральным военным и другими архивами, военными госпиталями, областными и районными военкоматами, а также городской, районной и сельской администрациями Смоленской области, где наши ополченцы вступили в первый бой с врагом. И все это делалось с единственной целью — выяснить судьбу пропавших без вести и установить места захоронения павших в кровопролитных боях ополченцев НКВД. Благодаря усилиям Нины Яковлевны были собраны и сохранены документальные сведения и материалы об участии в войне добровольцев. Эти бесценные документы (в том числе полученные от родственников и собственноручно перепечатанные, а затем переданные Ниной Яковлевной копии писем с фронта и фотографии ополченцев-сотрудников Наркоминдела в архив МИД) позволили воссоздать более полную картину патриотического подвига старшего поколения мидовцев — добровольцев 6-й дивизии народного ополчения г. Москвы.

В 2010 г. в преддверии 65-й годовщины Великой Победы с помощью Нины Яковлевны, а также занимавшихся поиском информации об ополченцах в архивах Министерства ветеранов МИД А. И. Петренко и Г. Н. Лазуткина были вновь изучены списки сотpудников НКВД, вступивших 5 июля 1941 г. в 6-ю дивизию народного ополчения. После уточнения их имен и фамилий были внесены предложения по дополнению списков на памятной доске в вестибюле МИД,

в книге Памяти, а также по созданию памятной доски на здании Наркомата иностранных дел СССР на Кузнецком мосту. На средства, собранные сотрудниками МИД, на фасаде того здания в День дипломатического работника 10 февраля 2014 г. было установлено скульптурное панно, рельефно отражающее драматизм грозных событий лета и осени 1941 г. и напоминающее о самоотверженном подвиге старшего поколения мидовцев. В торжественной церемонии открытия панно участвовали Министр иностранных дел С. В. Лавров, председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко, мэр Москвы С. С. Собянин и бывший Министр иностранных дел и Премьер-министр Российской Федерации Е. М. Примаков. В качестве почетного гостя была приглашена и Н. Я. Большова, которой С. В. Лавров вручил цветы и сердечно поблагодарил за ее труд по увековечиванию памяти о наших героях.

В 2004 г. Совет ветеранов Министерства поручил мне написать статью о сотрудниках НКВД из 6-й дивизии Московского народного ополчения. Статья предназначалась для сборника «Дипломаты вспоминают», выход которого в свет под названием «Этот день мы приближали как могли» был приурочен к 60-летию Великой Победы. За необходимой для статьи информацией я обратился именно к Н. Я. Большой. Переданные мне тогда три толстых папки собранных ею документов произвели на меня глубокое впечатление. По мере ознакомления с ними я все больше и больше осознавал, какой огромный труд и упорство были проявлены с ее стороны, чтобы собрать и донести до нас свидетельства о подвиге ушедших в бессмертие наших старших товарищей. Потом, бывая у нее в гостях, я с интересом слушал ее рассказы о фронтовой молодости. Пока не возникли проблемы со зрением она выписывала газеты, много читала, любила смотреть телепередачи на политические темы... Приведу еще один эпизод из ее биографии, характеризующий великодушные

этой замечательной женщины, которая принимала близко к сердцу людское горе и всегда была готова помочь, в меру своих сил и возможностей, оказавшимся в беде людям — может быть, иногда и очень наивно, но всегда по велению сердца. Прочитав в газете «Труд» о том, что освобожденный из предварительного заключения тяжелобольной бывший партийный и государственный руководитель ГДР Эрих Хоннекер и его жена оказались фактически бездомными, Нина Яковлевна обратилась в редакцию газеты с просьбой помочь ей связаться «с кем нужно», чтобы пригласить к себе на жительство этих несчастных больных стариков. «У меня небольшая квартира, всего две комнаты, однако я, — писала Нина Яковлевна в газету, — могла бы предоставить им комнату и даже взять на скромное, но полное содержание. Я живу рядом с Филёвским парком, это отличный район, им будет хорошо у меня». В последний раз я разговаривал с Ниной Яковлевной 9 Мая 2020 г., поздравляя ее с 75-летием Великой Победы, к достижению которой была лично причастна эта замечательная женщина. 20 октября ветеран войны и труда, Почетный работник Министерства иностранных дел России Н. Я. Большева ушла из жизни.

О ДРУГЕ И ДИПЛОМАТЕ

(к 85-летию со дня рождения
В. В. Посувалюка)

В. В. Посувалюк

Я познакомился с Виктором Посувалюком во время его первой заграничной командировки. Это было в 1960–1961 гг. в Ходейде, йеменском городе на берегу Красного моря, где советские специалисты строили глубоководный порт. Виктор прибыл на практику после окончания Института восточных языков при МГУ имени М. В. Ломоносова и работал переводчиком арабского языка при руководителе группы наших специалистов Георгии Пясецком,

а с йеменской стороны главным собеседником по всем вопросам был начальник порта Абдалла Салляль.

В то время я был переводчиком в нашей миссии в Таизе и всегда приезжал в Ходейду вместе с Николаем Пантелевичем Сулицким, в то время главой нашего дипломатического представительства. Именно во время одного из этих визитов я и познакомился с Виктором Посувалюком.

Условия работы в Ходейде были очень сложные. Жара под 40 градусов круглый год, высокая влажность,

москиты — переносчики экзотической лихорадки папатачи. Рабочая форма наших специалистов — шорты цвета хаки, на босых ногах резиновые шлепанцы, рубашка навыпуск и легкая кепочка на голове. Именно так одевался и Виктор, шуточно называвший Н. Сулицкого и меня «аристократами». Весь наш аристократизм сводился в одежде к белым шортам и легким сандалиям.

В то время Виктор поразил меня каким-то неистовым стремлением познать все тонкости арабского языка. Он слушал передачи каирской радиостанции «Голос арабов», местного йеменского радио, записывал передачи на магнитофон, собирал арабские пословицы, изучал местный йеменский диалект. Такое рвение невольно меня поражало. И еще больше меня поразила его игра на раздолбанном фортепиано в клубе наших специалистов. Здесь, в его исполнении, я впервые услышал «Арабское танго» и народные арабские песни. Играл он профессионально, и только потом я узнал, что у него, кроме учебы в Институте восточных языков при МГУ, за плечами были еще музыкальная школа и московское консерваторское музыкальное училище.

В январе 1963 г. после окончания своей первой заграничной командировки я вернулся из Северного Йемена в Москву. Н. П. Сулицкий, разумеется, не мог не заметить работающего в стране талантливого арабиста, и Виктор стал переводчиком, а затем и атташе в Посольстве СССР в Йеменской Арабской Республике, взяв на себя тот объем работы, которую ранее выполнял я.

В марте 1964 г. в Москву прибыл с официальным визитом Абдалла Салляль, ставший первым президентом Йеменской Арабской Республики. Виктор и я работали с делегацией в Москве и затем полетели в Пицунду, где состоялась встреча с Н. Хрущёвым. Именно здесь Виктор блеснул своими знаниями арабского языка. Специалисты помнят, что переводить

Н. Хрущёва с его народным юмором, шутками и прибаутками — адская работа, не по плечу рядовому переводчику. Виктор блестяще справился с этой работой. Здесь сказались не только глубокое знание арабского языка, но и знакомство с Абдаллой Саллялем и его манерой говорить.

Моя вторая встреча с Виктором, уже опытным дипломатом, состоялась в 1989 г. в Маскате, столице султаната Оман. Он был первым нашим послом в этом небольшом арабском государстве на юго-востоке Аравийского полуострова. Здание посольства стояло на берегу моря, и Виктор играл в футбол с местными мальчишками прямо на берегу. Трудно себе представить, что посол великой державы так просто ведет себя и играет в футбол с ребятами 10–12 лет.

В Посольстве СССР в Маскате объем работы был не очень большим. Поэтому во время моего приезда у Виктора был резерв свободного времени, и я услышал, возможно, одним из первых, его песни, которые потом, по-моему, вошли в его авторские компакт-диск и аудиокассету.

Моя фамилия Посувалюк.
Зовите Виктором
Или просто Витей.
Мне, в самом деле,
Без музыки никак:
Мое прибежище
И последняя обитель.
Отец мой тоже был
Посувалюк...

Виктор очень трепетно относился к памяти отца и написал песню на его смерть. Отец был фронтовиком, командиром пехотной роты. Именно поэтому у Виктора было много песен на фронтовую тематику. А о себе он писал:

Я ростом невелик и лысоват.
Да что кокетничать —
давно уж лысый.
Но лысина мужчине не закат —
В конце концов, нам
не идти в актрисы.
Угрюм, и с виду неуклюж,
и бюрократ...

При всей скромности и критическом отношении к своей внешности Виктор был душевно тонким и, по-моему, настоящим верующим человеком. Не случайно, аудиокассету с 12 песнями он назвал «Прости сердешный. Храни, Господь».

— У меня есть ария Христа, ария Иуды, ариоза Пилата, — говорил он журналистам из «Комсомольской правды». Эта тематика давит мне на мозги, на психику, все время думаю об этом, и от этого трудно отвертеться.

Но особенно меня трогали его лирические песни, которые он исполнял под гитару.

Красивые слова — конец любви.
Обманом дышат
жаркие признания.
Меня ты в сказку
больше не зови — я в красках
пышных вижу увяданье.

В долгих разговорах пролетели три дня моего пребывания в Маскате. Кроме официальных встреч, была потрясающая поездка на небольшом катере вдоль побережья. Чистая вода, мелкая галька и пятна белого песка на берегу производили сказочное впечатление. И мы не могли удержаться —

два взрослых мужика, в чем мать родила, попрыгали в воду с катера и поплыли вдоль скалистого берега.

В последний день у нас состоялся деловой разговор. Не помню, чья была инициатива, но мы пришли к выводу, что султанат Оман — при всей важности работы в этой стране — немного мелковат для Виктора Посувалюка. В то время я был ректором Дипломатической академии и членом Коллегии МИД СССР. По возвращении из Маската зашел к замминистру по кадрам В. М. Никифорову и рассказал о своем разговоре с Виктором Посувалюком. И через некоторое время Виктор был переводом направлен в Багдад, где раньше работал советником. На этот раз он поехал в иракскую столицу в качестве Посла Советского Союза. Это был 1990 г., а в январе 1991 г. союзники начали военную операцию «Буря в пустыне» против режима С. Хусейна.

Работа в Багдаде была архитрудной. На одной из Коллегий МИД СССР Виктор отчитывался о работе посольства и получил высокую оценку. Он говорил, что на территории нашего посольства в Багдаде была горизонтально зарыта полутораметрового диаметра железобетонная труба, где находились во время бомбежек сам Виктор и оставшиеся сотрудники нашего посольства. Среди них был Геннадий Быстров, работавший со мной в Северном Йемене и затем в Ливане. По его словам, Виктор под гитару в этом импровизированном бомбоубежище пел свои песни, поднимая настроение техническим сотрудникам и дипломатам.

В июне 1993 г. мне пришлось оставить должность ректора Дипакадемии, и на заседании Коллегии МИД России обсуждавший этот вопрос Виктор Посувалюк, бывший директором Департамента Ближнего Востока и Африки, согласился взять меня в качестве главного советника. Это был смелый шаг, поскольку я уходил из Дипакадемии под давлением надуманных обвинений со стороны А. Козырева и его команды.

В 1996 г. я был направлен послом России в Ливан, где встречался с Виктором Посувалюком, который к тому времени стал заместителем министра, курировавшим Ближний Восток. Его энергия, его одержимость и желание работать поражали всех. Например, он приезжал в Бейрут, встречался с ливанскими официальными лицами и руководителями «Хезболлы» по инициативе последних, которые соглашались передать останки подорвавшихся на mine в Южном Ливане израильских солдат в обмен на освобождение своих сторонников, арестованных израильской разведкой в том же Южном Ливане. После этого он прыгал в автомашину и отправлялся в Тель-Авив через Сирию и Иорданию. Я его довозил до сирийско-ливанской границы, сдавал нашему послу В. Гогетидзе, тот доставлял его на сирийско-иорданскую границу и сдавал А. Салтанову, бывшему в то время послом в Иордании, который и переправлял его в Израиль. После встречи с израильянами Виктор возвращался в Бейрут тем же путем. Это была работа на износ. При этом, еще сидя в машине, петляющей по горам Ливана, он говорил с Москвой и давал указания для решения срочных вопросов. Несколько раз я предлагал ему выбрать более удобный путь в Израиль, например, самолетом через Кипр. Однако на это в тот период денег у нашего ведомства не было, и Виктор Посувалюк передвигался по Ближнему Востоку на автомашине и решал важные вопросы, по-моему, просто в ущерб своему здоровью.

Моя последняя встреча с Виктором произошла уже в Центральной клинической больнице. Худой, лысый и грустный, в больничной пижаме, он расспрашивал о работе, вспоминал наши встречи и забавные случаи во время работы за рубежом. Когда я был у него, там же были музыканты, которые пытались подбодрить его, рассказывали последние новости, тем самым подтверждая его жизненное кредо, что «между

музыкой и дипломатией нет антагонизма. Они очень легко умещаются в жизни».

Я посмотрел несколько публикаций о Викторе и его песнях. Отвечая на вопрос журналистов из «Комсомольской правды, не вызывает ли удивления у окружающих его увлечение музыкой, он отвечал: «Удивление, конечно, есть. Но я сознательно не хочу снимать маску государева слуги... Бюрократы — это миллионы людей. Среди них есть замечательные, добрые люди, есть подлецы, кого угодно вы найдете среди них, как и среди физиков, и среди певцов. Мне хочется, чтобы поверили, что люди в этой категории могут заниматься творческой работой, а дипломатия удивительно творческая работа».

Вклад Виктора Посувалюка в нашу политику на Ближнем Востоке очень велик. Я хотел бы заметить, что эту работу высоко оценивали в Москве, в том числе и в Министерстве иностранных дел.

Виктор ушел из жизни молодым. Про таких говорят «сгорел на работе». Мы будем всегда помнить его, немножко нескладного, прихрамывающего, лысоватого человека, блестящего дипломата и талантливое музыканта, доброго и отзывчивого человека.

«Уйти б от пошлой пестроты,
но повороты так круты».

Это о нашей жизни, — жизни, в которой, к большому сожалению, уже нет Виктора Викторовича Посувалюка. Он родился в 1940-м, а скончался после тяжелой болезни в 1999-м в возрасте всего 59-ти лет.

О БОРИСЕ ЛЕОНИДОВИЧЕ КОЛОКОЛОВЕ

Помню Б. Л. Колоколова с 1993 года. Тогда — до перехода на работу в МИД — я возглавлял российскую Службу радиовещания на страны Африки, а Борис Леонидович в качестве заместителя Министра иностранных дел курировал отношения РФ в том числе с Чёрным континентом. И его интерес к работе «пропагандистов» — как иногда он нас называл — был более чем закономерен. При этом он говорил, что задача не в том, чтобы пропагандировать или что-то навязывать, а в том, чтобы укреплять, развивать, совершен-

Б. Л. Колоколов

ствовать — имелись в виду, конечно, связи с африканцами. В те непростые времена «разброда и шатаний» Борис Леонидович был «одержим» — в хорошем смысле этого слова — идеей о координации наших усилий в работе. «Надо дуть в одну дуду» — любил повторять он. И этот посыл возражений не вызывал. Запомнились беседы с Б. Л. Колоколовым. В тех беседах он поражал нас превосходным знанием темы, дипломатичностью

и вместе с тем твердостью в изложении своих идей. А еще — неподдельным дружелюбием.

Вот таким остался в моей памяти Борис Леонидович. И с такими добрыми воспоминаниями я участвовал по приглашению Департамента государственного протокола и Ветеранской организации МИД в мемориальной встрече по случаю столетия со дня рождения Б. Л. Колоколова (1924–2013 гг.). На нее пришли коллеги и друзья Бориса Леонидовича, ветераны и действующие сотрудники Министерства, в том числе молодые дипломаты. В зале, где проходила встреча, Историко-документальный департамент развернул выставку документов и фотографий, рассказывающих о трудовом пути Б. Л. Колоколова. О его профессиональной биографии говорили и участники встречи. Ее ведущий, лично хорошо знавший Бориса Леонидовича Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке П. С. Акопов, назвал его не только высокопрофессиональным дипломатом, имеющим все необходимые для этой профессии знания и умения, но и человеком, обладающим природным даром общительности. Эту тему подхватили и другие участники. Коллега Бориса Леонидовича, сейчас — Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке В. Е. Егошкин — сказал, что «с Колоколовым всегда было хорошо: с ним было комфортно и трудиться, и дружить, и отдыхать».

Участники встречи вспоминали биографию Бориса Леонидовича. После начала Великой Отечественной войны он окончил школу военных авиамехаников. А потом воевал в составе Гвардейской бомбардировочной авиационной дивизии дальнего действия. За проявленное мужество и безупречную работу по обслуживанию и ремонту авиатехники был отмечен многочисленными боевыми наградами.

Демобилизовавшись, Б. Л. Колоколов поступил в МГИМО, а после окончания института в 1956 г. сразу получил назначение переводчиком Секретариата европейского отделения

ООН в Женеве. В 1962–1973 гг. работал в Протокольном отделе МИД СССР, где прошел путь от второго секретаря до руководителя этого отдела — заведующего. В 1973–1981 гг. Б. Л. Колоколов — посол СССР в Тунисской Республике, с 1981 г. по 1996 г. — заместитель Министра иностранных дел РСФСР/Российской Федерации. А затем — до ухода в отставку — он являлся Консультантом по внешнеполитическим вопросам МИД России.

О работе Бориса Леонидовича в Протокольном отделе говорила нынешний заместитель директора Департамента государственного протокола Е. О. Подолько. Она сказала, что, по воспоминаниям коллег, Б. Л. Колоколов был весьма яркой личностью на этом участке мидовской деятельности. Для данной тонкой и достаточно специфической службы, вспоминают ветераны, он обладал природным даром гостеприимства.

О деятельности Бориса Леонидовича на курируемом им в качестве заместителя Министра ближневосточном треке говорил известный мидовский востоковед, ныне — заместитель председателя Совета Ассоциации российских дипломатов А. Г. Бакланов. Он, в частности, высказал свое несогласие с мнением о том, что в 90-е годы Россия «растеряла» все свои позиции на Ближнем Востоке. Да, это было действительно сложное время. Высшее политическое руководство было однозначно увлечено западным направлением. Но и в таких условиях при кураторстве заместителя Министра Б. Л. Колоколова нашим дипломатам удалось сохранить и значительно нарастить связи России, например, со странами Залива. Был также выстроен совершенно новый тип отношений с «антагонистами по жизни» — Израилем и Палестиной. Одним словом, те годы для нашей ближневосточной дипломатии не были полностью потерянными, считает А. Г. Бакланов, и вклад Б. Л. Колоколова в эту деятельность заслуживает самой высокой оценки.

Участники встречи много говорили и о работе Бориса Леонидовича в качестве посла в Тунисе. При нем, например, была заложена традиция захода наших военных кораблей в порты этой страны, и в целом наше военно-морское сотрудничество получило хороший импульс. Тем самым была подвергнута сомнению безраздельная монополия Франции (бывшей тунисской метрополии), а также США на их единоличное присутствие в этом средиземноморском регионе. Заметно продвинулись с Тунисом и двусторонние гуманитарные и культурные связи. О них увлекательно рассказал бывший работник ССОД, ныне — Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке С. В. Ненашев...

Свои воспоминания о Б. Л. Колоколове прислал в МИД в письменном виде действующий посол России в Австрии Д. Е. Любинский. Воспоминания зачитал один из организаторов мемориальной встречи, член Президиума Совета ветеранов Ю. А. Спирин, подчеркнувший, что это электронное письмо представляет собой важный и самодостаточный документ... «Мне посчастливилось очень тесно работать с Б. Л. Колоколовым, — написал, в частности, Любинский. — Опыт, приобретенный именно в эти годы (1989–1996), большое оказанное мне доверие при выполнении различных поручений и задач, уроки и принципы дипломатической школы, которыми щедро делился Борис Леонидович, сопровождали меня и сослужили добрую службу на всем протяжении профессионального пути... Но, пожалуй, главное, что запомнилось из общения с Борисом Леонидовичем — его особо бережное и чуткое (вне зависимости от рангов) отношение к людям и к памяти о людях — своих сослуживцах по боевому полку, товарищах по дипломатическому цеху, друзьях и соратниках. Его неизменно уважительное отношение к зачастую самым сложным иностранным партнерам. И его бесконечная преданность Делу! Низкий поклон и вечная память!»

Евгений КУТОВОЙ

**В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
«ДОЛЖНА ПРАВИТЬ СИЛА ПРАВА,
А НЕ ПРАВО СИЛЫ»**

А. А. Громыко

С большим удовольствием вновь и вновь обращаюсь к доброй для меня во всех отношениях памяти товарища и коллеги по Институту международных отношений и Дипломатической академии МИД России, по Министерству иностранных дел СССР и МИД Российской Федерации — Анатолия Андреевича Громыко. На разных жизненных этапах мы с большим взаимным уважением общались друг с другом, обстоятельно рассматри-

вали, а порой вместе вели поиск решения довольно сложных, в том числе и политических, вопросов, представлявших для нас обоих существенный интерес. Анатолий Андреевич обладал огромным личным обаянием, был человеком завидной выдержки и последовательной внутренней дисциплины. Выражал свое мнение спокойно, без надрыва, умело переходя от одной темы к другой. Мне лично нравилась его манера

поддерживать заслуживающий внимания разговор, его умение обращаться к конкретным фактам прошлого и настоящего. Никогда Анатолий не проявлял спешки при рассмотрении нами актуальных вопросов. Он был живым в общении и прекрасным рассказчиком. Эти качества хорошо уживались у него с отзывчивостью, вниманием и доброжелательностью по отношению к собеседнику. Анатолий Андреевич, как и его отец, Министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко, высоко ценил в мужчинах решительность, не меньше, чем благоразумие и рассудительность.

Весьма важным Анатолий Андреевич считал результат состоявшегося глубокого обсуждения той или иной проблемы. Обычно он держался в ходе бесед спокойно, свободно высказывал свои собственные взгляды и суждения. Не видел ни разу, чтобы в рамках дискуссий он проявлял нетерпеливость. Особо хотелось бы в этой связи отметить, что Анатолий обладал хорошей дипломатической подготовкой и глубокими научными знаниями и был в области внешней политики и дипломатии нашей страны высококомпетентным и знающим человеком. С самого начала в научно-исследовательской работе Анатолия немаловажную роль играло прекрасное знание становившегося все более необходимым английского языка...

В МГИМО, где велось обучение в области внешней политики и дипломатии, мы с Анатолием, учась на разных курсах, увлекались спортивными играми. Самыми популярными были баскетбол и хоккей. Помимо увлечения спортивными играми Анатолий Андреевич был большим поклонником живописи. Позже в своей жизни он сам с увлечением писал картины, был избран членом Творческого союза художников России. Его выставки проводились и в здании Дипломатической академии Министерства иностранных дел.

Значительную часть своего детства и юности Анатолий провел в Соединенных Штатах, где дипломатом работал его отец. Уместно напомнить, что в первые годы своего пребывания в Вашингтоне (с 1939 года) Андрей Андреевич работал советником и советником-посланником в Посольстве Советского Союза, а в 1943–1946 гг. занимал пост Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в США, был руководителем советской делегации на конференциях в Думбартон-Оксе и в Сан-Франциско, принимал самое активное участие во встречах «большой тройки» в Ялте и Потсдаме. В 1946–1948 гг. Андрей Андреевич в Нью-Йорке был первым Представителем СССР в ООН. Уже в те годы ему нередко приходилось в трудной международной обстановке с большим достоинством и умением отстаивать в Совете Безопасности позиции Советского Союза. В августе 1947 г. журнал «Тайм» писал: «А. А. Громыко делает свою работу на уровне умопомрачительной компетентности». В 1948 г. Андрея Андреевича отзывают в Советский Союз, где он трудится в МИД СССР заместителем министра. В 1952 г. его направляют послом СССР в Великобританию. После смерти И. В. Сталина назначенный вместо А. Я. Вышинского новый Министр иностранных дел В. М. Молотов возвращает А. А. Громыко в Москву и делает его своим первым заместителем. В апреле 1957 г. А. А. Громыко назначают министром иностранных дел СССР. В этой должности он трудился 28 лет вплоть до июля 1985 г., когда был избран главой государства — Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Проработав на посту Министра при пяти генеральных секретарях ЦК КПСС, Андрей Андреевич на практике осуществлял «золотые правила» дипломатии, которые делали внешнюю политику и дипломатию Советского Союза столь эффективной. Имея такую «семейную базу», Анатолий Андреевич был образцово воспитан родителями, которые содействовали его становлению

как интеллигентного человека, компетентного специалиста, эрудированного, с обширным набором знаний.

Анатолий рассказывал, что отец, будучи по образованию экономистом (с 1956 г. доктором экономических наук), после поступления сына в МГИМО на экономический факультет неожиданно настоял, чтобы тот перешел на международно-правовой факультет, так как считал это более важным. В те годы в МГИМО был введен усовершенствованный курс обучения студентов-международников вопросам мировой политики, международных отношений и дипломатической деятельности ведущих зарубежных государств. На третьем курсе учащиеся начинали специализироваться по конкретной стране. Предусматривалось углубленное изучение экономики, внутренней и внешней политики конкретного государства, характера дипломатии, структур власти, культуры и т. п. С отличием окончив МГИМО в 1954 г., Анатолий Андреевич перешел в аспирантуру. По ее завершении он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по написанной им и опубликованной книге: «Конгресс США. (Выборы, организация, полномочия)» и после этого работал в Госкомитете по культурным связям с зарубежными странами.

Анатолию Андреевичу, однако, довелось поработать немало лет в области внешней политики и дипломатии, в первую очередь на западном направлении, которое, по его словам, отец считал «главным театром советской внешней политики». В 1961–1965 гг. Анатолий Андреевич был первым секретарем, а затем советником советского посольства в Великобритании. На ответственном этапе, когда разразился Карибский кризис, известный на Западе как «Кубинский ракетный кризис», Анатолий Андреевич в отсутствие посла А. А. Солдатова, находившегося в командировке в Москве, оставался в советском посольстве поверенным в делах. В те

дни он информировал Москву «о большой волне антисоветской риторики, исходившей из Вашингтона», о царивших в Лондоне тревоге и растерянности, «когда впервые после Берлинского кризиса запахло войной». Вместе с тем именно Андрей Андреевич, сделавший по возвращении из США в Москву остановку в аэропорту Прествик, в личной беседе с сыном трезво оценил международную обстановку, сказал, что идет «большая политическая игра», что «с ядерным оружием шутки плохи», но «войны не будет». Он определил задачу деятельности сына на посту поверенного в делах словами — «успокоить людей в посольстве».

В последующие годы Анатолий Андреевич работал в 1973–1974 гг. советником-посланником Посольства СССР в Вашингтоне, а в 1974–1975 гг. — советником-посланником в советском Посольстве в ГДР.

В 1968 г. Анатолий Андреевич перешел на научную работу. С большим увлечением он принялся за дело в Институте США и Канады Академии наук СССР, директором которого был уже тогда широко известный советский ученый, в дальнейшем академик Г. А. Арбатов. В этом Институте успешно трудились ставшие корифеями академики В. В. Журкин, А. А. Кокошин, С. М. Рогов. Сам Анатолий руководил в Институте сектором США, сотрудники которого занимались углубленным исследованием американской внешней политики, изучением различных аспектов внешнеполитической доктрины и стратегии Соединенных Штатов. Круг творческих интересов Анатолия был весьма обширным, охватывая актуальные проблемы международных отношений и мировой экономики, американистики и африканистики. Тогда и позже он стал автором нескольких книг-бестселлеров. Пожалуй, наибольшую известность получили его труды «1036 дней президента Кеннеди», «Братья Кеннеди» (совместно с А. А. Кокошиным), «Маски и скульптуры Тропической Африки»,

«Новое мышление в ядерный век», «За улучшение отношений между СССР и США» и др. По некоторым этим темам директор Института Г. А. Арбатов направил в ЦК КПСС ряд докладных записок с рекомендациями о возможных шагах с советской стороны, которые могли бы быть предприняты по углублению и развитию отношений нашей страны с Соединенными Штатами.

Высокую оценку в научных кругах получило глубоко продуманное исследование самого Анатолия Андреевича о Карибском кризисе и о его месте в отношениях между СССР и США. По решению руководителя американского отдела МИД СССР и руководства Института США и Канады, несколько сотрудников этого отдела были подключены к работе ученых Института для совместной подготовки ряда коллективных исследований, касавшихся наших дипломатических связей с США в тот период. Вести работу этой совместной группы было поручено Анатолию Андреевичу. И, подчеркну, у меня сохранилось в памяти его умелое руководство этим специально сформированным коллективом. Он смог организовать тесное взаимодействие дипломатов и ученых, что позволило осуществить ряд интересных и полезных исследований. В рамках научных исследований, проводившихся с активным участием Анатолия Андреевича, большое внимание уделялось проблеме предотвращения ядерной войны и обеспечения международной безопасности. В 1984 г. в содружестве с Л. В. Ломейко, известным журналистом и политобозревателем, позже — постоянным представителем СССР, а затем России при ЮНЕСКО, была опубликована получившая широкую известность книга «Новое мышление в ядерный век». В ней представлены новые подходы к международным отношениям и безопасности — целая философия мира. Эта уникальная работа удостоилась Государственной премии имени В. Воровского как лучшая политическая книга 1984 г.

По предложению вице-президента Академии наук СССР Е. П. Велихова, на Анатолия Андреевича было возложено руководство работой советских ученых по исследованию возможных последствий ядерной войны. В 1988 г. группа советских специалистов подготовила и направила в ЦК КПСС, правительству и руководству АН СССР доклад, в рамках которого показано, что в случае ядерной войны уцелевшая от ядерных ударов часть человечества будет поставлена на грань вымирания из-за сильного загрязнения земной атмосферы и «ядерной зимы».

Анатолий придавал исключительное значение сохранению и повышению роли России на мировой арене, верил в то, что «в России наберет силу культура стратегического мышления». Вместе с тем он во весь рост ставил проблемы, связанные с ситуацией в СССР во второй половине 1970-х — начале 1980-х годов, когда, по его выражению, «советская экономика забуксовала» и негативные тенденции экономического развития приводили к существенному отставанию от ведущих промышленных стран Запада. Вспоминаю, как Анатолий говорил, что он отчетливо осознал, что для решения этих проблем советскому обществу нужна творческая и политическая, и духовная платформа, которая вдохнула бы новые силы в общественное сознание.

В 1976 г. Анатолий Андреевич после возвращения с дипломатической службы в ГДР вновь перешел на научную работу, отдав следующие 18 лет африканистике. Институт Африки АН СССР, в котором он работал директором вплоть до 1992 г., являлся базовой организацией для деятельности академического Научного совета по африканской проблематике. В составе Института действовали 10 научных исследовательских центров, а также Центр научной информации и международных связей. Активную роль в работе Института играл заместитель директора — А. М. Васильев, будущий

академик РАН. Анатолий выступал в роли своеобразного архитектора как в науке, так и в инфраструктурном обеспечении деятельности организации, решил сложнейшую задачу по ее обеспечению собственным зданием на ул. Алексея Толстого, теперь ул. Спиридоновка (старые служебные помещения пришли к тому времени в аварийное состояние). За годы работы в Институте Африки Анатолий написал обширную серию книг и статей о Чёрном континенте и об африканских странах; в их числе — «Конфликт на Юге Африки» (1979), «Африка: прогресс, трудности, перспективы» (1981), «Африка в мировой политике» (1986). По его признанию, с огромным удовольствием он работал над исследованием традиционного африканского искусства. Он также считал, что в Африке налицо отставание советских организаций в налаживании взаимовыгодных экономических связей, которые не поспевают за уровнем политическим. А монография Анатолия Андреевича «Маски и скульптура Тропической Африки» (1984) стала библиографической редкостью и выдержала несколько изданий. Одним из первых советских ученых он стал организатором и автором ряда совместных работ с американскими и африканскими исследователями по актуальным проблемам современности. Примером инновационной деятельности является совместный проект Института Африки и Центра международных и стратегических исследований Калифорнийского университета. Анатолию за его большой вклад в научные исследования по разным направлениям были присвоены звания профессора, доктора исторических наук. Он лауреат Государственной премии СССР, премии итальянской академии «Симба». В 1981 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР, он также состоял в Королевской академии Марокко и Малагасийской академии наук, являлся почетным доктором Лейпцигского университета, президентом движения

«За укрепление мирового демократического правопорядка и в поддержку ООН». Активную научно-исследовательскую деятельность Анатолия высоко ценили ведущие советские ученые. Такие крупные фигуры, как академик В. В. Журкин, академик С. М. Рогов говорили в беседах со мной о выдающихся заслугах Анатолия Андреевича.

На определенном этапе жизни он тесно работал с академиком Е. М. Примаковым. О своих личных отношениях с ним Анатолий рассказывал и писал, что они «сумели установить друг с другом доверительные отношения», «Я всегда помогал Евгению, а он мне».

Своему отцу, выдающемуся дипломату XX столетия А. А. Громыко, сын посвятил несколько книг, включая «Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына» (1997), «Андрей Громыко. Полет его стрелы» (2009). В них он в том числе делился своими глубокими размышлениями о Советском Союзе и современной России.

Возвращение Анатолия Андреевича в большую науку в середине 1970-х годов позволило ему осуществить многочисленные научные командировки за рубеж, в том числе в Соединенные Штаты и в десятки стран Африки, для посещения ведущих научно-исследовательских центров, проведения встреч и бесед с иностранными учеными, политиками, дипломатами. Мне довелось совершить вместе с моим товарищем интересные поездки по Соединенным Штатам, посмотреть отдельные достопримечательности в американской глубинке, о которых мы знали только понаслышке. Запомнилась поездка, которая включала места, описанные Марком Твенем в его бессмертных произведениях. Она состоялась по западному побережью США в марте 1971 г. по приглашению группы американских бизнесменов. В соответствии со сложившейся практикой высокого гостя из Москвы должен был сопровождать один

из представителей Советского государства. Выбор пал на В. Л. Израэляна, который в то время работал в Нью-Йорке в качестве заместителя Постоянного Представителя СССР при ООН Я. А. Малика. Однако Государственный Департамент США не дал официального согласия. Тогда руководство Представительства обратилось ко мне как к сотруднику Постоянного Секретариата ООН в Нью-Йорке. Помимо визитов в ряд научно-исследовательских центров, предусматривалось посещение мест, известных по книгам Марка Твена «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна». Получив согласия Госдепа, мы на следующий день отправились на машинах по запланированному маршруту в сопровождении двух американских коллег-бизнесменов, которые создали нам благоприятные условия для работы. Довольно быстро мы достигли города Ганнибал (Hannibal), штат Миссури. Там находилась школа, в которой, по Твену, учились друзья Том Сойер и Бекки Тэтчер. Мы посетили школу, ознакомились со сложившейся практикой обучения с учетом новых требований в рамках современного американского школьного преподавания. Учителя рассказали нам, что у них сложилась традиция — каждый учебный год избирать из числа лучших учеников новых «Тома Сойера» и «Бекки Тэтчер». На них возлагалась ответственность за помощь и содействие приезжающим в город гостям. Действительно, мы встретились с вновь избранными «Томом» и «Бекки», которые познакомили нас с достопримечательностями города. Нас проводили и к излюбленному месту для прогулок Тома Сойера и его друзей и напомнили о таких деталях книги Твена, как пароли, которыми обменивались герои его произведения, о том, как они плавали на плоту по реке Миссисипи, удили рыбу, разводили костры. После возвращения из г. Ганнибал нас разместили в гостевой части дома, принадлежавшего

одному из сопровождавших нас лиц. В свою очередь Анатолий много интересного и полезного рассказывал американцам о деятельности ученых в СССР, о тех шагах, которые он со своими коллегами предпринимал для оздоровления советско-американских отношений. Обсуждали в этой связи и вопросы сохранения мира.

Анатолий Андреевич считал важным, чтобы американцы вели с нами дела честно, без своих обычных увязок нерешенных проблем с внутренними делами в СССР. Годы спустя Анатолий в разговорах со мной весьма критически оценивал деятельность Э.А. Шеварднадзе на посту Министра иностранных дел, особенно его интриги против таких выдающихся дипломатов, как А.Ф. Добрынин и Г.М. Корниенко, в целом необоснованный и огульный курс на замену десятков советских послов. Касаясь в этой связи ведения переговоров по ядерному разоружению с американцами, Анатолий прямо говорил мне, что Горбачёв и Шеварднадзе «одну за другой делали Западу уступки без каких-либо выгод для Советского Союза».

В наших беседах Анатолий постоянно подчеркивал, что люди должны вести поиски совместного решения фундаментальных проблем, сохранять мир и укреплять международную безопасность. Придавая в этой связи большое значение деятельности Организации Объединенных Наций, он решительно выступал против попыток ослабить ООН и освободиться от ряда положений, предусмотренных ее Уставом — юридического фундамента международного права. Суть позиции Анатолия сводилась к тому, что ООН является основой сохранения мира и стабильности, что в мире «должна править сила права, а не право силы». Он считал жизненно необходимым защищать авторитет ООН, не позволять подтачивать ее механизмы. Именно в таком ключе Анатолий Андреевич читал спецкурс для студентов факультета мировой

политики МГУ им. М. В. Ломоносова по истории и деятельности Организации Объединенных Наций. Он трудился на нем почти до самой своей кончины.

Полагаю, что мои воспоминания о научной и профессиональной работе Анатолия Андреевича помогут представителям современной российской молодежи лучше разбираться в особенностях научной, учебной и производственной деятельности нашей великой страны, ее культуры, в тонкостях ее внешней политики и дипломатии, а в конечном счете во всестороннем понимании той активной роли, которую играли молодые советские ученые в послевоенном Советском Союзе. Достижения Анатолия Андреевича Громько, видного советского и российского ученого, Чрезвычайного и Полномочного Посланника 1-го класса, замечательного человека, проявились в различных областях научной, культурной, общественной и педагогической деятельности. За свое служение Отечеству он был отмечен орденами Октябрьской революции и Дружбы народов и многими другими наградами.

КАК ЭТО БЫЛО

Александр МАРЬЯСОВ

КОМАНДИРОВКА В РЕВОЛЮЦИЮ

Из служебных командировок в Иран (в общей сложности их было четыре) мне больше всех запомнилась вторая, по времени совпавшая с уникальными революционными событиями в этой древней и имеющей богатейшее историческое и культурное наследие стране. Я оказался в эпицентре бурных перипетий, драматически изменивших ход истории Ирана, и стал очевидцем небывалого подъема революционного духа и бескомпромиссной решимости миллионов людей покончить с авторитарным деспотизмом и освободиться от иностранной зависимости, построить справедливое демократическое государство.

Иранскую революцию 1979 г. в СССР называли антиимпериалистической, в Европе — демократической. В самом Иране она была объявлена Исламской. При всей справедливости вышеуказанных характеристик Иранская революция прежде всего была народной. В ней приняли активное участие представители практически всех слоев и групп населения, независимо от их политических и идеологических взглядов, этнической и религиозной принадлежности. Сплоченные единой целью и волей к победе, они быстро сломили сопротивление шахского режима с его вооруженной до зубов

армией, разветвленной сетью тайной полиции САВАК и, казалось бы, безусловной поддержкой США.

Однако сразу же после свержения монархии выяснилось, что участники революции ставили перед собой разные цели на послереволюционный период, по-разному видели будущее страны. Буржуазно-националистические круги поддерживали превращение Ирана в парламентскую республику и сохранение действовавшей Конституции с небольшими изменениями. Леворадикальные организации и группировки выступали за более серьезные перемены — превращение страны в демократическую республику с сильными элементами народовластия. Представители этнических меньшинств рассчитывали на укрепление местной автономии и расширение своих прав. Однако решающее воздействие на определение будущего государственного устройства и организацию власти в стране оказала революционная часть иранского духовенства, которое возглавлял харизматичный и бескомпромиссный лидер — великий аятолла Рухолла Мусави Хомейни.

Возвращаясь к событиям более чем сорокалетней давности, я старался проследить развитие революционной ситуации в стране, восстановить в памяти наиболее яркие и запомнившиеся эпизоды как самой Иранской революции, так и последующей драматической борьбы за власть и будущее страны между ее участниками.

«Все хорошо, прекрасная маркиза»

Осенью 1976 г. я приехал в Иран во вторую служебную командировку в качестве сотрудника советского посольства. С конца 1960-х гг. город сильно изменился. В центральной части появилось множество высотных зданий из стекла и бетона, где разместились министерства и ведомства, банки и страховые компании, офисы западных фирм. В северных

районах выросли роскошные жилые дома, виллы и особняки, архитектура которых нигде не повторялась. Столицу Ирана охватил массовый строительный бум. Сооружались продовольственные супермаркеты и торговые центры, кинотеатры, больницы, дорожные развязки и объекты инфраструктуры. Город уже начал задыхаться в автомобильных пробках.

По вечерам центр и север Тегерана охватывала цветная лихорадка многочисленных неоновых витрин и рекламных билбордов. В многочисленных ресторанах, танцевальных клубах и караоке-барах допоздна звучала музыка на любой вкус. Так давал о себе знать пролившийся на Иран в начале 1970-х гг. нефтедолларовый дождь после многократного повышения мировых цен на нефть. Однако столь разительные перемены коснулись далеко не всех граждан. Контрастом зажиточному и процветающему центру и северу столицы служили мрачные трущобы и глинобитные дома южной части Тегерана, где люди по-прежнему жили в нищете и антисанитарии. Здесь нельзя было встретить роскошные автомобили с ухоженными и одетыми в мини-юбки женщинами за рулем. Их появление вызвало бы недоуменные взгляды местных женщин и девушек в черных чадрах, закрывающих всю фигуру, а также саркастические высказывания лиц мужского пола.

Многочисленный дипломатический корпус Тегерана, представленный почти сотней иностранных посольств и миссий, вел активную и весьма насыщенную жизнь. Дневные фуршеты и коктейли сменялись вечерними приемами и ужинами. Протокольных мероприятий хватало не только послам и старшим дипломатам, но и посольской молодежи. Большой интерес и внимание к иностранным дипломатам проявляли не только официальные лица, но и многие представители местной аристократии, деловых и предпринимательских

кругов, деятели культуры и искусства. Они регулярно приглашали дипломатов на всевозможные встречи, поиграть в теннис и гольф, поохотиться. Запомнились вечеринки, которые устраивал для сотрудников советского посольства иранский обувной король, владелец фабрик «КЯФШЕ МЕЛЛИ» Рахим Ирвани, наладивший активную торговлю обувью с нашей страной. На большом, аккуратно подстриженном газоне его загородной резиденции, обрамленном высокими деревьями, были расставлены палатки с разнообразными закусками и напитками, над которыми царил дразнящий запах шашлыка.

Весьма насыщенной была и культурная жизнь иранской столицы. Новые иностранные фильмы, главным образом американские, появлялись в кинотеатрах чуть ли не на следующий день после премьерных показов в западных столицах. В Иран регулярно приезжали на гастроли известные зарубежные музыкальные и театральные коллективы и исполнители, выступавшие в новом, прекрасно оформленном черным мрамором концертном зале «Рудаки», расположенном рядом с советским посольством. По приглашению иранской стороны там постоянно работали с иранскими танцовщиками балетмейстеры Большого театра. Популярный советский певец М. Магомаев побывал в Иране по личному приглашению шахини Фарах Пехлеви, иранской азербайджанки по происхождению. Известный советский футболист И. Нетто долгое время тренировал сборную команду Ирана по футболу. Большим успехом у иранцев пользовались местные театры, ставившие мелодрамы из народной жизни, а также музыканты и певцы. Особую популярность приобрела певица Гугуш.

Перед нашими глазами проходила официальная общественно-политическая жизнь страны, которая концентрировалась вокруг провозглашенной шахом Мохаммедом Резой

Пехлеви идеи построения в Иране «великой цивилизации». В качестве средства ее достижения иранский монарх инициировал проведение «Белой революции» — серии реформ в области промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения и благоустройства, которые были призваны превратить страну в успешную и высокоразвитую региональную державу. Вместе с тем шах жестко сдерживал развитие любой политической инициативы «снизу». Полностью контролируя деятельность правительства и обеих палат парламента (меджлиса и сената), он инициировал создание единой для всех иранцев партии «Растахиз» («Возрождение»), которая функционировала на основе его указаний и решений.

В то время любому приезжему бросалось в глаза большое число иностранцев, прежде всего американцев. В Иране находилась многочисленная военная миссия США, которая обеспечивала в первую очередь бесперебойную поставку новейшего американского вооружения и военной техники. Десятки тысяч американских советников работали практически во всех иранских министерствах и ведомствах, пользуясь при этом дипломатическим «иммунитетом». В Тегеране функционировали огромный культурный центр, госпиталь, радиостанция, школа и другие американские заведения. Иранская аристократия и зажиточные слои населения охотно копировали американский образ жизни, получали образование в США и отправляли туда на учебу детей. Американцы чувствовали себя в Иране как дома. Им, да и не только им, казалось, что так будет и дальше. Неслучайно президент США Джимми Картер во время визита в Тегеран в январе 1978 г. назвал Иран «островом стабильности» в окружающем его беспокойном море.

Мало кто придавал значение уже прозвучавшим первым тревожным для властей звонкам. Так, в Тегеране члены лево-радикальной «Организации партизан-федаинов иранского

народа» (ОПФИН) совершили несколько терактов против американских военных советников. В пос. Сияхкаль северной иранской провинции Мазандеран федаины совершили нападение на полицейский пост. В Тегеранском и других университетах страны распространялись листовки федаинов и левой «Организации моджахедов иранского народа» (ОМИН) с призывами к борьбе с шахским режимом.

Еще один обличительный голос звучал из иракского Неджефа. Опальный аятолла Р.М. Хомейни, изгнанный шахом из Ирана в 1964 г. за критику «Белой революции» и предоставление американским советникам освобождения от иранской юрисдикции, резко критиковал проамериканскую политику шахского режима и призывал к свержению монархии. Эти высказывания тонули в бравурных реляциях шахской пропагандистской машины и тщательно заглушались правоохранительными органами и тайной полицией САВАК. Основная масса населения, верившая обещаниям лучшей жизни, еще не была готова к активным протестным выступлениям, хотя тексты проповедей Р.М. Хомейни, записанные на кассетах, уже доходили до теологических центров Кума, Исфахана, Тебриза и Мешхеда и распространялись среди семинаристов.

«Остров стабильности» не так стабилен

Многokратный рост цен на нефть сыграл злую шутку с шахским режимом. Массированные денежные вливания в экономику привели к ее «перегреву». Транспортная и экономическая инфраструктура оказалась не готова быстро освоить новые крупные капиталовложения. Не хватало квалифицированных рабочих и специалистов, которых приходилось приглашать из-за границы за баснословную заработную плату. Перекосы в проведении аграрной реформы вели

к разорению иранских крестьян, которые стали пополнять ряды городских люмпен-пролетариев. Резко взлетели цены на продовольствие и товары первой необходимости. Стремительно рос разрыв между сказочно обогатившейся аристократией, компрадорской буржуазией и остальными слоями населения.

При всем благосклонном отношении США и других западных стран к социально-экономической политике шаха они проявляли беспокойство по поводу жесткого нарушения Тегераном прав и свобод иранцев. Особенно чувствительна к этому вопросу была администрация президента Дж. Картера. Под его влиянием шах в начале 1977 г. разрешил гражданским адвокатам защищать гражданских лиц в военных трибуналах, несколько ослабил контроль за иранскими СМИ.

Этим не преминули воспользоваться представители различных профессиональных организаций иранской интеллигенции, политических партий и группировок. В мае 1977 г. более 30 адвокатов направили министру шахского двора петицию с требованием разрешить свободное отправление правосудия. В июне того же года руководители буржуазно-националистической организации «Национальный фронт», у истоков которой стоял свергнутый американцами и англичанами демократически избранный в 1953 г. премьер-министр Мохаммед Моссаддык, посмевавшийся национализировать иранскую нефтяную промышленность, призвали шаха восстановить свободу печати, соблюдать иранскую Конституцию, принятую по итогам конституционного движения 1905–1907 гг., а также освободить политических заключенных. Более 100 писателей, юристов и других представителей интеллигенции подписали письмо премьер-министру Амиру Аббасу Ховеjde с требованием проведения демократических реформ. Летом 1977 г. был образован Национальный комитет по защите прав и свобод населения. Были воссозданы

распущенные ранее профессиональные союзы юристов, писателей, преподавателей Тегеранского университета. В ноябре 1977 г. в немецком Институте Гёте и Технологическом университете «Арья Мехр» состоялась серия политических чтений, превратившихся в акции осуждения репрессивных действий шахских властей в отношении иранских диссидентов. К протестным акциям интеллигенции стали подключаться представители духовенства.

Поводом для одного из самых первых антиправительственных выступлений духовенства стала внезапная смерть старшего сына Хомейни, Мустафы, в октябре 1977 г. По Ирану быстро распространились слухи, что он был убит агентами САВАК по прямому приказу шаха. Вплоть до конца года в Куме и Тегеране продолжались стихийные демонстрации и митинги протеста, которые все чаще стали ассоциироваться с именем Р.М. Хомейни. 4 января 1978 г. в центральной тегеранской газете «Эттелаат» была опубликована инспирированная правительством статья, в которой великий аятолла был назван английским шпионом и «гомосексуалистом индийского происхождения». Возмущенные сторонники Р.М. Хомейни отреагировали организацией еще более многочисленных демонстраций в Куме. В знак протеста закрылся тегеранский базар — сердце торгово-деловой жизни столицы. Правоохранительные органы применили оружие. Было убито более 70 и ранено свыше 400 демонстрантов.

Этими действиями властей был запущен механизм шиитской традиции поминовения мучеников на 40-й день после их гибели. В феврале 1978 г. траурные церемонии по погибшим в Куме прошли уже в 10 городах Ирана, а в марте — почти в 60 городах и населенных пунктах. Новые жертвы продолжали раскручивать маховик протестных выступлений, которые становились все более массовыми и радикальными, постепенно превращаясь в тактику революционного

движения. В них стали участвовать не только священнослужители и учащиеся теологических школ, но и представители самых различных слоев населения.

Рубикон перейден

19 августа 1978 г. в Абадане вспыхнул пожар в кинотеатре «Рекс», погибло более 400 человек. Власти обвинили в поджоге «врагов режима», однако общественное мнение посчитало это делом агентов САВАК. Трагедия лишь усилила массовые протесты.

Пытаясь снять нарастающую напряженность, шах назначил новым премьер-министром бывшего председателя сената Джафара Шарифа-Имами, выходца из известного религиозного клана. Чтобы завоевать расположение духовенства — влиятельной политической силы — новый премьер-министр отменил введенный шахом календарь, бравший отсчет от основания Сасанидской империи, и вернул прежний лунный календарь, закрыл казино и ночные клубы, ликвидировал Министерство по делам женщин, учредил Министерство по вопросам религии, освободил из тюрем ряд религиозных деятелей. Он также отменил цензуру печати, разрешил деятельность политических партий. Но эти запоздавшие уступки уже не могли удовлетворить участников нарастающего протестного движения, которые выдвигали все более радикальные требования.

4 сентября 1978 г. празднование окончания религиозного поста священного месяца мухаррам превратилось в массовую антиправительственную демонстрацию в Тегеране с участием более 100 тыс. человек. Протестные выступления продолжались не только в столице, но и в других городах. Все громче звучали антишахские лозунги, скандировалось имя Р.М. Хомейни как безоговорочного лидера революционного движения.

Напуганный массовым характером антирежимных выступлений, шах 7 сентября ввел в Тегеране военное положение и назначил военным губернатором известного своим радикализмом генерала Голяма Али Овейси. В ночь на 8 сентября генерал ввел в столице и еще 11 городах военное положение. Утром, когда участники собравшегося на площади Жале многотысячного митинга отказались расходиться, введенные из казарм войска открыли по ним огонь. По официальным данным, погибло 86 демонстрантов, однако, по свидетельству очевидцев, в городские морги было доставлено более 3 000 убитых. По нашим оценкам, эта трагедия, ставшая самым кровавым событием с момента начала протестов и получившая название «черной пятницы», окончательно похоронила надежды на компромисс между населением и шахским режимом, резко радикализовала революционный процесс, и он вступил в необратимую фазу прямой и непримиримой конфронтации.

По призыву Р. М. Хомейни, который, по имеющимся данным, переправлял через доверенных лиц из Неджефа в Тегеран записанные на кассетах обращения и прямые указания, 9 сентября объявили забастовку рабочие Тегеранского нефтеперерабатывающего завода. Их примеру последовали персонал и рабочие крупнейших нефтеперерабатывающих предприятий в других городах Ирана. К концу октября забастовочным движением были охвачены важнейшие промышленно-производственные предприятия страны. Закрылся тегеранский базар. Прекратили выходить на работу сотрудники многих ведомств и частных компаний. Первоначально выдвинутые экономические требования стали перерастать в политические.

Шах быстро терял управление страной и метался в своих действиях от кнута к прянику и наоборот. 15 ноября он заменил правительство «либерального» премьера Д. Шарифа-

Имами военным кабинетом во главе с начальником шахской гвардии генералом Голямом Резой Азхари. Новый премьер объявил о введении комендантского часа и жестких мер против забастовщиков и демонстрантов.

Отчаявшийся шах выступил по телевидению и обещал «исправить допущенные ошибки», соблюдать Конституцию, провести свободные выборы, призывал к «национальному примирению». В качестве шагов по исправлению ситуации санкционировал арест более 130 высокопоставленных государственных чиновников, включая бывшего премьер-министра А. А. Ховеиду и руководителя САВАК генерала Нематоллу Насери.

Опальный аятолла активизируется

Осенью 1978 г. иракские власти по просьбе шаха предложили Р.М. Хомейни, уже 16 лет находившемуся в Неджефе, либо прекратить антишахскую деятельность, либо покинуть страну. Великий аятолла выбрал второе. Поскольку ни одна из исламских стран региона не соглашалась принять его, Р.М. Хомейни выбрал Францию, куда и прибыл 16 октября.

Разместившись в пригороде Парижа Нефль-ле-Шато, великий аятолла в полной мере использовал предоставленную ему французскими властями практически неограниченную свободу действий для активной антишахской пропагандистской кампании, в том числе с использованием местных и иностранных СМИ. В течение четырех месяцев пребывания во Франции он дал более 120 интервью иностранным корреспондентам и телеканалам.

Пребывание в Париже заметно упростило коммуникации Р.М. Хомейни с религиозными и политическими лидерами антишахской оппозиции. Еще до возвращения в Иран у него побывали многие представители политически

активного духовенства и практически все руководители оппозиционных буржуазно-националистических партий, которые получали инструкции и указания по тактике организации протестного движения.

Во Франции у великого аятоллы образовался ближний круг советников и помощников из числа находившихся за рубежом антишахски настроенных либеральных деятелей. В него вошли Аббас Амир-Энтезам, Садек Готбзаде, Эбрахим Язди и др. Находясь в Нефль-ле-Шато, Р.М. Хомейни также сформировал ячейку доверенных лиц в Иране, преимущественно из числа духовенства, многие из которых в последующем стали членами Революционного исламского совета и заняли руководящие посты в государственной структуре послереволюционного Ирана.

28 ноября, накануне начала священного месяца мухаррам, когда шииты поминают мученическую смерть имама Хусейна, Р.М. Хомейни призвал иранцев еще решительнее выступить против «сатанинской власти» и сравнил протестные выступления народа против шаха с борьбой имама Хусейна с Язидом ибн Муавией. Этот призыв имел колоссальное воздействие на глубоко верующих иранцев. Прошедшие 2 декабря траурные шествия носили беспрецедентно массовый характер: в них приняли участие более 10 млн человек. С крыши здания советского посольства в Тегеране было видно, как несколько потоков демонстрантов, сливаясь в полнокровное людское море, направлялись к площади Шахьяд на траурный митинг. Одетые в черное, с портретами великого аятоллы, двигаясь молча и размеренно, протестующие завораживали своей мощью. В те дни ни полиция, ни жандармерия, ни воинские подразделения не показывались на улицах. Полноправными хозяевами столицы были демонстранты. Они четко, без инцидентов организовали траурные церемонии, в том числе шествия «шахсей-вахсей»,

когда раздетые по пояс мужчины били себя цепями по спине в знак солидарности с мучеником имамом Хусейном.

Развязка все ближе

На фоне нараставшей волны протестных выступлений, которые приобретали все более решительный и бескомпромиссный характер, шах предпринял последний отчаянный шаг в попытке спасти положение. В конце декабря он назначил премьер-министром известного деятеля Национального фронта Шахпура Бахтияра — единственного оппозиционера, согласившегося принять предложение шаха, в надежде, что он сумеет стабилизировать ситуацию в стране. Новый премьер отменил военное положение и цензуру СМИ, освободил из тюрем всех политических заключенных, распустил тайную полицию САВАК. Иран вышел из блока СЕНТО и отменил заключенные шахом сделки в 7 млрд долл. на приобретение военной техники. Но эти шаги уже не могли изменить революционные настроения. Р. М. Хомейни объявил правительство Ш. Бахтияра незаконным, и с ним отказались сотрудничать почти все оппозиционные силы. Только высшее военное руководство страны, все еще преданное шаху, было готово подчиняться ему.

Ударом в спину для шаха стало фактическое уклонение президента США Дж. Картера от поддержки стратегического союзника. На пресс-конференции в начале декабря американский президент заявил, что судьбу шаха должен решать иранский народ. 16 января обескураженный и больной лейкемией М. Р. Пехлеви с семьей по приглашению президента Египта Анвара Садата вылетел в Каир.

Хорошо помню, что отъезд шаха вызвал ликование в Иране. Вышли спецвыпуски газет с огромными заголовками на всю первую полосу: «Шах ушел». По улицам Тегерана

разъезжали громко гудящие автомашины с возбужденными молодыми людьми, которые выкрикивали антимонархические лозунги. Владельцы кондитерских лавок раздавали сладости прохожим. Молодежь повсеместно сбрасывала с постаментов статуи шаха и его отца, Резы-шаха Пехлеви.

Надо сказать, что, находясь в Париже, Р. М. Хомейни не предавал широкой огласке идею государственного устройства Ирана в форме создания исламской республики во главе с компетентным исламским юристом — факихом. Его задачей на первоначальном этапе революции было объединение всех антишахских и антиамериканских сил, в том числе леводемократических, с целью свержения монархии. Поэтому в лексиконе великого аятоллы постоянно звучали слова «свобода», «демократия», «народовластие», «социальная справедливость».

Между тем ситуация в Иране продолжала накаляться. Высший командный состав армии сохранял лояльность шаху и Ш. Бахтияру. Ряд видных религиозных авторитетов, включая великого аятоллу Мохаммада Казема Шариятмадари, не желавших втягиваться в политическую борьбу, поддерживали Ш. Бахтияра, призывали к поиску компромисса между ним и оппозицией. Часть либерально-демократических сил призывала Р. М. Хомейни договориться с Ш. Бахтияром о проведении референдума о будущем государственном устройстве Ирана.

Дж. Картер обратился к вождю Иранской революции с призывом дать шанс правительству Ш. Бахтияра стабилизировать обстановку в стране. Р. М. Хомейни жестко осудил местных «согласителей» и заявил, что американскому президенту не стоило бы давать советы иранцам. В январе 1979 г. в Иране проходили демонстрации и митинги как сторонников, так и противников Ш. Бахтияра. 19 января сторонники Р. М. Хомейни провели в ряде городов массовые церемонии

по случаю траурной даты Арбаин — сорокового дня с момента гибели шиитского имама Хусейна. Они вылились в своего рода референдум в поддержку призыва Р.М. Хомейни о создании в Иране исламской республики. 21 января в Тегеране прошла многотысячная демонстрация левodemократических партий с лозунгами о превращении Ирана в свободное демократическое государство, а 23 января — демонстрация сторонников Конституции и правительства Ш. Бахтияра. 31 января состоялся парад подразделений шахской гвардии с участием военной техники, который был призван продемонстрировать решимость лояльных режиму Вооруженных сил защитить монархию.

Десять дней, которые потрясли Иран

1 февраля 1979 г. Р.М. Хомейни, к тому времени уже безоговорочно признанный лидером революции, триумфально вернулся в Тегеран спецрейсом «Эйр Франс». В Мехрабадском аэропорту его встречала многотысячная толпа. Люди были в экстазе. Многие плакали, пытались дотронуться до великого аятоллы. Поскольку все выезды из аэропорта и ближайшие улицы были заблокированы встречающими, Р.М. Хомейни и сопровождавшие его лица пересели из автомобиля на вертолет, который доставил их на кладбище Бехеште-Зохра — место захоронения жертв шахских репрессий и погибших в ходе антиправительственных выступлений. Обращаясь к собравшимся там семьям пострадавших от шахского режима, Р.М. Хомейни призвал сторонников довести революционную борьбу до свержения «незаконного правительства Бахтияра», а военнослужащих — «поддержать борьбу иранского народа». Великий аятолла также обещал в ближайшее время назначить новое правительство.

Р. М. Хомейни и его ближайшее окружение разместились в здании школы Рефах на юге Тегерана, которая сразу же превратилась в место круглосуточного паломничества граждан. Первым иностранным послом, которого принял здесь вождь Исламской революции, был советский посол Владимир Михайлович Виноградов. Беседа состоялась в небольшой, скромно обставленной комнате. В. М. Виноградов выразил поддержку революционному движению иранского народа, пожелал ему успеха. Р. М. Хомейни поблагодарил и отметил, что иранцы полны решимости довести дело революции до успешного завершения.

2 февраля Р. М. Хомейни с балкона своей первой резиденции обратился к собравшейся многочисленной толпе с благодарностью за оказанную ему теплую встречу и заявил, что окончательная победа революции будет достигнута только после ликвидации всех институтов шахского режима. Спустя день на первой пресс-конференции в Тегеране великий аятолла сказал, что если правительство Ш. Бахтияра добровольно не сложит полномочия, то он объявит «священную войну» — джихад — ему и всем сторонникам шахского режима. Он также сообщил, что в ближайшее время будут сформированы революционный совет и временное правительство, а затем проведен референдум о новом государственном устройстве и разработан проект новой Конституции страны. 5 февраля Р. М. Хомейни назначил премьер-министром Мехди Базаргана — либерального технократа, руководителя буржуазно-националистического «Движения за свободу Ирана» — и поручил ему сформировать временный кабинет министров. В него вошли представители либерально-националистических кругов из числа юристов, врачей, преподавателей вузов, бывших госслужащих, активистов оппозиционного движения с исламской ориентацией. Одновременно начал функционировать революционный со-

вет — по существу, теневое правительство, где шла выработка как ближайших действий, так и последующей стратегии по реализации реформистских планов.

Ш. Бахтияр нервно реагировал на действия Р.М. Хомейни, цепляясь за власть и пытаясь сохранить полномочия. Его кабинет все еще поддерживали руководящий командный состав иранской армии, правоохранительные органы, бюрократическая верхушка госаппарата, компрадорские промышленно-торговые круги. Некоторое время последнему шахскому премьеру еще удавалось проводить демонстрации и митинги в свою поддержку. В словесной перепалке с лидером Иранской революции через подконтрольные СМИ Ш. Бахтияр заявлял, что будет блокировать деятельность временного правительства, но готов ввести в состав своего кабинета представителей оппозиции, угрожал военным переворотом, утверждал, что останется у власти до проведения всеобщих выборов по определению будущего страны.

Однако с возвращением Р.М. Хомейни в Иран среди сторонников Ш. Бахтияра резко усилились пораженческие настроения. Многие депутаты шахского парламента сложили полномочия. Тесно связанные с шахским режимом представители аристократических кругов, госчиновники и предприниматели массово покидали страну. Рядовые сотрудники министерств и ведомств прекращали работу и заявляли о поддержке Р.М. Хомейни. 8 и 9 февраля прошли многотысячные демонстрации в поддержку временного правительства М. Базаргана в Тегеране, Исфахане, Ширазе и ряде других городов. Многие из них вылились в стычки с полицией и жандармерией.

Утром 10 февраля подразделение шахской гвардии попыталось арестовать находившихся на базе ВВС «Дошан Тапхех» в Фарахабаде младших технических сотрудников —

хомафаров, накануне заявивших о поддержке Р.М. Хомейни. Хомафары оказали сопротивление и с помощью пришедших на помощь вооруженных демонстрантов, в первую очередь фedaинов и моджахедов, отбили атаку. Этот инцидент послужил сигналом для начала завершающей фазы революции — вооруженной. Восставшее население захватывало полицейские и жандармские посты, военные склады. В Тегеране начались столкновения демонстрантов с силами правопорядка и армейскими подразделениями. 11 февраля эти столкновения перекинулись на другие города страны. Сторонники революции, в авангарде которых находились боевые отряды левых организаций ОМИН и ОФИН, начали штурм военных баз в Эшратабаде, Джамшидии и Баг-и-Шахе, гарнизоны которых продолжали оставаться верны Ш. Бахтияру. К концу дня они прекратили сопротивление.

На следующий день Р.М. Хомейни обратился по радио к иранским военным и заявил, что освобождает их от присяги верности шаху. Высший Совет Вооруженных сил Ирана провозгласил нейтралитет в политических делах и издал приказ о возвращении всех воинских подразделений в казармы. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Аббас Карабаги заявил о полной поддержке временного правительства М. Базаргана. О «солидарности с народом Ирана» заявило и командование шахской гвардии. 12 февраля начался массовый переход воинских частей и гарнизонов на сторону временного правительства. Правительство Ш. Бахтияра перестало существовать.

Вспоминая А. С. Грибоедова

11 февраля, в разгар ожесточенных вооруженных столкновений восставшего населения с шахскими солдатами и силами правопорядка, исполнилось 150 лет со дня гибели в Тегеране А. С. Грибоедова. Сотрудники советского посольства собрались у скромного памятника поэту и дипломату. Размышляя о его трагической судьбе и гибели от рук подстрекаемой муллами фанатичной толпы, мы невольно задумывались о том, как революционные события отразятся на развитии советско-иранских отношений. В городе раздавались автоматные очереди, и трассирующие пули жужжали над посольским парком, порой падая на его дорожки. Эта канонада накладывалась на грустные мысли о мученической смерти бесстрашного русского дипломата и вселяла бессознательную тревогу в связи с непредсказуемыми проявлениями религиозного экстремизма.

Революционный беспорядок

С победой революции перестали функционировать все институты шахской власти. Госаппарат был дезорганизован, госслужащие не выходили на работу. Армия и силы правопорядка сложили полномочия, промышленные предприятия оказались в руках забастовочных комитетов. На фоне эйфории стала ярко проявляться революционная инициатива масс. При мечетях и в городских районах стихийно образовывались местные исламские советы и революционные комитеты, которыми руководили исламские активисты и участники левых движений. Они выявляли и арестовывали сторонников шахского режима, обеспечивали общественный порядок, занимались организацией повседневной

жизни населения, распределяли продукты питания и топливо, решали другие актуальные проблемы.

Создавались революционные суды и революционные трибуналы, состоявшие, как правило, из представителей духовенства. Они приступили к аресту «контрреволюционных» офицеров и представителей высшего звена государственных деятелей шахского режима. В центральных газетах публиковались огромные фотографии обезображенных тел расстрелянных шахских генералов и других высших офицеров. Среди казненных оказался и некогда весьма популярный и харизматичный премьер-министр А. А. Ховейда: видимо, знал многое, что могло не понравиться новым властям.

Хорошо помню, что в первые дни после победы революции повсюду царила опьяняющая атмосфера свободы и раскрепощенности. По радио, перешедшее под контроль леводемократических организаций, звучали революционная музыка и кубинские революционные песни. Начали издаваться сотни новых газет, журналов, других печатных изданий, множество карикатур и пикантных снимков. Например, наряду с фотографией шахини, позирующей с группой девушек в купальниках, можно было встретить изображение чисто выбритого мужчины в костюме при галстуке и шляпе, поразительно похожего на Р.М. Хомейни. Запрещенная шахом коммунистическая партия Ирана (Туде) объявила о возобновлении деятельности. Иранские университеты превратились в места жарких дискуссий о путях дальнейшего развития страны. Здесь начали создаваться штаб-квартиры многих леводемократических партий и организаций.

Первые послереволюционные месяцы были временем свободного общения и интересных бесед с иранцами. Узнав, что мы советские («шурави»), они проявляли большой интерес к событиям в СССР, жизни советских людей, увлеченно рассказывали, каким видят будущее своей страны. Особенно

запомнилось торжественное собрание, посвященное годовщине Октябрьской революции, которое состоялось 10 ноября в иранском Обществе культурных связей с Советским Союзом. Несколько тысяч иранцев, в основном молодежь, заполнили актовый зал и территорию Общества, а также прилегающую улицу, куда пришлось вынести динамики.

Собравшиеся внимательно слушали выступление советского посла, неоднократно прерывая его длительными аплодисментами. Революционные события в России, о которых он рассказывал, поразительным образом перекликались с событиями Иранской революции, давали богатую пищу для размышлений о возможных путях дальнейшего развития страны. По окончании собрания В. М. Виноградову и сотрудникам посольства с трудом пришлось прокладывать путь к выходу через толпу возбужденных молодых людей, которые пожимали руки, благодарили, поздравляли.

Стремительная победа восставшего народа застала врасплох Р. М. Хомейни и его сторонников, которые готовились к длительному противостоянию с Ш. Бахтияром и не рассчитывали, что шахская армия так быстро прекратит сопротивление и не будет поддержана американскими покровителями. США также не ожидали столь стремительного развития революционного процесса. Неслучайно одно из ставших известным донесений американского посла в Тегеране Уильяма Салливана после бегства Ш. Бахтияра в Париж было озаглавлено «Немыслимое произошло».

Лидер Иранской революции и его последователи не были готовы к правлению страной. Еще не были сформированы базовые исламские институты власти и официально закреплены идеологические основы нового режима. Не до конца был понятен политический и военный потенциал неисламских революционных сил. Поэтому на первый план вышла деятельность временного правительства М. Базаргана. Политически

активная часть революционного духовенства, сгруппировавшаяся вокруг Р.М. Хомейни, считала необходимым создать и свою партию для политической мобилизации и организации сторонников. 19 февраля была учреждена Исламская республиканская партия (ИРП). Ее основателями стали аятолла Мохаммад Бехешти, аятолла Мусави Ардебели, будущие президенты Али Акбар Хашеми Рафсанджани и Али Хаме-неи. М. Бехешти стал ее председателем.

В ситуации с разложившейся и ненадежной армией и существованием многочисленных вооруженных группировок при различных революционных комитетах и трибуналах Р.М. Хомейни остро чувствовал необходимость иметь собственную, подчиненную духовенству военную силу, которая могла бы защищать его интересы, в том числе в противодействии организованному и хорошо вооруженному левому движению. 5 мая он объявил о создании Корпуса стражей исламской революции (КСИР) — военизированной структуры, которая постепенно превратилась в параллельную армию и стала «боевым кулаком» в подавлении оппозиционных выступлений.

«Бритва без лезвия»

В задачи, поставленные перед правительством М. Базаргана лидером революции, входили восстановление нормального функционирования государственного аппарата и экономической жизни страны, проведение референдума о государственном устройстве, выработка и принятие новой Конституции, организация выборов в парламент (меджлис).

Однако работе правительства серьезно мешала хаотичная и неподконтрольная деятельность многочисленных ревкомов, ревсоветов, ревтрибуналов и других стихийно возникших организаций. Попытки М. Базаргана ограничить их

деятельность и поставить под юрисдикцию правительства не давали результата. Премьер неоднократно жаловался на это Р.М. Хомейни, который поручил члену Революционного совета аятолле Мохаммаду Резе Махдави Кяни навести порядок в работе вышеуказанных структур, взять их под жесткий контроль. Но тот лишь провел чистку ревкомов от левых и других нежелательных элементов, сократив их численность и укрепив надежными «исламскими» кадрами. Деятельность контролируемых духовенством ревтрибуналов не ограничивалась. М.Р. Махдави Кяни, как и Р.М. Хомейни, прекрасно понимал важность деятельности «революционных исламских» структур, активно поддерживающих все действия лидера революции по решению задач создания теократического государства.

М. Базарган пытался координировать работу правительства с деятельностью более авторитетного и влиятельного Революционного совета. М.Р. Махдави Кяни был назначен министром внутренних дел, А.А. Хашеми Рафсанджани — его заместителем, А. Хаменеи — заместителем министра обороны. Проводились совместные заседания правительства и Революционного совета в присутствии Р.М. Хомейни. Эти шаги не дали желаемых результатов, зато позволили членам Ревсовета приобрести навыки и опыт административной работы. В этих условиях М. Базарган афористично называл свое правительство «бритвой без лезвия», а Тегеран — «городом тысяч шерифов».

Не все муллы хотят быть политиками

Значительная часть иранского духовенства без энтузиазма относилась к политизации ислама и вовлечению религиозных деятелей в политическую жизнь и руководство страной, опасаясь, что это может подрывать авторитет и влияние духовенства среди верующих. Среди них наиболее крупной и авторитетной фигурой являлся великий аятолла М. К. Шариатмадари, глава теологического центра Тебриза и в отсутствие Р. М. Хомейни главный религиозный авторитет страны. Он критиковал многие действия шахского режима, но не был готов вести с ним борьбу. Его вполне удовлетворяли реформы, которые предлагал Ш. Бахтияр. Невольно вовлеченный в революционный процесс (Тебриз стал одним из самых активных центров антишахского движения), М. К. Шариатмадари тем не менее выступал против проявлений экстремизма и насилия и со стороны шахского режима, и со стороны революционеров.

М. К. Шариатмадари был принципиальным противником идеи установления правления компетентного исламского правоведа (факиха). Будучи сторонником создания в Иране демократической республики и предоставления ограниченной автономии этническим регионам страны в рамках единого государства, в ходе обсуждения проекта новой Конституции он поддерживал выдвинутые либерально-националистическими и левыми оппонентами Р. М. Хомейни положения о демократическом государственном устройстве Ирана. Для объединения единомышленников сторонники М. К. Шариатмадари в феврале 1979 г. учредили Исламскую народно-республиканскую партию (ИНРП).

Ввиду своей диссидентской позиции М. К. Шариатмадари стал подвергаться нападкам сторонников Р. М. Хомейни. Они даже совершили нападение на дом главы теологического

центра Тебриза в Мешхеде, в ходе которого был убит один из охранников. Этот инцидент положил начало массовым демонстрациям протеста в Тебризе и других городах азербайджанских провинций Ирана. В Тебризе демонстранты захватили местную радиостанцию и ряд госучреждений. Активное участие в стычках сторонников и противников М. К. Шариатмадари приняли направленные из Тегерана отряды Корпуса стражей исламской революции. Опасаясь эскалации кровопролития и дальнейшего обострения ситуации, М. К. Шариатмадари призвал своих сторонников прекратить протестные выступления. Сторонникам Р. М. Хомейни удалось взять ситуацию под контроль. М. К. Шариатмадари был лишен титула великого аятоллы и помещен под домашний арест. ИНРП была распущена.

Только исламская республика

Первым шагом на пути реализации идеи исламского правления должно было стать провозглашение Ирана исламской республикой без добавления слов «демократическая», «народная», как на этом настаивали националистические и левые партии. Р. М. Хомейни сразу же взял в свои руки инициативу в этом вопросе. Выступая 1 марта 1979 г. перед преподавателями и слушателями кумского теологического центра, он прямо заявил, что народ хочет видеть Иран именно исламской республикой, а не просто демократической или демократической исламской республикой. Термин «демократическая», по безапелляционному выражению вождя революции, — «вредное изобретение Запада». Партии и организации через мечети, пятничные намазы и свои СМИ развернули активную пропагандистскую кампанию в поддержку указания Р. М. Хомейни голосовать только за исламскую республику.

Чтобы привлечь к голосованию максимальное количество населения, возрастной ценз был снижен до 16 лет. В результате на состоявшемся 30 и 31 марта референдуме при массовой явке населения «правильно» проголосовали около 90% участников, опустив в урны специально помеченные зеленым цветом бюллетени с единственным вопросом: «Согласны ли вы проголосовать за исламскую республику?». Волю Р.М. Хомейни поддержали не только Исламская республиканская партия и исламские группировки, но и буржуазно-националистические организации, а также партия Туде. ОПФИН бойкотировала голосование, а ОМИН заявила об условной поддержке его результатов. С 1 апреля 1979 г. страна стала официально называться Исламской Республикой Иран (ИРИ).

Только власть факиха

Более сложными задачами, чем определение названия страны, оказались разработка и принятие новой Конституции Ирана. Р.М. Хомейни поручил подготовить ее проект правительству М. Базаргана. За основу была принята иранская Конституция 1906 г., а также Конституция Пятой Французской республики.

14 июня проект был представлен Р.М. Хомейни и опубликован. Он оказался весьма эклектичным по содержанию. Упразднилась монархия, делался акцент на сильную президентскую власть, содержался набор основных прав и свобод. Однако не было упоминаний о доктрине «веляят-е факих» (правлении компетентного исламского юрисконсульта), ограничивались права предложенного Р.М. Хомейни Совета стражей по контролю за соответствием принимаемых законов нормам ислама, а в его состав предлагалось ввести больше светских юристов, чем исламских правоведов.

В СМИ и обществе развернулась широкая дискуссия по содержанию проекта Конституции. В ней активно участвовали представители практически всех партий и общественных организаций. Офис премьер-министра был завален десятками проектов Основного закона и тысячами предложений к нему. Буржуазно-либеральные круги высказывались за ограничение власти президента и за полномочный парламент, который осуществлял бы контроль за деятельностью правительства. Они предлагали учреждение независимой юридической системы с выборностью судей. Ставился вопрос о более широком участии женщин в жизни государства, предоставлении большей автономии местным органам власти и национальным окраинам. Леводемократические силы требовали коренного пересмотра проекта Конституции с целью усиления в ней демократических начал и принципов народовластия. Представители нацменьшинств выступали за предоставление широких автономных прав.

Р.М. Хомейни был встревожен столь широким масштабом дискуссий и радикальными, не соответствующими его представлениям высказываниями большинства участников развернувшейся полемики, которые даже не упоминали его идею об исламском правительстве. В конце июня, принимая группу священнослужителей из Мешхеда, он заявил, что духовенство и подлинно исламские силы должны пересмотреть проект Конституции с учетом исламской перспективы и важности «исламского характера». Аятолла подчеркнул, что ее нельзя давать корректировать «вестернизированным интеллектуалам».

По указанию лидера революции ИРП и другие исламские организации развернули кампанию в поддержку «исламского характера» будущей Конституции, подчинения всех органов государственной власти нормам шиитских догматов, центральным пунктом которых было обозначено руководство

страной «компетентным факихом». Одновременно началось наступление властей на СМИ, отражавшие точку зрения противников исламизации иранского общества. Были закрыты десятки печатных изданий, в том числе самая многотиражная газета «Аяндеган», резко критиковавшая воззрения Р.М. Хомейни. Ее редактор Ахмад Матин-Дафтари, внук свергнутого в 1953 г. демократически избранного премьер-министра Ирана М. Мосаддыка и один из руководителей Национально-демократического фронта, был арестован. Протестная демонстрация сторонников этой буржуазно-националистической организации была разогнана «хесболлаховцами» (членами виртуальной радикальной «Партии Аллаха» из числа люмпенизированных жителей южного Тегерана) с помощью дубинок и металлических цепей. Нападениям также подверглись штаб-квартиры ОПФИН и ОМИН.

Стремясь снять накал страстей, Р.М. Хомейни согласился с предложением умеренной части духовенства учредить Собрание экспертов численностью в 73 человек на выборной основе с правом вносить изменения и поправки в проект Основного закона. Выборы состоялись 18 августа. Большинство членов Собрания экспертов (55 из 73) составили сторонники хомейнистской концепции Конституции. Председателем был избран аятолла Хосейн Али Монтазери, а его заместителем — руководитель ИРП аятолла М. Бехешти, который фактически руководил работой Собрания. Несмотря на преобладание сторонников Р.М. Хомейни, работа Собрания экспертов проходила в ожесточенных дискуссиях, неоднократно прерывалась и завершилась лишь к середине октября 1979 г.

В конечном счете хомейнистам удалось переломить ситуацию и добиться реализации указаний лидера революции. В окончательной редакции, принятой 15 октября, центральной фигурой нового конституционного строя стал факих с практически неограниченными правами и полномочиями,

которые, как все понимали, будут принадлежать Р.М. Хомейни. Закреплялось доминирование духовенства над всеми государственными институтами. Говорилось, что все юридические, финансово-экономические, административные, военно-политические и другие законы должны основываться на «исламских критериях». Эти же критерии должны действовать в отношении прав и свобод населения. Проектом предусматривалось образование Совета экспертов из 12 исламских теологов и юристов с правом определения соответствия принимаемых законов нормам ислама. Окончательный проект Конституции, принятый на всеобщем референдуме 2 и 3 декабря, положил конец надеждам буржуазно-либеральных кругов, леводемократических организаций, умеренной части духовенства и национально-этнических меньшинств на демократические перспективы развития Ирана.

Исламизация всей страны

После революции иранские университеты, в первую очередь Тегеранский, превратились в штаб-квартиры и опорные пункты леводемократических организаций, прежде всего фedaинов и моджахедов. Здесь проводились массовые митинги, планировались политические мероприятия, распространялись печатные издания, листовки и воззвания самых различных партий и организаций. Это вызывало растущее беспокойство клерикальных кругов во главе с Р.М. Хомейни. Не менее тревожным было и то обстоятельство, что во многих государственных структурах продолжали работать представители буржуазно-либеральных кругов, тормозивших выполнение указаний исламских властей и надеявшихся на восстановление связей с США.

В послании по случаю иранского Нового года Навруз 20 марта 1980 г. вождь Иранской революции подверг резкой

критике леводемократические и либеральные группировки. Он обвинил федаинов в организации забастовок, а моджахедов — в «искажении подлинного ислама марксистскими постулатами». Р. М. Хомейни также назвал буржуазных интеллектуалов и либеральную прессу «заговорщиками и источником всех бед». Фактически это был призыв к исламизации университетов и чистке госаппарата и СМИ от «прозападных элементов».

В апреле Революционный совет потребовал от леводемократических организаций в течение трех дней покинуть вузы. Когда это требование не было выполнено, великий аятолла заявил: «Мы не боимся экономических санкций или военной интервенции. Мы опасаемся вестернизированных университетов и обучения нашей молодежи в интересах Запада и Востока». За этими словами последовали атаки на университеты всей страны. В ожесточенных схватках «хесболлаховцев», «басиджей» (членов исламского ополчения) с молодежью было ранено более 300 студентов. Университеты были захвачены исламскими радикалами и оставались закрытыми в течение последующих двух лет, пока шла чистка среди студентов и профессорско-преподавательского состава, а также разработка «исламских» учебных программ. Весь этот процесс получил название культурной революции. Одновременно проходила чистка министерств и ведомств от «промонархических» и «прозападных» элементов специально созданными для этого комитетами. Как сообщали тегеранские СМИ, только из Министерства образования и учебных заведений страны было уволено более 20 тыс. человек, из Министерства иностранных дел — 800 человек, из руководства Вооруженных сил — почти 8000 офицеров.

Процесс «исламизации» коснулся многих сторон жизни граждан. Были запрещены производство и продажа алкогольных напитков. В первые послереволюционные месяцы

мы неоднократно наблюдали, как после разгрома лавок и магазинчиков из разбитых бутылок по арыкам буквально рекой текло спиртное. Исключение сделали только для армян, которым как христианам было позволено производить домашнее вино (чачу), но употреблять ее только в своем кругу. В так называемом «армянском ресторане», закрытом для иранцев, женщинам можно было снять платки и манто, а всем гостям — выпить спиртное, попеть и потанцевать. Исчезли магазины и лавки, в которых торговали западной джазовой и эстрадной музыкой. Под запретом, правда ненадолго, оказалась даже такая популярная в Иране игра, как шахматы. Автобусы и вагоны метро делились на женскую и мужскую половину. Было забавно видеть, как женщины выталкивали со «своей» половины случайно или нет зашедших туда мужчин. Женщинам было запрещено посещение мужских соревнований, а им самим можно было заниматься спортом только в платках, шальварах и не облегающих тело майках с длинными рукавами. Даже горнолыжные трассы были разделены на мужские и женские.

Особенно тяжелым для эмансипированного женского населения было введение обязательных головных платков и одежды свободного кроя, в частности бесформенных манто. Женщин, одетых иначе, не обслуживали в магазинах, а в госучреждениях после нескольких предупреждений увольняли с работы. Тегеранки отчаянно бились за право носить модную одежду, устраивая забастовки и митинги. Одна из таких акций протеста состоялась на разделявшей советское и английское посольства улице, до революции носившей имя Черчилля, а после нее — Нефль-ле-Шато. Сотни элегантно одетых и причесанных по европейской моде женщин несли плакаты и выкрикивали требования прекратить насильственное введение «исламской» одежды. Внезапно они были окружены и атакованы. Несколько десятков участниц

демонстрации были арестованы, а остальных разогнали резиновыми дубинками.

Эпопея с заложниками

На волне подъема антиамериканских настроений 26 февраля 1979 г. вооруженная группа федаинов оккупировала посольство США в Тегеране. Однако тогда эта акция не получила поддержки Р.М. Хомейни, который не стал препятствовать правительству М. Базаргана быстро разрешить проблему. Оперативно прибывший в американское посольство министр иностранных дел Э. Язди убедил освободить территорию посольства.

Оправившиеся от шока быстрой победы революции американцы пытались сохранить свои позиции. В Иране оставалась группа американских военных советников, продолжала поступать закупленная шахом американская военная техника. Функционировало посольство США, хотя и в сокращенном составе. Дипломаты поддерживали регулярные рабочие контакты с правительством М. Базаргана, надеясь с его помощью «нормализовать» отношения с лидером революции.

22 октября американские власти разрешили свергнутому шаху въезд в США для лечения. Р.М. Хомейни гневно отреагировал на этот шаг, назвав его «заговором против Ирана». В стране развернулась очередная антиамериканская кампания. Она еще больше активизировалась после публикации в печати 1 ноября фотографии премьер-министра М. Базаргана, дружески пожимающего руку советника президента США по национальной безопасности Збигнева Бжезинского на проходивших в Алжире торжествах по случаю годовщины независимости этой страны.

Днем 4 ноября по радио передали сообщение о захвате американского посольства группой радикально настроенной

молодежи, назвавшей себя «студентами — последователями линии имама Хомейни». Позднее стало известно, что, не встретив сопротивления со стороны охранявших посольство полицейских, нападавшие ворвались на территорию и захватили в заложники 56 дипломатов. Среди них не оказалось временного поверенного в делах США в Иране Брюса Лейнгена, который в это время находился в иранском МИДе по вопросу усиления охраны посольства. Правда, информированные источники утверждали, что он специально был приглашен в министерство, чтобы избежать участи коллег. Б. Лейнген оставался там вплоть до разрешения кризиса с заложниками, имел отдельный кабинет и телефонную связь с Госдепартаментом. Диппочту из Вашингтона ему передавали через посольство Швейцарии. Неизвестно, был ли захват американского посольства согласован с Р.М. Хомейни, однако он приветствовал действия «студентов», назвав их «второй революцией».

Нападавшие захватили ряд документов и часть шифрпереписки посольства с Госдепартаментом, которую американцы не успели уничтожить. «Студенты» проделали кропотливую и поистине уникальную работу по восстановлению пропущенных через шредер документов, которые затем публиковались в печатных органах леводемократических организаций, а впоследствии вошли в многотомный сборник документов из «шпионского гнезда», как стали именовать посольство США. Опубликованные материалы в том числе проливали свет на тесные контакты М. Базаргана и членов его кабинета с американскими дипломатами, в ходе которых звучали заверения либерально-буржуазных кругов в желании сохранить и укрепить отношения с США. 6 ноября М. Базарган и члены его правительства подали в отставку, и исполнительная власть перешла к Исламскому революционному совету (ИРС).

7 ноября Дж. Картер призвал Р. М. Хомейни освободить заложников и направил для переговоров по этому вопросу делегацию, в которую вошли бывший федеральный судья Р. Кларк и министр финансов Джордж Уильям Миллер. Однако иранцы отказали во встрече. 14 ноября США заморозили все валютные авуары Ирана, включая счета Центрального банка. 17 апреля 1980 г. разорвали дипломатические отношения с ИРИ и ввели против нее экономические санкции, включая эмбарго на импорт иранской нефти. Ситуация с заложниками накалялась. Тегеран требовал экстрадиции шаха для «народного суда», возвращения его зарубежных авуаров, извинений США за «преступления против иранского народа».

Оставшиеся в ИРС сторонники М. Базаргана Э. Язди, С. Готбзаде, а также ставший в январе 1980 г. президентом ИРИ Абольхасан Банисадр пытались разрешить кризис с заложниками с привлечением ООН и ее Генерального секретаря Курта Вальдхайма. Они предложили план, согласно которому США создают специальную комиссию по рассмотрению иранских претензий в обмен на передачу заложников под покровительство ИРС в качестве первого шага по урегулированию проблемы. Однако накануне приезда в Тегеран спецпосланника Генерального секретаря ООН для обсуждения плана Р. М. Хомейни заблокировал эту инициативу, заявив, что судьбу заложников должен решать народ в лице меджлиса. «Студенты — последователи линии имама Хомейни» отказались передавать заложников ИРС, а тот не стал на этом настаивать. Миссия спецпосланника, все же прибывшего в Тегеран, провалилась.

С. Готбзаде, остававшийся в органах исполнительной власти, предпринял еще одну попытку разрешить проблему заложников. Он попытался уговорить власти Панамы, где с декабря 1979 г. находился М. Р. Пехлеви, выдать его Тегерану.

Однако предупрежденный об этом свергнутый шах спешно выехал в Египет еще до получения Панамой формального запроса иранцев об экстрадиции.

Отчаявшись решить проблему заложников политико-дипломатическими методами, Дж. Картер санкционировал проведение военной операции по их освобождению, получившую название «Орлиный коготь». 24 апреля 1980 г. с авианосца «Нимиц» в Аравийском море взлетели восемь вертолетов с американским спецназом, а также несколько транспортных самолетов. Согласно плану операции, спецназовцы должны были высадиться в пустыне Табас в 80 км от Тегерана и на грузовиках добраться до иранской столицы. Одновременно американская агентура должна была спровоцировать беспорядки в Тегеране. В это время американским десантникам надо было взять штурмом посольство США, освободить заложников и доставить их к транспортным самолетам для последующей эвакуации из Ирана.

Однако все пошло не по плану. Два вертолета не долетели до места назначения, попав в песчаную бурю и потерпев крушение. Американцам пришлось свернуть операцию. В возникшей неразберихе один из долетевших до места сбора вертолетов столкнулся с транспортником. Обе машины загорелись, унеся жизни восьми военнослужащих. Когда на следующий день иранцы увидели на телевизионных экранах обломки американской техники и тела погибших, они не могли не поверить словам Р. М. Хомейни о том, что провал военной операции США явился «чудесным проявлением поддержки аллахом Исламской революции».

К осени 1980 г. созрела ситуация для решения проблемы заложников. В Египте умер свергнутый шах Ирана. Лидер Иранской революции максимально использовал ситуацию с захватом посольства США для дискредитации и отстранения от власти буржуазно-националистических

сил и укрепления своих позиций. В сентябре в Женеве при посредничестве Алжира начались переговоры между спецпредставителем Р.М. Хомейни Мохаммадом-Али Кази Табатабаи и заместителем Государственного секретаря США Уорреном Кристофером. Иранцы убрали требование об извинении со стороны США, но продолжали настаивать на размораживании валютных средств шаха и правительства Ирана на общую сумму 32 млрд долл., а также на отмене санкций.

19 января 1981 г. было подписано Алжирское соглашение по разрешению кризиса с заложниками. В обмен на их освобождение Вашингтон согласился разморозить 12 млрд долл. Из этой суммы были вычтены 5 млрд в счет погашения предоставленных ранее Ирану банковских кредитов и еще 1 млрд — на удовлетворение судебных исков компаний и граждан США. 20 января, сразу же после вступления в должность президента США Рональда Рейгана, Иран освободил заложников, находившихся в плену 444 дня, и они через Алжир вылетели на американскую базу в Западной Германии, а оттуда уже бывший президент Дж. Картер вывез их в США.

«Красный аятолла»

9 сентября 1979 г. умер Махмуд Талегани. Его называли «красным аятоллой» за симпатии к леводемократическим организациям, в частности моджахедам. Активными членами ОМИН были сыновья и невестка аятоллы. М. Талегани был чрезвычайно популярен в Иране, лишь немногим уступая авторитету Р.М. Хомейни. Много лет он сидел в тюрьме за организацию антишахских выступлений. Еще до возвращения Р.М. Хомейни в Иран активно участвовал в революционном движении, после победы революции вел пятничный намаз в Тегеране. Его яркие выступления, глубокое понимание

нужд и чайний простых иранцев находили живой отклик у многотысячной аудитории.

«Красный аятолла» трактовал ислам как религиозное течение, защищающее и продвигающее идеи социальной справедливости и противодействия деспотизму. Он призывал последователей не просто механически заучивать суры Корана, но и задумываться над их смыслом. М. Талегани утверждал, что исламу чужд экстремизм и что он устанавливает прогрессивные правила и нормы общественной и личной жизни. Выступал против ограничения демократических прав и свобод при обсуждении проекта новой Конституции, предупреждал об опасности вовлечения духовенства в политическую борьбу за монополизацию власти для авторитета и престижа духовенства и ислама в целом.

Кончина М. Талегани стала большим ударом для всех его сторонников. Был взволнован и советский посол В. М. Виноградов, который вечером 8 сентября долго беседовал с аятоллой в его скромном тегеранском доме. Беседа, как вспоминал посол, носила дружеский, теплый характер. М. Талегани чувствовал себя хорошо, много шутил, подчеркивал важность развития добрососедских отношений между Ираном и СССР.

Намеки недоброжелателей о смерти после продолжительной и якобы острой беседы с советским послом были с возмущением отвергнуты родственниками «красного аятоллы». Они, как и его сторонники, склонялись к тому, что М. Талегани был отравлен противниками из экстремистского крыла духовенства, группировавшегося вокруг ИРП во главе с аятоллой М. Бехешти. Эти подозрения усугублялись отказом властей от проведения судебно-медицинской экспертизы.

Похороны «красного аятоллы» переросли в многотысячную демонстрацию, участники которой выражали глубокую скорбь в связи с кончиной религиозного и политического

наставника и скандировали: «Бехешти, Бехешти, ты убил Талегани!» Я видел эти впечатляющие проявления народной любви и народного гнева, сопровождая В.М. Виноградова на траурных мероприятиях. Иран лишился популярного и влиятельного религиозно-политического деятеля, который выражал и защищал интересы очень широкого сегмента революционного движения и мог повлиять на ход развития внутривнутриполитических процессов в стране.

Афганский сюжет в иранском контексте

Накануне ввода советских войск в Афганистан в посольство из Центра поступило указание срочно информировать об этом Р.М. Хомейни и объяснить причины такого шага. Дозвониться до канцелярии великого аятоллы не получилось, но с большим трудом удалось добиться разрешения иранского МИДа на поездку советского посла в Кум, где в то время находился Р.М. Хомейни. По просьбе посольства для сопровождения В.М. Виноградова было выделено три вооруженных пасада. В полной темноте машины выехали из Тегерана и прибыли в Кум уже на рассвете. Через несколько контрольных пунктов подъехали к резиденции лидера революции. После длительных переговоров с начальником канцелярии аятоллы и с его согласия встреча была разрешена.

Р.М. Хомейни было сказано, что решение о временном вводе ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в Афганистан было непростым, но необходимым шагом. Оно было принято в ответ на многократные просьбы руководства Демократической Республики Афганистан с целью устранения угрозы вмешательства во внутренние дела этой страны со стороны США. Лидер Иранской революции ответил, что каждый народ, в том числе мусульманский народ Афганистана, вправе сам решать внутренние дела, без вмешательства

извне. Иран не может одобрить действий Советского Союза. Но раз войска введены, его совет: поскорее выполнить поставленные задачи и уходить из Афганистана.

Видя, что реакция Р.М. Хомейни на переданную ему информацию не была жесткой, В.М. Виноградов выразил надежду, что ни СМИ, ни проповедники в иранских мечетях не будут разжигать страсти вокруг данного вопроса, что негативно сказалось бы на советско-иранских отношениях. В ответ великий аятолла обратился с двумя просьбами: не поддерживать в Совете Безопасности ООН введение антииранских санкций в связи с захватом персонала посольства США в Тегеране; не перекрывать иранский транзит через СССР в Европу в случае блокады американцами иранских портов в Персидском заливе. Понятно, что без соответствующих указаний из Москвы посол не мог однозначно ответить на эти просьбы. Но сказать так означало бы усилить негативную реакцию аятоллы на переданную ему информацию.

При безусловно негативном отношении к самому факту захвата заложников, а тем более дипломатического состава посольства США в Тегеране, нельзя было не учитывать и экспансионистскую политику Вашингтона в отношении Ирана и факты откровенного вмешательства США в его внутренние дела. Что касается иранского транзита через территорию СССР, то наша страна всегда была заинтересована в его развитии. С учетом этого В.М. Виноградов ответил, что резолюция об антииранских санкциях в СБ ООН вряд ли пройдет, а Иран сможет осуществлять транзитные перевозки через советскую территорию. Время подтвердило правоту его заверений.

В течение почти трех месяцев в выступлениях Р.М. Хомейни и других политико-религиозных деятелей Советский Союз не подвергался острой критике за ввод войск в Афганистан, хотя многие СМИ и радикальные исламские

группировки сразу же обрушились обвинениями и угрозами в адрес Москвы. И только по истечении этого времени, видя, что пребывание ОКСВ в Афганистане затягивается, великий аятолла, а вслед за ним все руководство и информационно-пропагандистский аппарат ИРИ развернули массированную антисоветскую кампанию.

Одним из первых проявлений антисоветской истерии в связи с событиями в Афганистане явилось нападение на советское посольство 1 января 1980 г. группы афганцев и местных исламских радикалов. Была разгромлена комендатура посольства, сломаны въездные ворота, сорван флаг с флагштока. Нападение было достаточно быстро остановлено пасдарами и не имело серьезных последствий. Однако враждебное отношение к нашей стране усиливалось и проявлялось в самых разных формах. Стены посольства были испещрены антисоветскими лозунгами, наиболее популярным из которых были «Смерть советским», «США — большой сатана, а Советский Союз — малый», «Америка хуже Англии, Англия хуже Америки, а СССР — хуже всех». Перед воротами посольства на проезжей части улицы был изображен советский флаг, по которому, выкрикивая антисоветские лозунги, на машинах и мотоциклах проносились бородатые молодчики. Антисоветская риторика звучала на пятничных намазах в Тегеране и других городах. В местном МИДе стали чаще отказывать посольству в обеспечении продуктами питания, бензином и газойлем.

Апофеозом антисоветских выступлений стало нападение на посольство 27 декабря 1980 г. — в первую годовщину ввода советских войск в Афганистан. Колонны демонстрантов с трех направлений подошли к главным воротам посольства. Здесь состоялся короткий митинг. Затем с южного направления выделилась группа в несколько сотен человек, которая, сметая полицейскую охрану, стала быстро перелезать

через ворота, срывать и сжигать флаг. Дежурные коменданты сумели включить тревожную сигнализацию и едва успели укрыться в служебном здании.

Сотрудники посольства, имея информацию о предстоящем митинге и вероятном нападении, находились в служебном помещении, связывались с МИДом, Министерством внутренних дел, местным ревкомом, штаб-квартирой КСИР, требуя от иранской стороны принять меры по предотвращению нападения, а когда оно началось — немедленно его пресечь. Тем временем группа нападавших с ножами и дубинками ворвалась в представительское помещение, где в конце 1943 г. проходила историческая конференция глав государств антигитлеровской коалиции. Были разбиты старинные зеркала, люстры, вазы, декоративные каминные вставки в главном зале, порезаны ценные персидские ковры, мебель, сиденья и экран в кинозале, разбиты памятные стелы с информацией о встрече лидеров СССР, США и Великобритании. Вторая группа, вооруженная булыжниками, снаружи стала разбивать высокие панорамные окна в других комнатах представительского здания. Третья группа попыталась проникнуть в служебное здание посольства, отделенное от представительского длинным узким коридором. Однако налетчикам не удалось взломать запертую изнутри железную дверь. Коменданты забросали коридор гранатами со слезоточивым газом, что сразу охладило пыл нападавших. Несколько десятков человек пробежали по крыше и этажам жилого дома, но, к счастью, не стали врывать в квартиры, где находились члены семей сотрудников посольства. Спустя примерно 30–40 мин в посольство прибыли пасдары и полицейские. Картинно заламывая руки нарушителям, которые и не думали сопротивляться, они демонстративно выпроваживали их, проходя перед окнами наших служебных кабинетов.

Было ясно, что это нападение, четко спланированное и организованное, являлось демонстративной акцией устрашения и, согласно иранской терминологии, «проявлением гнева афганского народа». Подтверждением этому стала состоявшаяся 29 декабря встреча посла В.М. Виноградова с премьер-министром Мохаммадом Али Раджаи. Иранец никак не отреагировал на врученную ему ноту протеста в связи с бандитским нападением на посольство. Он начал пространно рассуждать о «советской агрессии» в Афганистане, о праве афганцев «давать отпор иностранной интервенции», старательно избегая тематики погрома. На прямой вопрос посла, почему иранские власти не приняли меры по предотвращению нападения, несмотря на неоднократные предупреждения посольства, премьер издевательски ответил, что посольство предупреждало только о демонстрации, а не о нападении. Не произвели на него впечатления и переданные фотографии разгрома представительских помещений посольства, которые он рассматривал с широкой улыбкой и явным удовлетворением.

Иранские власти не спешили с извинениями, даже формальными. Из уст второстепенных чиновников иранского МИД звучали жалкие оправдательные заявления, но не извинения. Только после резких демаршей МИД СССР послу ИРИ в Москве с довольно жесткими формулировками о возможных ответных мерах иранцы ответили официальной нотой. Она была стыдливо, без каких либо комментариев передана заместителем начальника протокольного департамента иранского МИД советнику-посланнику посольства. В ней выражалось «сожаление» по поводу «случившегося инцидента», содержалось туманное обещание компенсировать нанесенный ущерб, а также говорилось о способности иранского правительства обеспечить безопасность иностранных дипмиссий, в том числе советского посольства.

Материальный урон, нанесенный посольству, так и не был компенсирован. Антисоветские митинги и демонстрации, в том числе перед посольством или в непосредственной близости от него, продолжались с завидной регулярностью, однако власти все же не допустили новых разрушительных нападений. Позже стала известна причина такого поведения. Министр иностранных дел С. Готбзаде уговаривал Р. М. Хомейни дать согласие на захват в заложники советских дипломатов, как это было сделано чуть раньше с американцами. Однако лидер революции отверг эту идею, мудро заявив, что Ирану не с руки ссориться сразу с двумя сверхдержавами. Свою роль сыграла и активная упредительная работа посольства, которое постоянно мониторило деятельность местных и афганских экстремистов, своевременно информировало иранские политические и военные структуры о готовившихся антисоветских акциях и настоятельно требовало предотвращать их.

Письмо С. Готбзаде и усиление антисоветских настроений

11 августа 1980 г. в советское посольство поступило письмо министра иностранных дел ИРИ С. Готбзаде на имя министра иностранных дел СССР А. А. Громыко. Оно было составлено в довольно иезуитской манере, носило лицемерный, откровенно антисоветский характер. Начав с заявления о желании исламской республики иметь дружественные отношения с Советским Союзом, министр сразу же выдал целый набор фантастических и нелепых обвинений в адрес СССР о вмешательстве во внутренние дела Ирана. Москве вменялись в вину поддержка «контрреволюционеров» в иранском Курдистане, проведение спутниковых съемок иранских военных объектов и передача их результатов «сепаратистам»,

финансирование пропагандистской деятельности партии Туде, нежелание называть Иранскую революцию исламской.

Главный акцент в письме был сделан на «советской агрессии» против Афганистана. Закономерным был и вывод министра о том, что в Тегеране «не видят большой разницы между советским социализмом и капитализмом Америки». Письмо С. Готбзаде стало наглядным отражением уже прочно укоренившегося в лексиконе руководства Исламской Республики Иран тезиса о Соединенных Штатах как «большом сатане», а о Советском Союзе — как о «малом». Отсюда вытекал и главный внешнеполитический лозунг Тегерана — «Ни Восток, ни Запад, Исламская Республика».

Надо сказать, что антисоветские взгляды и нарративы изначально были присущи ряду проамерикански настроенных деятелей, просочившихся в окружение Р.М. Хомейни еще во Франции. Они играли заметную роль в политической жизни страны в первые послереволюционные годы. Лидер революции, как и многие представители религиозно-политического руководства ИРИ, был сильно индоктринирован недоверием и подозрительностью к «безбожному» СССР. На эту почву хорошо ложились сентенции западных стран об «идеологической несовместимости» и «взаимной враждебности» ислама и социализма, а также вымыслы о «вмешательстве Москвы» во внутренние дела Ирана. Не проходило и дня, чтобы подобные «утки» не появлялись в иранских СМИ, на радио и телевидении с подачи «достоверных» западных источников.

Ввод ОКСВ в Афганистан и непоследовательная позиция Москвы в ирано-иракском вооруженном конфликте только усиливали антисоветские настроения и были на руку регрессивным политическим силам в Иране. Становилось очевидным, что дружественное, доброжелательное отношение СССР к Иранской революции и новому иранскому

режиму, стремление Москвы к развитию отношений добрососедства и всестороннего сотрудничества не находили благоприятного отклика и взаимности со стороны новых иранских властей.

Нагнетая атмосферу антисоветских настроений, правящие круги ИРИ осуществили ряд шагов по свертыванию политических, культурных и других связей с СССР. Летом 1980 г. по требованию иранских властей было закрыто советское консульство в Реште и на 14 человек сокращена численность дипсостава посольства. Прекратила существование больница Советского общества Красного Креста и Полу-месяца, основанная в Тегеране во времена Второй Мировой войны, где иранцы, в основном малоимущие, лечились бесплатно. Перестало функционировать Иранское общество культурных связей с СССР. Его руководитель Форухани, блестящий знаток русского языка и литературы, был арестован и казнен. Завершили работу курсы русского языка, отделения Ингосстраха и Русско-Иранского банка.

Вместе с тем власти ИРИ не скрывали заинтересованности в сохранении и развитии торгово-экономического сотрудничества с СССР, которое помогало преодолевать многие проблемы экономического развития и санкционных ограничений западных стран. Продолжались работы по расширению Исфahanского металлургического завода, машиностроительного завода в Араке, строительству новой очереди ТЭС в Ахвазе. В Иране продолжали работать около 2 000 советских специалистов. Неуклонно рос и объем двусторонней торговли. СССР продолжал оставаться важным транспортным коридором между Ираном и Европой.

Первый президент ИРИ: от восхождения до свержения

25 января 1980 г. в Иране прошли первые президентские выборы. Победу в них одержал человек из ближнего круга Р.М. Хомейни А. Банисадр, набрав 75% голосов. Серьезных соперников у него не было. Видные представители либеральных кругов, включая М. Базаргана, были дискредитированы в ходе кризиса с американскими заложниками, а наиболее популярный представитель леводемократических сил руководитель ОМИН Масуд Раджави не был допущен к выборам под предлогом отказа участвовать в референдуме по Конституции ИРИ. Потенциально сильный конкурент, председатель ИРП М. Бехешти, не участвовал в выборах по совету лидера революции, который не спешил продвигать представителей духовенства на высшие государственные посты.

А. Банисадр был выходцем из семьи известного религиозного деятеля, знакомого с Р.М. Хомейни. Он окончил теологический и юридический факультеты Тегеранского университета. Принимал участие в антишахском студенческом движении, был активистом Национального фронта, сидел в тюрьме. Выехав во Францию, учился в Сорбонне, где изучал экономику и финансы. У него сложилось собственное представление о принципах государственной власти и роли ислама в социально-экономической и общественно-политической жизни. А. Банисадр считал, что в исламском государстве не должно быть жестких административных структур с сильной концентрацией власти, никаких классов и доминирующей идеологии, которую власти могли бы использовать как карающую дубину. Народ должен контролировать руководителей через сеть мечетей. Исламское общество должно иметь имама — вождя, который, однако, не должен представлять какой-либо класс или иметь особые интересы,

быть идиолом со своим культом личности, иначе наступит религиозная тирания.

Подобные принципиальные расхождения по вопросу об исламском государстве на первых порах не помешали А. Банисадру сблизиться с Р.М. Хомейни. А. Банисадр был активным сторонником и проводником идей великого аятоллы, укрепляя его репутацию как ведущего религиозного авторитета. Р.М. Хомейни, в свою очередь, благосклонно относился к А. Банисадру и даже называл его «преданным сыном». Сразу же после президентских выборов он заявил о необходимости поддерживать главу государства как народного избранника. Этой же линии стали придерживаться и другие религиозные деятели.

А. Банисадр был уверен, что массовая поддержка на президентских выборах гарантирует ему свободу действий по обеспечению контроля над всеми важнейшими государственными структурами. Он также рассчитывал на полную поддержку своих действий со стороны Р.М. Хомейни и полагал, что победа на выборах означает поражение исламских радикалов в лице ИРП. Но М. Бехешти и другие руководители ИРП придерживались иной позиции. Формально соглашаясь с указаниями лидера революции о сотрудничестве с президентом, они в публичных выступлениях заявляли о частичной и условной поддержке А. Банисадра, отмечая, однако, что он неспособен руководить революционной страной, каковой является ИРИ, ввиду присущего ему либерализма и связей с такими деятелями, как М. Базарган. Было заявлено, что ИРП будет поддерживать президента только в том случае, если он «встанет на революционный исламский путь», иначе он столкнется с критикой и сопротивлением со стороны «истинных патриотов». Так обозначились контуры противостояния президента и исламских радикалов, которое постепенно набирало силу.

Исходя из завышенных, как оказалось, оценок своих шансов, А. Банисадр вынашивал честолюбивые и далеко идущие планы. Он намеревался реорганизовать армию и полицию, покончить с многочисленными властными структурами в лице революционных советов, революционных комитетов и других стихийно возникших после революции организаций, ограничить влияние КСИР, а также контролировать работу парламента и правительства.

Р. М. Хомейни достаточно долго поддерживал многие инициативы президента, делегировал ему значительные полномочия. Он назначил А. Банисадра Верховным главнокомандующим Вооруженными силами страны, членом ИРС, поручил курировать КСИР, Организацию радио и телевидения.

Первой серьезной пробой сил между А. Банисадром и председателем ИРП стали выборы в новый парламента. В ходе развернувшейся активной пропагандистской кампании М. Бехешти и его сторонники, как это уже не раз было, эффективно использовали привычные инструменты: разветвленную сеть мечетей, исламские организации и группировки и подконтрольные СМИ для продвижения своих кандидатов и компрометации баллотировавшихся представителей либеральных партий, поддерживаемых А. Банисадром. Кроме того, уже многие избранные пропрезидентские депутаты не были утверждены Советом стражей Конституции. Вполне закономерно большинство мест в меджлисе получили сторонники ИРП, а его спикером был избран А. А. Хашеми Рафсанджани, ставший впоследствии президентом ИРИ.

Острая схватка развернулась и за пост премьер-министра. Еще до парламентских выборов президент пытался добиться согласия лидера революции на назначение главы правительства президентским указом. Претерпев неудачу, А. Банисадр предложил на пост премьера сына Р. М. Хо-

мейни, Ахмада, но снова получил отказ. Так и не сумев продвинуть в премьеры лояльную ему кандидатуру, президент ИРИ был вынужден согласиться с назначением на этот пост сторонника ИРП М. А. Раджаи, малоизвестного учителя и директора школы Рефах, в которой была резиденция Р. М. Хомейни по возвращении из Франции. Между А. Банисадром и М. А. Раджаи сразу же сложились напряженные отношения. Президент публично обвинял премьера в некомпетентности, отсутствии управленческих навыков, слепом выполнении указаний М. Бехешти и А. А. Хашеми Рафсанджани.

Еще более жесткая борьба началась между президентом и премьером по вопросу формирования правительства. А. Банисадр настаивал на назначении министрами квалифицированных технократов, получивших образование в западных университетах, в то время как М. А. Раджаи, следуя указаниям Р. М. Хомейни и М. Бехешти, хотел видеть в кабинете министров пусть и не имеющих высокой квалификации и большого опыта, но «преданных исламу и революции» людей. Таких кандидатов он и представил президенту в сентябре, но тот «забраковал» 14 человек из 21. В таком «усеченном» составе меджлис утвердил новое правительство. Борьба за остальные посты, в том числе такие важные, как главы министерств иностранных дел, финансов, юстиции, торговли и образования, продолжалась еще несколько месяцев, а к руководству «зависших» ведомств в качестве временных начальников пришли назначенцы М. А. Раджаи и М. Бехешти.

Это происходило на фоне постоянных полемических перепалок между А. Банисадром и лагерем его противников и в ходе публичных выступлений на массовых митингах, и на страницах подконтрольных им СМИ. Тон взаимных нападок все больше ужесточался. Президент обвинял

руководство ИРП и поддерживающие его исламские организации в нападках на его деятельность, а премьер-министра — в некомпетентности и неспособности решать социально-экономические проблемы. Оппоненты А. Банисадра ставили ему в вину вмешательство в работу правительства и попытки препятствовать чистке армии и госструктур от «прозападных и монархических элементов». К осени 1980 г. стало очевидным, что А. Банисадр проигрывает ИРП и ее клерикальным сторонникам во внутривластной борьбе. Ему не удалось добиться контроля над меджлисом и правительством. С назначением М. Бехешти главой судебной власти из зоны влияния президента вышла и юридическая система. Он сдал позиции в армии, КСИР, на радио и телевидении, где на руководящие посты пришли его оппоненты.

Лидер революции неоднократно и достаточно долго пытался примирить А. Банисадра с М. А. Раджаи, М. Бехешти и другими его оппонентами, организовывал совместные встречи с целью разрешения копившихся противоречий. Последняя такая встреча состоялась 15 марта 1981 г. Р. М. Хомейни пригласил к себе А. Банисадра, М. А. Раджаи, М. Бехешти, А. А. Хашеми Рафсаджани, А. Хаменеи и Генерального прокурора М. Ардебилли. Он призвал конфликтующие стороны прекратить междоусобицу, угрожая наказать тех, кто ослушается его воли. Прийти к компромиссу, однако, не удалось. Президент обвинил ИРП, парламент и правительство в создании проблем в работе и призвал распустить их. Оппоненты, в свою очередь, заявили о его «диктаторских замашках» и невозможности продуктивной деятельности, пока он не признает легитимность других органов власти и ограниченность своих полномочий.

На следующий день лидер Исламской революции выпустил заявление, в котором потребовал от сторон конфликта

прекратить проведение митингов и публикацию статей, разжигающих противоречия, до окончания войны с Ираком, подтвердил полномочия А. Банисадра как Верховного главнокомандующего Вооруженными силами ИРИ. Он также поручил создать комиссию из представителей А. Банисадра, М. Бехешти и своего уполномоченного для разрешения противоречий, а контроль за соблюдением указаний возложил на министра внутренних дел М. Р. Махдави Кяни и своего зятя Шехабоддина Эшраги.

Перемирие долго не продлилось, и стороны возобновили взаимные нападки. Президент стал излагать жалобы в форме писем на имя трехсторонней комиссии и Генпрокуратуры, а также публиковал их в пропрезидентской газете «Джомхурие Эслами». Уже в июне он вернулся к публичным критическим выступлениям. Это разозлило Р. М. Хомейни. Великий аятолла перестал придерживаться формально нейтральной линии в отношении конфликтующих сторон. Явно обращаясь к президенту, 27 мая он заявил, что народу враждебен культ личности, и тот, кто отказывается принимать суверенитет парламента и других государственных органов, является коррумпированным лицом и подлежит наказанию. А. Банисадр ответил, что будет всеми ему доступными средствами призывать население «сопротивляться диктатуре». Р. М. Хомейни подчеркнул, что диктатор — тот, кто не подчиняется решениям парламента и судебной власти. Он призвал президента отказаться от поощрения организации демонстраций, забастовок и других антиправительственных акций и пригрозил, что «отрубит руку любому, кто станет угрозой исламской республике». А. Банисадр заявил, что Р. М. Хомейни ведет революцию к самоубийству, вручая власть «жаждущим господства врагам», и вновь потребовал роспуска парламента и реформирования правительства и Высшего юридического совета.

Р.М. Хомейни снял А. Банисадра с поста Верховного главнокомандующего Вооруженными силами страны. Высшие военные чины отдали должное президенту как «преданному солдату ислама и Ирана», но вместе с тем подтвердили преданность лидеру революции, стремление оставаться вне политики и отдать все силы вооруженной борьбе с Ираком. А. Банисадра стали покидать его советники и сотрудники президентского офиса. Президентский дворец был взят под охрану полицией под предлогом обеспечения безопасности.

А. Банисадр распространил «послание к народу», в котором защищал свои действия, заявлял, что стал жертвой «ползучего переворота», обвинив оппонентов в измене революции и подавлении демократических прав и свобод. Все еще надеясь, что Р.М. Хомейни не отвернется от него окончательно, президент в личных посланиях аятолле говорил об уважении и преданности ему и делу революции.

Между тем участились уличные стычки между сторонниками ИРП и их противниками из числа буржуазных националистов и леводемократических сил, поддерживающих А. Банисадра. Национальный фронт планировал проведение митинга 15 июня на площади Фирдоуси с участием представителей среднего класса, торговцев базара и левых организаций. Было распространено более 4 млн листовок, в которых впервые содержались прямые нападки на Р.М. Хомейни «за поощрение репрессий и террора» и выражалась солидарность с президентом.

За несколько часов до митинга великий аятолла в радиобращении охарактеризовал предстоящее мероприятие как призыв к восстанию против Исламской революции. Он обвинил Нацфронт в измене и призвал другие политические организации, в частности возглавляемое М. Базарганом «Движение за свободу Ирана», отмежеваться от Нацфронта

и осудить его. Бескомпромиссной была и критика вождем революции президента А. Банисадра, который был обвинен в антиконституционной деятельности и разжигании фракционной борьбы. Р. М. Хомейни еще не успел закончить выступление, как тысячи «хезболлаховцев», членов исламских ревкомов и стражей Исламской революции, а также жителей бедных южных районов Тегерана, мобилизованных ИРП, хлынули к площади Фирдоуси и сорвали митинг. Подавляющим большинством голосов меджлис 21 июня подверг А. Банисадра импичменту, а днем спустя Р. М. Хомейни уволил его с поста президента. А. Банисадр 29 июля вместе с руководителем ОМИН Масудом Раджави бежал в Париж на «боинге» ВВС Ирана.

Поражение А. Банисадра было обусловлено целым рядом причин. Он ошибочно полагал, что Р. М. Хомейни будет поддерживать его во всем, прежде всего в борьбе за контроль над главными структурами и центрами власти. Однако неготовность президента идти на компромиссы, его попытки парализовать деятельность правительства и других госорганов, нежелание прислушиваться к советам разочаровали вождя Исламской революции.

Экс-президент становился опасным центром объединения оппозиционных исламскому режиму сил — либералов, моджахедов, неполитизированной части духовенства, представителей национальных окраин. Понимая это, Р. М. Хомейни сделал окончательную ставку на преданные ему «подлинно революционные силы» в лице ИРП, исламских комитетов, ревкомов, КСИР, глубоко религиозные городские низы — «хезболлаховцев». В октябре 1981 г. новым президентом ИРИ был избран член руководства ИРП А. Хаменеи (впоследствии он сменил Р. М. Хомейни на посту Верховного руководителя страны), а новым премьер-министром был назначен другой функционер ИРП — Мир-Хосейн Мусави.

Революция пожирает своих сыновей

В стремлении свергнуть монархический режим Р. М. Хомейни не отказывался от поддержки всех антишахских партий, организаций и группировок — от либерально-националистических до леводемократических. Однако после победы революции великий аятолла стал избавляться от несогласных с его видением государственного устройства страны.

Сначала было дискредитировано связями с США и отстранено даже от формальной власти либеральное правительство М. Базаргана. Начались гонения на поддерживающие его буржуазно-националистические партии «Движение за свободу Ирана», «Национально-демократический фронт» и другие организации. Был свергнут и их последний оплот — президент А. Банисадр.

Затем наступила очередь леводемократических организаций, наиболее массовой и влиятельной из которых была ОМИН. Р. М. Хомейни и его сторонники справедливо считали ее наиболее опасной, поскольку она имела собственные вооруженные отряды, активно оперировала религиозными терминами, исламскими лозунгами социальной справедливости наряду с тезисами марксизма, выступала за превращение Ирана в демократическую республику, пользовалась растущим авторитетом среди молодежи, особенно студенчества. Моджахеды внесли важный вклад в победу Иранской революции, активно участвуя в решающих вооруженных схватках с шахской армией и полицией в начале февраля 1979 г.

ОМИН признала Р. М. Хомейни вождем революции, рассчитывая, что он не будет препятствовать встраиванию организации в общественно-политическую жизнь страны, ее легальной политической деятельности. Но великий аятолла хорошо понимал всю опасность идеологии и политической

деятельности моджахедов для выстраивания исламского режима. Руководитель ОМИН М. Раджави не был допущен к участию в президентских выборах под предлогом неучастия в референдуме по проекту Конституции ИРИ. Моджахеды были отстранены и от выдвижения кандидатов на выборах депутатов меджлиса. Кампания по «исламизации» иранских университетов вылилась в преследование сторонников ОМИН и их вытеснение из вузов страны.

Несмотря на это, ОМИН продолжала наращивать антирежимную активность, опираясь на поддержку молодежи и части демократически настроенной интеллигенции. Она организовывала многотысячные митинги и демонстрации с осуждением антидемократических действий властей, а также в поддержку президента А. Банисадра, которого считала союзником в борьбе с ИРП и ее сторонниками. Эти выступления разгонялись стражами Исламской революции, боевиками исламских революционных организаций и «хезболлаховцами». Участников леводемократических группировок арестовывали, штаб-квартиры подвергались нападениям и погромам.

Не видя перспектив легальной политической деятельности и испытывая растущее насилие со стороны режима, 18 июня 1981 г. руководство ОМИН призвало сторонников к «революционному сопротивлению во всех формах» и «свершению правосудия» в отношении противников. По существу, это было шагом отчаяния и приглашением к городской партизанской войне. Уже через десять дней мощный взрыв потряс штаб-квартиру ИРП во время заседания руководства. Погибли Генеральный секретарь партии М. Бехешти, 4 члена правительства, 27 депутатов меджлиса.

Еще один взрыв прогремел 29 августа в здании правительства. Погибли только что избранный президент М. А. Раджаи, новый премьер-министр Мохаммад Джавад Бахонар и

другие руководители. Еще через неделю, также при взрыве, погиб Генеральный прокурор Али Годуси. В течение летних месяцев были совершены покушения на руководителей пятничных намазов в Тебризе, Кермане, Ширазе, Йезде, Керманшахе и других городах.

С началом сентября в стране стали происходить регулярные вооруженные столкновения моджахедов с бойцами КСИР. Участники ОМИН присоединялись к вооруженным выступлениям курдских и кашкайских племен против центрального правительства. Власти усилили репрессии против моджахедов. Проходили массовые аресты и расстрелы арестованных, в том числе раненых и малолетних сторонников ОМИН. Международная организация «Эмнисти Интернэшнл» задокументировала более 3 000 расправ за год после импичмента президенту А. Банисадру. ОМИН заявила о 7 700 погибших с июня 1981 по конец 1982 г.

К концу 1982 г. сопротивление ОМИН было подавлено. Расчет левых сил на поддержку населением партизанской войны не оправдался. Многие сторонники моджахедов были убиты или оказались в тюрьмах. Другие бежали в Ирак и страны Европы. Такая же судьба ждала членов и сторонников «Организации федаинов иранского народа».

Чуть дольше продержалась Народная партия Ирана (Туде). Хотя иранские коммунисты неизменно поддерживали Р.М. Хомейни, сотрудничали с ИРП, критиковали М. Базаргана и А. Банисадра, осуждали антирежимную деятельность ОМИН, конец их деятельности был предreshен. Расправу над Туде ускорило предательство сотрудника резидентуры КГБ в Тегеране В. А. Кузичкина, который в июне 1981 г. бежал в Великобританию и выдал многих функционеров иранской компартии. Были арестованы Генеральный секретарь Туде Нуреддин Киянури, другие руководители партии, а также тысячи ее членов. Они были обвинены

в шпионаже в пользу СССР и в попытках свергнуть исламский режим. Власти устроили показательные процессы над руководителями и рядовыми членами Туде, вынудив их публично признаться в «преступлениях» против исламской республики. Дальнейшая судьба иранских коммунистов мало чем отличалась от судьбы членов других леводемократических организаций.

Ситуация с леводемократическими участниками революции совпала по времени с завершением моей командировки в Иран. Остались позади более пяти лет интересной, интенсивной и все более напряженной работы и жизни сначала в шахском Иране, а затем уже в другой стране, неожиданно вздыбленной волнами революции.

Я был свидетелем всех этапов Иранской революции и могу с уверенностью сказать, что определяющая роль в ней принадлежит Р.М. Хомейни. Его последовательная бескомпромиссная позиция в отношении шахского режима, резкое неприятие американского доминирования, умелое использование исламской риторики и религиозных смыслов позволили завоевать безоговорочный авторитет и обеспечить роль лидера революции. Используя разветвленную сеть мечетей и поддержку теологических центров, а затем и созданные в ходе революции многочисленные исламские организации и структуры, а также новые органы власти, великий аятолла целенаправленно, шаг за шагом реализовывал концепцию создания исламского государства, не жалея тех, кто вставал на его пути.

Послесловие

Результатом победы революции в Иране стало создание довольно устойчивой государственности, сочетающей теократические и демократические элементы и способной успешно купировать как внешние, так и внутренние угрозы. Иран выстоял в ожесточенной военной схватке с саддамовским Ираком. Не согнулся под нарастающей тяжестью американских санкций. Сумел выжить в условиях жесткой экономической блокады и международной изоляции.

Антиамериканизм и сегодня остается одной из главных составляющих официальной политической идеологии режима ИРИ, равно как сохраняется и враждебное отношение к Ирану любой администрации США. Вашингтон до сих пор не может избавиться от комплекса унижения и бессилия, испытанного им после свержения шахского режима и захвата в заложники сотрудников американского посольства в Тегеране.

Время неумолимо движется вперед. Уходят соратники и ближнее окружение Р. М. Хомейни. Сменяются поколения, и молодые иранцы знают о революционных событиях скорее понаслышке. Их больше волнуют сегодняшние проблемы: получение современного образования, хорошая работа и достойные условия жизни. Интернет и новейшие технологии, растущая взаимосвязанность мира меняют политические и культурные стереотипы и прежние модели поведения. Среди населения Ирана звучат требования решительных мер по выходу из социально-экономического кризиса, в том числе через преодоление международной изоляции. Руководство не может не учитывать эти тенденции. А как будут развиваться события — покажет только время...

О СДЕЛАННОМ И ПЕРЕЖИТОМ

Владимир КУЛЯЕВ

В общественной памяти о деятельности МИД России, к сожалению, пока еще остаются пробелы, касающиеся заслуживающих описания довольно интересных и поучительных моментов и эпизодов, имевших место в сфере дипнедвижимости. Они малоизвестны в силу специфичности, а, возможно, и неоправданной скромности со стороны непосредственных участников событий. В их числе и автор предлагаемых вниманию читателя тематических зарисовок — бывший заместитель директора Департамента капитального строительства и собственности за рубежом (ДКСиСЗ МИД России). По нашей просьбе он прислал в редакцию авторский материал, озаглавив его весьма необычным образом...

ЭТО ЧЬЕ?

Не одно столетие Россия приращивала зарубежное недвижимое имущество дипломатических и торговых представительств, воздвигая уникальные объекты и приобретая земельные участки.

Но вопреки логике истории, однажды это единое и неделимое богатство Государства Российского, называвшегося в тогдашнюю бытность — СССР, кому-то захотелось грубо

разбросать между образовавшимися новыми суверенными странами.

При этом все «бывшие» яростно требовали справедливой доли того, что, на мой взгляд, поделить-то невозможно, в том числе чисто физически.

Тогда на помощь пришел его величество «процент», иными словами «полезный вес» каждой из республик в союзном активе.

Но затем этот актив, по задумке, как бы нивелировался пассивом внешних долгов, которые брала на себя Россия.

И получался ноль!

Справедливо и бесконфликтно.

На базе этой логики в Бишкеке в 1993 году все заинтересованные стороны подписали соответствующее соглашение, и большинство стран его ратифицировало, придав ему статус действующего документа.

Но тут-то выявились два строптивца — Грузия и Украина, которые под разными надуманными предложениями тянули с вступлением соглашения в силу.

Грузия, например, только в 1996 году и «со скрипом» провела необходимые парламентские процедуры.

А вот «Ридна Украина», в свойственной ей хуторянской манере, подписав документ, тут же начала его оспаривать и дезавуировать, затеявая бессмысленный и бесконечный торг.

На практике это означало, что недвижимость действующих российских посольств, представительств и консульских учреждений оставалась без признанного и зарегистрированного в местных органах имени официального собственника. Этому препятствовали разосланные в 1995 году во все страны украинские блокирующие ноты.

Такой корявый ход «кобылой» очень даже понравился нашим зарубежным «партнерам», имевшим возможность

прицепить этот занозистый крючок на любое больное место двусторонних и многосторонних отношений.

Вот тогда-то уже зарождалось современное безобразие «правил», а не главенство общепризнанных норм международного права.

Вопрос превратился в большую беспокойную проблему, требующую решения, а значит серьезных переговоров.

Исходя из этого, Указом Президента России была создана Государственная комиссия во главе с замминистра иностранных дел (я был назначен ее ответственным секретарем), которая начала активные действия на украинском направлении.

Что такое переговоры, где у сторон диаметрально противоположные цели, пришлось испытать на собственном опыте.

Вместе с тем поначалу складывалось впечатление, что «братья-славяне» все-таки договорятся по справедливости.

Тем более, что по ту сторону стола сидели знакомые спецы, сначала искренне, с уважением, но затем деланно, с недоверием внимавшие рассуждениям, обещаниям и увещеваниям российских товарищей. Ситуация менялась в худшую сторону раз от раза, придавая украинцам веру в свою «самостийную» правоту.

А мы в силу межведомственной несогласованности теряли позиции, когда наш Минфин застопорился в погашении заграничных долгов.

Украинцы вздохнули свободнее и начали просто измышляться над существом проблемы, ставя вопрос о достойном куске заграничного пирога и не только. Тут и Рада подоспела, заговорив об Алмазном фонде и прочем подобном. Переговоры превращались в «каучуковые»...

Тянуть эту субстанцию за нее же самую дальше было нельзя!

Поэтому соответствующий по форме доклад Президенту России (я был его инициатором и исполнителем) резюмировал полную бесперспективность двусторонних переговоров и необходимость их заморозки.

Одновременно, что крайне важно, предлагалось всеми силами и способами, игнорируя украинские демарши, форсировать проведение перерегистрации недвижимости с СССР на Россию самостоятельно, без экивоков и ненужного политеса.

Доклад был одобрен.

Так начался новый этап огромной многотрудной работы.

Во все загранучреждения сразу же полетели соответствующие директивные указания по принятию необходимых мер с проявлением при этом инициативы и находчивости.

И в отчетных сводках в Центр (годовых и прочих) появилась графа о перерегистрации (регистрации) недвижимости.

Как оказалось, в ряде случаев такого «тычка» из Москвы было достаточно,

Конечно, в большинстве «цивилизованных стран», где юристы и адвокаты привыкли годами кормиться на подобных делах, включались привычные рутинные механизмы, естественно долгие и затратные.

Деньги на это Минфин выделял, но со скрипом и по факту, что было, по моим оценкам, просто коварно.

Между тем, в рядах нашей дипломатии были (и остаются!) люди решительные, проявившие тогда заинтересованный практический подход к решению, по сути, государственной задачи.

Среди них Валентина Ивановна Матвиенко и члены ее посольской команды в Греции, которые сослужили большую службу в деле перерегистрации на Россию бывшей союзной загрансобственности, заполучив заключение Греческого

института права, подтверждающего наши исключительные права на нее.

Это заключение, доставленное в ДКСиСЗ, было тут же разослано на места — с соответствующими инструкциями.

Оно активно использовалось и давало дополнительные очки в «наследственной» тяжбе.

В частности, документ сыграл положительную и главное доказательную роль при рассмотрении соответствующего спора между Россией и Украиной в Верховном суде Дании, где мне было поручено выступить.

Вынесенное судом прецедентное решение в пользу российской стороны было еще одним ударом по украинской базарной позиции.

Закономерно, что там, где значительные массивы недвижимости использовались на условиях взаимности, возникали соответствующие консультации.

Вот, например, пройдя без преувеличения не такой уж и гладкий путь, российская и китайская стороны торжественно обменялись (я был активным участником переговоров) документами по объектам посольств в Москве и Пекине...

Так постепенно мы давали ясный и однозначный ответ на поставленный вопрос «Это чье?».

НАШЕ!

Рассказывая о различных ситуациях с нашей заграничной собственностью, не могу не вспомнить и о некоторых уже не «глобальных», а частных эпизодах. Вот, например, в Танзании дело обстояло следующим образом. Посол Доку Гапурович Завгаев обратился в Москву с предложением решить с танзанийской стороной вопрос о ликвидации общественного проезда, неуместно и грубо разделявшего посольскую территорию в Дар-эс-Саламе на две части (такая территория досталась нам в наследство от предыдущих руководителей).

В случае ликвидации проезда предлагалось отдать местным властям в качестве отступного равнозначную площадь с боковой стороны нашей территории. Идея эта разумная, резко повышающая уровень безопасности и упрощающая передвижения сотрудников из жилой зоны в служебную, понравилась сразу.

Прилагавшийся к запросу чертеж был весьма убедителен. Казалось бы, все просто, но действия с госсобственностью надлежит выполнять строго в рамках сложной бюрократической процедуры через решение правительства с подготовкой соответствующих обоснований, проведения независимых оценок и многого прочего, причем без гарантий успеха — а «неуспех» тоже порою случался.

И тут мне приходит в голову дерзкая идея (люблю такие!), а не отнести ли этот «обмен» к проверке и уточнению границ в рамках перерегистрации еще к тому моменту так и не «затвержденной» в реестре территории российской собственности. Итоговые же документы оформить как положено, что местные власти сделают и охотнее, и быстрее.

Идея была воспринята Д. Г. Завгаевым «на ура», и процесс завершился быстро и результативно.

В итоге экстерриториальность посольства обеспечивается по полной программе и одновременно оформляются имущественные права Российской Федерации.

Продолжая рассказ об отдельных эпизодах, связанных с проблемой недвижимости, не могу не сделать некоторые обобщения.

В современном варианте ценнейшего фолианта «Истории Государства Российского» девяностые годы двадцатого века и начало так называемых «нулевых» уже заняли свое достойное, в кавычках, место.

Кучка западных прихвостней, возвращенных в «парниках исключительности», закаленных в англо-саксонских

подвалах ненависти, глумливо и расчетливо грабила Великую Страну.

Они знали, где и как это делать эффективнее.

Некоторых из этих «гениальных» деятелей развала и грабежа мне доводилось лицезреть воочию, что называется вживую, испытывая естественное, не проходящее до сих пор отвращение.

А им было где развернуться, напрочь подавив иммунную систему страны.

Даже в прежде излишне громоздкой и забюрократизированной системе управления страной не было такой организации, как Госкомимущество.

Но она появилась по Указу тогдашнего президента. По моему убеждению, потребность в подобном органе закономерно возникла тогда, когда надо было быстренько все-все якобы подсчитать и тихо-тихо поделить, но исключительно между своими парнями, при этом, действуя показушно «законно», путем тиражирования липовых и скороспелых бюрократических правил, этого по сути, «карательного» для собственности органа. Задачи стояли грандиозные, потому что требовалось хоть как-то, но очень срочно, формализовать и задокументировать фактически уже состоявшийся тотальный грабеж.

Такой работой могли заниматься только люди, напрочь лишённые признаков совести и порядочности.

И они, к сожалению, нашлись, взявшись за дело рьяно и успешно везде, где был возможен очередной большой «хапок».

Посягательств было много.

Например, в объединённой Германии, после горбачёвских деяний, осталось огромное количество недвижимости (порядка десяти-двенадцати тысяч объектов), которую лет восемь подряд выискивал и инвентаризировал

спецпредставитель Госкомимущества, пребывая в этой стране. А вот их дальнейшая судьба обществу не очень-то известна.

На заседаниях межведомственной комиссии по эффективному использованию заграничной собственности (идея ее создания, как хоть какого-то подобия координации и контроля, принадлежала мне) делались попытки ввести некий общий «пригляд» за ситуацией.

Однако некоторым ее участникам это было неудобно, и комиссия, просуществовав пару лет, почилла в бозе...

Впоследствии же всю заграничную недвижимость взяло под свою эгиду Управделами Президента России (слава богу, уже нового и здравствующего).

В соответствующем УКАЗЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ от 23.10.2000 № 1771 «О МЕРАХ ПО УЛУЧШЕНИЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАСПОЛОЖЕННОГО ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА, ЗАКРЕПЛЕННОГО ЗА ФЕДЕРАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВАМИ, ДРУГИМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ» в первом же пункте поручалось:

Правительству Российской Федерации и Управлению делами Президента Российской Федерации обеспечить передачу в установленном порядке Управлению делами Президента Российской Федерации расположенных за пределами Российской Федерации служебных зданий, сооружений, жилых домов, другого недвижимого имущества, находящегося на балансе федеральных органов исполнительной власти и их представительств в иностранных государствах,

других государственных органов Российской Федерации (за исключением объектов, необходимых Министерству иностранных дел Российской Федерации для осуществления его функций).

Именно благодаря казалось бы «простенькому» тексту в этой скобке, прописанному лично мною «потом и кровью» и не без огромных усилий внесенному в проект Указа, вокруг которого шли нешуточные баталии, МИД России сохранил за собой внушительный массив дипнедвижимости в так называемом оперативном управлении, отстояв ее ведомственную «суверенность» и сохранив соответствующие функциональные структуры.

Вот такова была непростая реальность. И забывать об этом мы не имеем права. Как и о том, что на вопрос «это чье?» есть только один вариант ответа — «наше, российское».

ВСПОМИНАЯ ФИЛЛИПИНЫ

Первое знакомство

Мое первое знакомство с Филиппинами состоялось в апреле 1971 г. и было связано с участием в составе делегации на XXVII сессии Экономической Комиссии ООН для Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ), позднее переименованной в Экономический и Социальный Совет ООН для стран Азии и Тихого Океана (ЭСКАТО).

Дипломатических отношений между нашими странами тогда еще не было, и филиппинские визы пришлось запрашивать через наше посольство в Токио. Там дожидаться виз нашей делегации пришлось целую неделю, и мы едва успели добраться до Манилы к самому открытию сессии.

Заседания проходили в знаменитой гостинице «Манила», служившей в годы Второй мировой войны штаб-квартирой и местом проживания генерала Д. Макартура, главнокомандующего союзных войск на тихоокеанском театре военных действий. Там же остановились наша и другие делегации.

Помимо участия в работе сессии мы побывали в гостях на вилле одного влиятельного сенатора, встретились с представителями местной бизнес-элиты. Все собеседники единодушно высказывались за скорейшее установление между нашими странами дипломатических отношений, заверяя нас, что такой шаг со стороны филиппинского правительства следует ожидать в самое ближайшее время.

Воодушевленный обещаниями, руководитель нашей делегации, посол СССР в Индонезии по возвращении в Джакарту поспешил сообщить об этом в Москву. Увы, дожидаться этого события пришлось еще целых пять лет. Советско-филиппинские отношения были установлены только в июне 1976 г.

Развивая двусторонние отношения

На вторую половину 80-х годов пришлось оживление диалога с Филиппинами и другими странами Ассоциации Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Толчком послужила выдвинутая М. С. Горбачёвым 28 июля 1986 г. во Владивостоке программа комплексных инициатив по проблемам безопасности в АТР, позднее дополненная во время его пребывания в Индии в ответах на вопросы корреспондента индонезийской газеты «Мердека» 23 июля 1987 г. и выступлении в Красноярске в сентябре 1988 г.

Практическое воплощение в жизнь этих инициатив предусматривало урегулирование всех существующих в АТР спорных проблем и конфликтов мирными политическими средствами, наращивание и нераспространение ядерного оружия, снижение активности на Тихом океане военных флотов, сокращение вооруженных сил и обычных вооружений, создание в АТР атмосферы взаимного доверия и установления широкого взаимовыгодного сотрудничества между всеми расположенными там странами. Все это привлекло широкое внимание общественно-политических кругов в странах ЮВА.

Первыми на советские инициативы отреагировали страны Индокитая, подтвердив на проведенной 17–18 августа конференции трех министров иностранных дел, что вьетнамские добровольческие воинские части будут выведены из Кампучии до 1990 г.

Вместе с тем молчание основных партнеров по диалогу, отсутствие официальной реакции государств-членов АСЕАН на владивостокскую программу подтверждало, как это тогда у нас расценивали, живучесть стереотипов старого политического мышления. В СМИ этих стран советские предложения преимущественно изображались как декларативные, пропагандистские, нацеленные на то, чтобы ослабить американские позиции в регионе, изменить баланс сил в пользу СССР.

Встреча с президентом К. Акино во дворце Малаканьянг

В начале августа 1986 г. было принято решение направить в страны АТР специальных посланников с устным посланием советского руководства лидерам стран региона в связи с инициативами, изложенными в речи М. С. Горбачёва во Владивостоке. Посольствам были разосланы указания добиваться приема посланцев на самом высоком уровне.

Мне было поручено отправиться с этой целью в Сингапур и на Филиппины (вопросы отношений с этой страной незадолго до этого были переданы в ОЮВА из 2-го Дальневосточного отдела).

В Маниле меня приняла президент Филиппин Корасон Акино, всего полгода назад после президентских выборов и падения некогда всесильного диктатора Фердинанда Маркоса ставшая главой государства.

Обстановка вокруг президентского дворца Малаканьянг, с многочисленной охраной и заграждениями у входа, мало походила на мирное время. Пока — сопровождаемый вооруженными людьми — я поднимался по длинной высокой лестнице к входу в здание, и войдя во внутрь по извилистым коридорам направлялся к кабинету президента, мне

повстречалось множество снующих взад-вперед или сидящих на ступеньках увешанных автоматами людей в полувоенной форме. Увиденное очень напоминало революционную обстановку в Смольном, как ее изобразил в исторических кинолентах наш знаменитый кинорежиссер. Надо заметить, что такие предосторожности были не лишними: за шесть лет президентства К. Акино было совершено семь попыток, к счастью, неудачных, военного переворота.

Изложенное президенту устное послание советского руководства было выслушано с заинтересованным вниманием, о чем свидетельствовали заданные мне вопросы. На протяжении чуть больше получаса, пока длилась беседа, президенту несколько раз приносили на подпись какие-то срочные бумаги, которые она, не прерывая разговора, тут же подписывала. «Советские предложения, — заключила нашу беседу президент, — заслуживают самого серьезного рассмотрения, о результатах в ближайшее время будет сообщено».

И действительно, вскоре Филиппины первыми из стран АСЕАН высказали на официальном уровне свое позитивное отношение к владивостокским инициативам. (В последующие два года это было сделано на высоком уровне Индонезией, Малайзией и Таиландом во время официальных визитов глав государств и правительств этих стран в Москву.)

О результатах своей миссии, помимо телеграмм, я отчитался на заседании коллегии МИД, посвященном итогам поездки спецпосланников.

В целом реакция в АТР на устное послание М. С. Горбачёва и владивостокскую программу, дополненную в его ответах на вопросы газете «Мердека», оказалась довольно сдержанной. А уровень, на котором удалось организовать прием в странах АТР наших спецпосланников, в основном зам. министров и зав. территориальными отделами МИД, за небольшим исключением, был ниже ожидаемого.

Одной из причин этого оказалась спешка, лишившая возможности заблаговременно проконсультироваться по новым инициативам с нашими союзниками и другими странами в АТР. Отсюда остался не до конца проясненным ряд аспектов, в том числе касающихся ядерного присутствия США в Южной Корее, на Филиппинах и на острове Диего-Гарсия и отношения КНР к объявленной нами программе обеспечения мира и безопасности в АТР. Это и многое другое выяснилось сразу по реакции стран АСЕАН, как только мы вышли со своими инициативами.

На высказанные спецпосланникам представителями асеановских стран в беседах суждения насчет того, что предложенная Советским Союзом программа действий страдает отсутствием конкретных мер, неясностью и нечеткостью сформулированных в ней инициатив у спецпосланников был заготовленный ответ: нами предлагается не какая-то готовая и закостенелая формула региональной безопасности. За этим следовали призывы к партнерам по диалогу выдвигать встречные предложения, совместно участвовать в ее разработке путем двусторонних и многосторонних контактов.

«Ответ Филиппин на инициативу Горбачёва»

Моя поездка в Манилу в конце августа 1986 г. для проведения двусторонних консультаций в МИД Филиппин по вопросам повестки дня 41-й сессии Генассамблеи ООН, положения в АТР и двусторонним отношениям пришлось в разгар оживленных дебатов во властных филиппинских кругах, пришедших к власти после победы на февральских президентских выборах, относительно будущего внешнеполитического курса страны.

Важное место в дискуссии занимали вопросы выстраивания отношений с Советским Союзом. Толчком к ней

послужил выдвинутый комплекс инициатив по проблемам АТР, в особенности заявление М. С. Горбачёва о готовности к развитию связей с Филиппинами.

Этому вопросу была посвящена конференция на тему «Ответ Филиппин на инициативу Горбачёва», организованная 26 августа в Маниле Pacific Futures Development Center, возглавляемым будущим послом в Москве А. Мельчором. Меня пригласили участвовать в конференции как одного из трех главных докладчиков.

Позитивный настрой дискуссии на конференции был задан открывшим ее вице-президентом, министром иностранных дел С. Х. Лаурелем, подчеркнувшим, что «недавнее заявление генерального секретаря Михаила Горбачёва во Владивостоке заслуживает серьезного рассмотрения. Мы особенно приветствуем его упоминание Филиппин как одной из стран, с которыми СССР готов укреплять связи». Перечисляя далее «шаги в духе доброй воли со стороны Филиппин по отношению к Советскому Союзу», вице-президент назвал «назначение А. Мельчора новым послом в Москве, намеченный на октябрь визит в Советский Союз зам. министра иностранных дел Л. Шахани и присутствие в Маниле посла Анатолия Зайцева, заведующего недавно реорганизованного отдела Юго-Восточной Азии МИД СССР, дополняющее стремление к укреплению связей».

Высказывания на конференции Х. Лауреля были расценены местными СМИ как первая официальная реакция правительства Филиппин на июльское выступление М. Горбачёва во Владивостоке.

Выступивший вслед за мининдел бывший министр труда Б. Ф. Опль акцентировал внимание на проблеме развития экономики стран АТР, подчеркнув, что «владивостокские инициативы создают широкие рамки для продвижения вперед экономического сотрудничества наших стран». Он

отметил, что «предложения связать Сибирь и весь советский Дальний Восток с динамично развивающимися экономиками стран АТР может предоставить много возможностей и для участия в таком сотрудничестве Филиппин».

Выступление второго докладчика — бывшего министра информации Ф. Татада — отличалось настроенно-скептическим настроем, что отчетливо проявилось в характере и тональности его, как и других участников конференции, вопросах, заданных после моего выступления.

Подобная картина наблюдалась на проведенной мною 27 августа перед отлетом из Манилы пресс-конференции. В большинстве заданных мне журналистами вопросов повторялись заезженные стереотипы в духе холодной войны, которые были отголосками еще не сошедшей на нет шумной кампании в ряде местных СМИ, направленной на подрыв отношений с Советским Союзом.

Поводом для кампании послужило вручение послом СССР В. И. Шабалиным верительных грамот Ф. Маркосу и переданные им поздравления по случаю его избрания за неделю до инаугурации 25 февраля президента К. Акино.

Этот резонансный дипломатический «прокол» явился следствием решения не откладывать вылет к месту назначения нового посла, несмотря на его резонные доводы «против». Зам. министра М. С. Капица, под началом которого был 2-й Дальневосточный отдел МИД, продолжая делать ставку на Ф. Маркоса, противился переносу на послевыборный период вылета нового посла в Манилу и убедил в правоте своей позиции Э. А. Шеварднадзе. В итоге В. И. Шабалин, назначенный послом СССР на Филиппинах еще осенью 1985 г., прибыл в Манилу 25 января 1986 г. за две недели до президентских выборов, назначенных на 7 февраля.

Разрядить возникшую напряженность в двусторонних отношениях в определенной степени должен был прилет

в конце апреля в Манилу М. С. Капицы, чтобы, как он напишет позднее в своей книге воспоминаний, «рассеять некую неловкость: новый посол СССР В. И. Шабалин оказался (!) в Маниле во время выборов президента и вручил верительные грамоты Ф. Маркосу в то время, когда оппозиция оспаривала результаты выборов. Другая цель — установить контакты с новым президентом и ее администрацией».

Президент К. Акино, приступив к проведению более активной и независимой линии во внешних делах, в отношении Советского Союза стремилась, несмотря на опасения противодействия со стороны американцев, сохранить то положительное, что было достигнуто при президенте Ф. Маркосе.

Вскоре за назначением послом в Москву видного филиппинского политического деятеля А. Мельчора (он прилетел в нашу столицу в сентябре того же года), которое с нашей стороны было расценено как стремление новой филиппинской администрации к развитию отношений с Советским Союзом, последовал визит в Москву 26–31 октября заместителя министра иностранных дел Летисии Шахани, первый визит такого уровня в нашу страну после смены администрации на Филиппинах. Состоялись ее переговоры с Э. А. Шеварднадзе, парафирован протокол о межмидовских консультациях. В ноябре того же года с визитом в Москве побывал министр науки и технологии Ф. А. Аристобаль.

В дальнейшем развитие советско-филиппинских отношений после короткого периода оживления, находясь под влиянием сложных внутривнутриполитических процессов и внешних сил, шло скачкообразно.

Положительное воздействие на состоянии отношений между нашими странами оказал визит 9–19 июля 1987 г. в Советский Союз влиятельного главы католической церкви Филиппин, играющей важную роль в политической жизни

страны, кардинала Х. Сина. Он был принят в Кремле первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР П. Н. Демичевым. Гость покидал Москву под впечатлением оказанного ему у нас в стране приличествующего его сану приема. И, как мне показалось, в немалой степени тронутым православными пожеланиями многая лета в свой адрес на заключительном обеде в филиппинском посольстве хором хорошо поставленных голосов приглашенных на прием представителей РПЦ.

В декабре того же года в Москве состоялись консультации с и. о. зам. секретаря по иностранным делам М. Галензой. В 1988 г. в Москву прибыла делегация Конгресса Филиппин во главе с лидером сенатского большинства сенатором Орландо Меркадо. В том же году в Москве был подписан межправительственный протокол о консультациях по широкому кругу двусторонних и международных вопросов.

Получили развитие торгово-экономические связи. Однако из намеченных в ходе обмена визитами проектов строительства с участием Советского Союза крупных экономических объектов на Филиппинах, в том числе ТЭС на угле и никелевого комбината, в последующие годы по ряду причин, в первую очередь по причине отсутствия договоренностей об условиях финансирования, удалось осуществить только немногие. Роль своеобразного «мотора» в продвижении проектов советско-филиппинского экономического сотрудничества все это время играл деятельный посол А. Мельчор. Одна из последних бесед с ним в ОЮВА в августе 1988 г. была посвящена обсуждению вопроса о необходимости проведения «инвентаризации» проектов двустороннего экономического сотрудничества и перспектив подписания соглашения об экономическом сотрудничестве (заключен в 1989 г.).

На регулярную основу были переведены межмидовские консультации. В августе 1987 г. я вновь отправился в столицы стран АСЕАН для проведения в МИД консультаций по повестке дня предстоящей сессии Генеральной Ассамблеи ООН, положению в АТР и двусторонним отношениям.

На середину 80-х годов пришелся окончательный поворот в сторону налаживания полномасштабного диалога с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии, которая продолжала оставаться нашим партнером де-факто на двустороннем уровне.

Укреплению диалога с Ассоциацией способствовало создание в марте 1988 г. советского национального комитета по азиатско-тихоокеанскому сотрудничеству.

В конце октября 1988 г. перед завершением работы в Отделе Юго-Восточной Азии я попрощался с послами стран АСЕАН, устроив для них прием на представительской базе МИД в подмосковном Мещерино.

Ришат ХАЛИКОВ

Ришат Нурахманович Халиков, ныне советник главы Представительства Республики Башкортостан при Президенте Российской Федерации, долгие годы трудился на дипломатическом поприще. Он был не только свидетелем, но и участником многих событий, оперативно решая важные вопросы, помогая в сложных ситуациях нашим гражданам. Свои воспоминания он оформил в виде книги «Записки дипломата». Некоторые эпизоды из нее предлагаем вниманию наших читателей.

ДИПЛОМАТ ИЗ БАШКОРТОСТАНА

Поступление в МИД СССР

В августе 1974 года я — выпускник Института восточных языков (ныне Институт стран Азии и Африки) Московского Государственного Университета — был принят на работу в Министерство иностранных дел СССР, в турецкий сектор отдела стран Среднего Востока, работавшего в то время в чрезвычайном режиме из-за событий на Кипре. Анкара в ответ на военный переворот в Греции и планы присоединения острова 20 июля 1974 года высадила десант в северной его части. Сделано это было под предлогом защиты турок-киприотов, превосходивших по численности греческое население в этой местности. Кипр разделился на две части по так

называемой «линии Аттила». Появилось «независимое государство», которое некоторые страны успели даже признать.

Возникшую ситуацию пытались разрешить в рамках Совета Безопасности ООН, а также в ходе переговоров, в частности, в Женеве (Швейцария). Участником одной из таких встреч стал М. И. Ковригин, советник отдела нашего сектора. После возвращения с переговоров Михаил Иванович проронил крылатую фразу: «Эта проблема будет продолжаться не менее 20 лет...» Так и случилось. К сожалению, и в сегодняшнем дне она не потеряла своей актуальности. С годами все больше закрепляется статус-кво, образованный в июле 1974 года.

В отдел стран Среднего Востока, кроме Турции, входили Афганистан и Иран. В турецком секторе работали опытные дипломаты. Заведующим был Игорь Александрович Лакомский. Здесь также трудились Н. В. Кинаев, Н. И. Беловол, А. Л. Прищепов. Впоследствии Александр Прищепов стал послом в Албании, Николай Беловол — генеральным консулом в Гданьске (Польша). До этих назначений со всеми этими людьми мне довелось поработать в Посольстве СССР в Анкаре.

С большой теплотой вспоминаю всех своих коллег-тюркологов. Особенно запомнился Николай Беловол, обладавший энциклопедическими знаниями по Турции. Он скрупулезно вел досье по этой стране как в секторе, так и в посольстве, а потом и в генеральном консульстве в Стамбуле. В 1974 году мне, как молодому дипломату, по линии партийной организации поручили провести подписку на газеты и журналы в отделе стран Среднего Востока. Эта работа отнимала много времени, но позволила быстро познакомиться со всеми сотрудниками отдела, который в тот период возглавлял замечательный дипломат — Чрезвычайный и Полномочный Посол Виктор Иванович Минин. Он поработал во многих странах.

Трижды был послом, в частности, в Лаосе, Гвинее и Ираке. Виктор Иванович был первым руководителем такого ранга, с кем мне пришлось общаться в повседневной работе. Каждое утро начиналось с обзора материалов ТАСС по «нашим» странам и региону в целом. Параллельно я посещал школу молодых дипломатов, организованную парткомом МИД СССР, где совершенствовал свои знания по турецкому языку, а также завершал курс английского языка.

Все это помогло мне ускорить овладение навыками дипломатической работы. Одновременно с работой в отделе шла подготовка к командировке в Посольство СССР в Анкаре. В октябре получил первый опыт посещения представительских мероприятий. До сих пор помню прием в посольстве Турецкой Республики в Москве 29 октября 1974 года. Послом тогда был Ильтер Тюркмен, который позже возглавил Министерство иностранных дел Турции.

19 февраля 1975 года я вместе со своей семьей отправился в первую длительную зарубежную командировку с Киевского вокзала столицы... Повезло, что вместе с нами ехала семья корреспондента газеты «Правда» Алексея Васильева. В Софии нас встретил его коллега и помог восполнить наш провиант для дальнейшего продолжения маршрута. Дело в том, что все продуктовые магазины в городе в вечернее время оказались закрытыми, поэтому нашему новому знакомому пришлось даже поделиться кое-какими продуктами из своего холодильника... 22 февраля 1975 года мы добрались до вокзала Сиркеджи в европейской части Стамбула. А вечером сотрудники генконсульства посадили нас на фирменный поезд «Стамбул — Анкара», который отходил с вокзала Хайдар-паша азиатской части этого исторического города, столицы трех бывших могучих империй.

Первые шаги в Турции

В холодный день 23 февраля 1975 года транзитом через Стамбул мы прибыли в Анкару на железнодорожный вокзал. Мне было 28 лет. Временно с семьей нас разместили в жилом доме Госкомитета по внешнеэкономическому сотрудничеству (ГКЭС), напротив торгпредства СССР. Мое временное проживание продлилось до сентября 1976 года. Зато мы стали практически своими для коллективов ГКЭС и торгпредства. Кстати, в здании последнего до конца 1960-х годов располагалось Посольство СССР, а на территории ГКЭС — посольский сад. Эти земли были выделены СССР молодым кемалистским правительством после переезда столицы из Стамбула в Анкару.

Здание советского диппредставительства на бульваре Ататюрка очень знаменитое. Когда-то в посольстве СССР находилась даже специальная комната, предназначенная для отдыха Президента Турции К. Ататюрка. Это говорило об уровне сложившихся по результатам Первой мировой войны и последовавшими за ней событиями отношений между нашими странами на тот период. Здание торгпредства помнит многих выдающихся дипломатов того времени, так же, впрочем, как и некоторых негативных персон, например, предателя Олега Пеньковского, который в 1955–1956 гг. работал здесь. Его деятельность в Анкаре характеризовалась крайне негативно. И он досрочно, уже через год, был откомандирован в Москву.

На четвертом этаже торгпредства размещалась начальная школа посольства, куда в первый класс пошли мои дети: в 1976 году — сын; дочь в период уже второй командировки — в 1982 году.

В июле 1975 года супруга уехала рожать в Москву. В то время женщинам настоятельно не рекомендовали

обращаться в местные родильные дома после того, как кто-то из местных медиков что-то сделал не так. После убийства семьи на Родину у меня появилось больше свободного времени: я вступил в парламентскую библиотеку, записался в конно-спортивный клуб, получил местные водительские права. Предписание получения турецких прав к имеющимся советским было связано с крупным ДТП, повлекшим гибель советского консула и серьезную травму корреспондента газеты «Известия» в 1974 году.

Практическое вождение с инструктором проходило в районе Ататюрк «Орман чифтлиги» (лесное хозяйство Ататюрка), со временем ставшее жилым сектором столицы. Обычно в машине, кроме инструктора, было два стажера. Однажды на месте второго обучаемого оказалась молодая красивая девушка, которую звали Рашида. Муж ее был ливанским врачом, а предки родителей — выходцами из России. После революции они оказались в Китае. Мама Рашиды была татаркой, а отец — башкир. Мне это совпадение показалось очень интересным, поскольку у меня мама тоже татарка, а отец — выходец из башкирского рода болгарского происхождения. Когда я об этом рассказал в посольстве, один из старших товарищей предположил, что это не случайное совпадение — надо быть внимательным! Рекомендации были учтены, но больше мы уже не встретились: у Рашиды закончились часы вождения и, со слов инструктора, она успешно сдала экзамен для получения водительских прав. Такое уж было время в наших двусторонних отношениях. Элемент недоверия присутствовал...

Зато с начала 90-х годов началась «открытая народная дипломатия» с нашим южным соседом. В частности, значительное ослабление визового режима, предоставление возможности оформления виз в аэропортах, морских и наземных пунктах пограничного контроля. В начале 90-х годов Турция

постепенно превратилась в наиболее предпочитаемое россиянами место отдыха и торговли.

Дружеские отношения с коллективом ГКЭС распространились также и на его руководителя — советника Алексея Егоровича Петрушева. В свое время он был известным государственным деятелем, занимал различные высокие посты. Советник ГКЭС по согласованию с посольством неоднократно брал меня в свои служебные поездки по стране вместо своих подчиненных. Мне посчастливилось увидеть в 1976 году много интересного: объекты двустороннего сотрудничества — тепловые электростанции в городах Чан, Орханэли, а также пролив Дарданеллы, отели на побережье Мраморного моря «Чинар» и в городе Гёнен, ярмарки, раскопки «Троя» и другие туристические места. В этот период губернаторы провинций, министры и известные бизнесмены вилайетов Коджаэли, Стамбула и Измира принимали советника ГКЭС на высшем уровне.

Таких интересных и познавательных поездок по стране у меня не было даже в период работы консулом Посольства СССР в Анкаре. Консульские командировки сопровождались, как правило, выполнением каких-то конкретных задач: встреча с коллективами, посещение советских граждан, находящихся за совершенные правонарушения в местах заключения, сопровождение наших спортивных коллективов и т. п.

Во время работы в Анкаре в выходные дни все сотрудники по очереди дежурили в посольстве. Одной из обязанностей был внимательный просмотр прессы и информирование о прочитанном посла. Во время одного из таких дежурств в июне 1975 года я обратил внимание посла на статью в турецком журнале «Янкы». В ней со ссылкой на информированные источники утверждалось, что советский посол А. А. Родионов является резидентом ГРУ, а генеральный

консул в Стамбуле Г. Орлов — агентом КГБ на Ближнем Востоке. Алексей Алексеевич, конечно, среагировал, подчеркнув этот абзац красным карандашом, а на следующий день договорился о встрече с министром иностранных дел С. Чаглаянгилом. В то время у власти в Турции находилось правительство «Националистического фронта» («Партия справедливости» С. Демиреля, «Народно-Республиканская партия доверия» Т. Фейзиоглу, «Партия националистического движения» А. Тюркеша и «Партия благоденствия» Н. Эрбакана).

Со слов посла, министр внимательно его выслушал, в том числе и по этому вопросу, заметив, что публикация появилась в журнале оппозиции Народно-республиканской партии. В посольстве эту провокационную статью связали с реакцией местных контрольных органов на участие в первомайской демонстрации в Стамбуле нашего генерального консула вместе со своим коллегой из Чехословакии.

Визит А. Н. Косыгина

Одним из знаменательных событий моей первой зарубежной командировки (с февраля 1975 по ноябрь 1977 года) в Анкару стал трехдневный официальный визит в конце декабря 1975 года в Турецкую Республику председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина. Он провел переговоры с премьер-министром С. Демирелем, побывал на приеме у президента Ф. Корутюрка, принял участие в запуске производства на объекте, строящемся при содействии Советского Союза — Искендерунском металлургическом комбинате.

Все сотрудники посольства оказались задействованными в организации этого мероприятия. Для меня это был первый опыт участия в обеспечении визита в страну одного из руководителей нашего государства.

Несмотря на занятость и напряженный график, Косыгин нашел возможность встретиться с коллективом посольства. Сотрудники российских загранучреждений в г. Анкаре смогли лично убедиться в высочайшей эрудиции и простоте общения с Алексеем Николаевичем, оценить его глубокие и всесторонние знания экономики, умение просто излагать свои мысли. Косыгин поинтересовался заработной платой работников посольства (в связи с инфляцией относительно других развитых государств она была очень низкой). И буквально через неделю после визита решился и этот важный для сотрудников вопрос: оклады были повышены.

Во время этого визита удалось подписать двухлетнюю программу культурного и научного обмена между странами. Сотрудники посольства сделали все возможное, чтобы визит прошел успешно. Запомнился необычный для Анкары снегопад, пришедшийся на это время. В связи с рельефом местности передвигаться по городу можно было только со специальными цепями на колесах.

Результаты переговоров получили высокую оценку руководства Турции. Благодаря этому визиту, сотрудники посольства получили практический опыт организации подобных встреч на высоком уровне. Я присутствовал на переговорах по подготовке программы культурного и научного обмена, в протокольных мероприятиях, в частности, на обеде, устроенном от имени председателя Совета министров СССР в посольстве с участием премьер-министра Турции С. Демиреля, а также лидера оппозиции Б. Эджевита.

Приобщение к консульской работе

Согласно распределению обязанностей во время той командировки с февраля 1975 по ноябрь 1977 года я официально работал в группе посольства по внешней политике. Однако с учетом моих языковых знаний посол и другие руководящие сотрудники посольства часто поручали вопросы, больше относящиеся к консульской тематике. Так, в июне 1975 года меня пригласил посол А. А. Родионов и поручил урегулировать возможные негативные последствия, связанные с ДТП, участником которого стал технический сотрудник — водитель — аппарата военного атташе при посольстве СССР. Согласно объяснительной записке этого водителя, при возвращении из аэропорта Эсенбога на окраине Анкары из-за машины на трассу выбежала маленькая девочка лет пяти. Он успел среагировать и затормозить. Но ребенка все-таки слегка задел — девочка упала на асфальт. Это небольшое ДТП вполне могло стать причиной нежелательных публикаций, направленных против посольства и его сотрудников (такое случалось). В этой связи посол поручил мне посетить родителей пострадавшей и жандармский участок. Поскольку все произошло за пределами городской черты, произошедшее относилось к зоне ответственности жандармерии. И каково же было мое удивление, когда в официальном документе я прочитал, что водитель, якобы, сбил ребенка на пешеходном тротуаре. Обратил внимание жандармского начальника на этот факт. Тот объяснил, что сделано это было по просьбе родных ребенка. Нам порекомендовали отрегулировать ситуацию с родителями девочки. Я поднялся в гору, где жили эти люди — в так называемой «геджиконду» (жилище, построенное за ночь, его, согласно закону, власти не имели права сносить). На встрече с родными девочки удалось найти с ними общий язык. Они явно рассчитывали

на нашу «компенсацию». От имени посольства я вручил им гуманитарную помощь и предложил дать правдивые показания в жандармском участке. Ситуацию удалось уладить, тем более, что для здоровья ребенка падение на асфальт никаких серьезных последствий не имело.

Все это позволило избежать каких-либо негативных публикаций в местной прессе (а они могли бы быть). Посол А. А. Родионов дал высокую оценку нашим действиям. В последующем именно он настоял на моем назначении заведующим консульским отделом Посольства СССР в Турецкой Республике во второй командировке с августа 1981 по июнь 1984 года.

В целом работа под началом этого замечательного человека была исключительно важной для меня в становлении как дипломата. Во время работы с А. А. Родионовым я как консул получал поддержку по любым вопросам. Более того, он стал меня приглашать в пять утра (!) на ежедневную спортивную ходьбу вокруг озера Гельбаши в пригороде Анкары, привив тем самым мне на всю жизнь здоровую привычку ходить пешком. После Турции Родионов стал последним советским послом в Канаде, оставив и там свой добрый след руководителя с большой буквы! Наше поистине дружеское взаимодействие продолжалась до его последних дней в мае 2013-го.

После ухода в отставку

Алексей Алексеевич написал три книги о своей работе в Пакистане, Турции и Канаде. С автографом и дружескими пожеланиями он подарил их своим коллегам, в том числе и мне. В период работы в Пакистане я свой экземпляр передал экс-премьер-министру Беназир Бхутто, так как воспоминания были посвящены, в частности, ее отцу — известному

пакистанскому политику Зульфикару Али Бхутто. При очередной встрече Алексей Алексеевич компенсировал мою «утрату», передав мне дополнительный экземпляр.

И еще одно воспоминание. В период проведения московской Олимпиады во всех государственных учреждениях, задействованных в обеспечении спортивного праздника, были организованы дежурства. Конечно, серьезная нагрузка пришла на различные подразделения МИД СССР, особенно на консульское управление. Небольшая группа этого департамента получила служебную аккредитацию оргкомитета Олимпийских игр 1980.

Сотрудники группы оперативно решали возникающие проблемы по визовым и другим консульским вопросам. Безусловно, в этот период возникало немало организационных проблем, связанных со спортсменами, туристами и не только. Остался в памяти случай оформления визы лидеру Организации Освобождения Палестины Ясиру Арафату, который в силу ряда причин прибыл во главе делегации без визы. Принялись за дело всей группой. Визу оперативно оформили.

О работе консулом

В период работы консулом в Анкаре в 1981–1984 годы было много обращений по наследственным делам. В основном обращались потомки армян, покинувших Османскую империю во время Первой мировой войны. Все вопросы консульским отделом направлялись в установленном порядке в Инюрколлегию Министерства юстиции СССР, где регион в качестве руководителя отдела курировал В. В. Жириновский, который на хорошем уровне знал турецкий язык после окончания МГУ имени М. В. Ломоносова.

В консульском отделе сохранилась переписка о недоразумении, которое приключилось с Владимиром Вольфовичем

в период его пребывания в Турции в ноябре 1968 года. Он был направлен в Турцию для языковой практики в качестве переводчика. Россияне, как правило, всегда привозят сувениры для своих турецких коллег, с которыми им приходится взаимодействовать. Владимир Вольфович привез значки, в частности, с изображением одного из наших писателей-классиков. Сувенир подарил турецкому гражданину, работавшему на строящемся заводе. Тогда, в период «холодной войны», контролирующим органам страны пребывания показалось, что изображение на значке напоминает Карла Маркса. Данный факт был оценен как «пропаганда коммунизма», что запрещалось местным законодательством. После вмешательства посольства в этот инцидент все претензии в отношении Жириновского были сняты.

Вспоминается и не менее интересный факт с потомком бывшего подданного России, уроженца Уфимской губернии, который попал в плен в Первую мировую войну и впоследствии оказался в Австрии, откуда был переправлен в район Измира (Турция). В Турции бывший военный служащий царской армии женился, у него родились два сына. Один из них получил образование в США и стал американским гражданином, а второй был воспитан отцом в духе любви к малой родине, к Башкортостану. Отцу удалось привить сыну уважение и любовь к природным и человеческим богатствам этого замечательного края. Во время посещения консульского отдела посольства он случайно узнал о моем башкирском происхождении. После нашего знакомства этот гражданин Турции практически ежемесячно приезжал и наблюдал, как я принимаю посетителей во время дежурства в консульском отделе. С его слов, я напоминал ему отца, и во мне он видел «частицу родины предков». В последующем через Всесоюзное общество «Родина» мне удалось организовать встречу с его родственниками в Москве (в начале 1980-х годов Уфа

была еще закрытым городом для посещения иностранцев). Уверен, что после перемен, которые произошли в начале 90-х годов в нашей стране, этот турецкий гражданин все же смог посетить «родину предков».

И еще один интересный случай. Сейчас у каждого на слуху эти слова: «санкции, ответные меры». При этом каждый шаг другой стороны становится более изощренным и граничит иногда с безумием. Так, в один из прежних периодов турецкая сторона отказала в визе двум нашим дипломатам, направлявшимся в Анкару в качестве гостей посла. У турецкого МИД относительно этих сотрудников были какие-то негативные соображения. В ответ наше консульское управление отказывает в визе родственнице турецкого дипломата и ее водителю, который, к тому же, должен был привезти мебель в их посольство. Внешнеполитическое ведомство Анкары делает следующий шаг: отказывает в визах ребятишкам, направлявшимся на летние каникулы к своим родителям. Можно представить себе состояние родителей и их детей! Мне, в качестве консула, пришлось неоднократно посещать консульское управление МИД Турции, и в начале июня 1984 года этот вопрос удалось все-таки решить положительно.

Приведу также несколько других примеров. Туристические поездки из СССР в 80-х годах, как правило, осуществлялись организованными группами. По каждой такой поездке принималось решение соответствующего отдела ЦК КПСС. В группе до 30 человек всегда были руководитель и его заместитель по административным вопросам. Между СССР и Турцией работала только одна авиакомпания — Аэрофлот. Было всего два рейса в неделю, а в зимнее время — один.

Обычно туристы прибывали в Анкару, в течение недели знакомились с историческими памятниками страны, а уезжали потом через Стамбул. В апреле 1983 года в Анкару прибыла группа из Эстонии. Турецкие города представляют большой

интерес с точки зрения архитектурных памятников. Одинаковых зданий практически не встретишь. В группе из Эстонии оказались два человека — будущих архитекторов, которых профессионально интересовали замечательные строения на центральной улице Анкары. И вот в какой-то момент один из них обнаружил отсутствие напарника. После безуспешных поисков он обратился в консульский отдел посольства СССР. Первое, что пришло в голову дипломатам: эстонский турист выбрал «свободу». Такие случаи в тот период случались. Я, как консул, в установленном порядке обратился в МИД Турции и в полицейский участок. Впрочем, вскоре пропавший турист обнаружился... в Управлении местной безопасности. После формальной проверки его фотоаппарата советского гражданина передали в посольство СССР.

В консульском отделе он доложил о случившемся, в частности, рассказал, что случайно в зону его фотографирования попал проезжавший автобус с курсантами военного училища. Курсантам показалось, что иностранец целенаправленно снимает их транспортное средство. Будущие офицеры, проявив бдительность, задержали «лазутчика» и передали его в органы. В объяснительной записке турист из Эстонии отметил, что в Управлении безопасности его били. Как потом выяснилось, причина была в том, что сотрудники Управления при оформлении задержания расценили слабое знание русского языка эстонцем (сами сотрудники знали его лучше) как нежелание отвечать на задаваемые ему вопросы. Переводчика с эстонского языка у них, понятно, не было. И поверить в то, что гражданин СССР не знает государственный язык, они не могли.

А вот еще один занимательный случай, связанный с нашими спортсменами. В середине июня 1983 года ко мне обратился атташе по вопросам культуры и спорта нашего посольства Р. Джикия и проинформировал, что пропал

советский гражданин, прибывший на соревнования в составе команды легкоатлетов. В установленном порядке последовало обращение в МИД Турции. Вскоре мне позвонили из министерства и сообщили, что спортсмен нашелся и находится в здании Управления безопасности Анкары.

Как потом выяснилось, члены советской команды привезли в Турцию для продажи фотоаппараты «Зенит», чтобы на вырученные деньги прикупить потом сувениры. Наш спортсмен ушел из отеля «Стад», находившийся рядом со стадионом, без документов. При попытке продать технику прямо на улице был задержан полицией. По таможенным правилам Турции, такая техника декларируется и подлежит при возвращении домой вывозу из страны. Мы разговорились с начальником Управления безопасности. В разговоре он упомянул своего отца, крупного чиновника министерства финансов в период Ататюрка. Отец всегда с большой теплотой вспоминал первые годы советско-турецкого торгово-экономического сотрудничества еще в довоенное время. Молодая Советская республика в тот период оказывала значительную военную и финансовую помощь Турции. И вот благодаря этим неожиданным воспоминаниям и особому расположению к спорту (он сам в прошлом был спортсменом), руководящий чиновник безопасности распорядился освободить незадачливого коробейника. Вот так.

Об одном праздничном дне

А сейчас отступлю немного назад. Сотрудники Посольства СССР в Анкаре в 1982 году отмечали 65-ю годовщину Октября, главный праздник страны. Накануне Чрезвычайный и Полномочный Посол Советского Союза Алексей Родионов дал официальный прием для турецкой элиты и дипломатического корпуса. 7 ноября, в полдень, к послу срочно

вызвали руководящий состав посольства и объявили, что захвачен и угнан пассажирский самолет Северо-Кавказского управления гражданской авиации Ан-24, выполнявший рейс по маршруту «Новороссийск — Одесса». Под угрозой взрыва бандитам удалось посадить самолет в городе Синопе на Черноморском побережье. В предварительном плане значился город Самсун, где их ждали сообщники, однако сложные погодные условия в районе аэропорта не позволили это сделать. В итоге советский самолет оказался на взлетно-посадочной полосе... американского объекта в г. Синопе.

О случившемся незамедлительно доложили руководителям заинтересованных стран. Операцией по возвращению захваченного борта руководил лично министр гражданской авиации СССР Б. П. Бугаев. Он поддерживал непосредственную связь с послом в Турции. По указанию А. А. Родионова организовали оперативную группу во главе со мной, напомню — заведующим консульским отделом посольства. После получения необходимого разрешения местных властей группа вечером 7 ноября выехала на место. Метеоусловия по маршруту в этот день выдались крайне неблагоприятными: несколько дней шли осадки, на перевалах образовался гололед, что вызывало многочисленные ДТП. Мы достигли города Синопа только к утру 8 ноября.

Связь с посольством приходилось поддерживать с помощью служебного телефона из кабинета губернатора провинции. В результате происшествия было ранено два человека: член экипажа (бортмеханик) и один пассажир — Иван Середя. На месте провели оценку произошедшего, необходимо было предоставить всю возможную помощь пассажирам, в основном это были женщины и дети. Ситуацию упростил тот факт, что угонщиков — братьев Шмидтов и Артура Шуллера, арестовала местная полиция. Турецкая сторона, как, впрочем, и американская, оказывала по известным причинам

всяческое содействие: обеспечили пассажиров горячим питанием, зарядили бортовые аккумуляторные батареи, заправили борт американским топливом (интересно, как было бы это сейчас). После проверки работы двигателя на различных режимах самолет взлетел и взял курс на Одессу.

Министерство иностранных дел СССР объявило членам нашей группы благодарность с соответствующей записью в трудовую книжку «За образцовое выполнение служебных обязанностей в сложной обстановке, связанной с угоном преступниками советского самолета». Возможно, этот факт учли и при моем награждении 22 февраля 2012 года ведомственной медалью МИД Российской Федерации «За вклад в международное сотрудничество».

Так, в целом без тяжелых последствий завершился инцидент с пассажирским лайнером в праздничный день.

Но вот еще один интересный момент из этой истории. Я в то время был прописан в Москве на улице Габричевского в выделенной в 1979 году Моссоветом квартире. Этажом ниже располагалась квартира пилота Александра Петрова, а напротив — полковника милиции Николая Варенова. Позже выяснилось, что все мы были причастны к описываемым событиям. Варенов в тот день был оперативным дежурным в МВД СССР и отслеживал происшествие. Петров работал летчиком. Его самолет пролетал в том пограничном районе, и переговоры пилотов угнанного самолета Ан-24 из-за недостаточности мощности бортовой радиостанции он, как промежуточное звено, ретранслировал диспетчерам аэропорта. Тесен мир!

НЕОБЫЧНАЯ МИССИЯ ПО ВОПРОСАМ ХАДЖА

С начала 1990-х годов в России в автономных республиках, в областных центрах и даже в районном масштабе спонтанно возникали отдельные, никому не подчинявшиеся и ни с кем не координировавшие свою деятельность мусульманские организации, а то и секты — в том числе ваххабитского толка, чьи руководители самовольно присваивали себе звание и функции муфтиев. Все это самым негативным образом сказывалось как во внутреннем плане, так и в том, что касается международных связей российских мусульман, включая вопросы проведения хаджа — паломничества к святым местам ислама. Знаю об этом не понаслышке: в предшествовавшие годы меня, профессионального дипломата, пригласили на работу в Совет по делам религий при Совете министров и предложили возглавить Отдел по связям с мусульманскими странами.

И вот осенью 1996 года саудовские власти обратились через свое посольство в Москве к Правительству РФ с просьбой принять на государственном уровне меры по упорядочению хаджа. В обращении саудовцы отмечали отсутствие организованности в этом процессе, который после распада СССР и отстраненности властей от участия в решении связанных с хаджем вопросов принимал все более стихийный характер. Паломники из России прибывали на хадж с нарушением всех

установленных правил въезда в страну и соблюдения соответствующих процедур и предписаний.

Для урегулирования этих проблем, а также для согласования квоты на хадж саудовцы предложили направить в Королевство российскую официальную делегацию во главе с министром или авторитетным государственным деятелем. При этом саудовский посол Абдельазиз Ходжа в соответствующей беседе в МИД в деликатной форме, не навязывая своего мнения, назвал в качестве такого деятеля пользующегося авторитетом в арабском мире Р.Г. Абдулатипова, который к тому времени был депутатом Государственной Думы и возглавлял российско-арабскую межпарламентскую группу. Помимо этого он неоднократно выезжал в арабские страны в качестве спецпредставителя российского руководства и МИД. Кандидатура сразу же получила в Москве одобрение.

В конце февраля 1997 года делегация во главе с Р.Г. Абдулатиповым, в которую входили также муфтий Дагестана М.С. Абубакаров, представители ряда духовных управлений России и ответственный сотрудник Министерства по делам национальностей РФ, вылетела в Джидду. Я также был включен в состав делегации в качестве представителя МИД с учетом того, что, работая в тот момент в министерском Департаменте Ближнего Востока и Северной Африки, курировал отношения с Саудовской Аравией.

Первая официальная встреча была назначена с саудовским министром по делам хаджа. Мы прибыли на встречу чуть раньше назначенного времени, что позволило пообщаться, в частности, с уполномоченным по делам хаджа в Мекке, Медине, Эр-Рияде и в основных провинциях страны. Беседа приняла очень теплый и неформальный характер, саудовские мусульманские деятели в ходе обмена мнениями лично убедились в несостоятельности бытующих у них представлений относительно какого-то «комплекса неполноценности»

у российских мусульман в смысле отсутствия у них возможностей для свободы вероисповедования и соблюдения предписаний и обрядов ислама.

Через некоторое время в зал для гостей, где мы располагались в ожидании министра, стремительно ворвался человек лет около 40 с хорошей спортивной выправкой, бросивший на ходу традиционное приветствие «Мир вам!» («Ассаляму алейкум!») и сразу предложивший перейти в конференц-зал для переговоров. Когда все расселись, этот саудовец — а это был министр — сразу перешел к проблемным вопросам. В частности, он выразил уже известную нам озабоченность властей относительно поведения российских мусульман — например, самовольным их размещением вне специальных гостиниц, жилых домов или палаточных лагерей, провозом в страну неразрешенных по ее законам товаров... Говорил он на прекрасном литературном арабском, но очень быстро и с явным раздражением. Наш муфтий, который отвечал за перевод, растерялся под таким напором и переводить даже не начал. Тогда Р.Г. Абдулатипов спросил уже у меня: «О чем так возбужденно говорит министр?». Прежде чем ответить, я — с разрешения Р.Г. Абдулатипова, чтобы разрядить обстановку — произнес по-арабски несколько «вводных» фраз. Сказал министру, что в отличие от некоторых других членов делегации, впервые нахожусь на святой земле ислама. Будучи российским арабистом, за 30-летний опыт общения с арабскими коллегами и пребывания в арабских странах привык к обычаям традиционного мусульманского гостеприимства и высоко ценю уважение арабских мусульман к гостям, их искренние дружеские приветствия и обращения. В самой деликатной форме привлек внимание принимающей стороны к тому, что нам даже не задали традиционных вопросов о наших делах, здоровье и т.д. Хозяева несколько смущались, а, возможно, даже удивились решительности «этого

россиянина». Так, министр, обратившись к членам своей делегации и указав на меня, резко спросил: «А это кто такой?». Ответил уполномоченный по делам хаджа в Мекке (как самый старший из них): «Это, Маалиль Вазир (почтительная форма обращения к министру), российский буль-буль (соловей), беседой с которым и его литературным языком мы наслаждались до Вашего прихода» (понимаю, что с моей стороны звучит это весьма нескромно, но так действительно было, передаю сказанное уполномоченным дословно). Министр запнулся, но быстро взял себя в руки и даже рассмеялся, перейдя сразу к традиционным арабским приветствиям и обращениям. Обстановка разрядилась, все дружно заулыбались, и дальнейшая беседа пошла во взаимоуважительном духе, а под конец приняла просто дружеский характер, чему в огромной степени способствовала присущая главе нашей делегации Р. Г. Абдулатипову манера ведения переговоров — спокойная, взвешенная и хорошо аргументированная...

В итоге все разрешилось. Саудовский министр внимательно выслушал нас и, немного подумав, выразил готовность оказать российским паломникам содействие в решение возникающих проблем — в частности, обязался от имени саудовской стороны обеспечивать их размещение в гостиницах, жилых домах или палаточных лагерях, выделять транспорт для перемещения по святым местам и даже помогать в ремонте и обслуживании транспорта самих паломников... Было видно, что министр все-таки благорасположен к нам и заинтересован в развитии отношений с Россией, в том числе по, так сказать, «мусульманской линии». Не исключая, однако, что эти вопросы были заранее обговорены им со своим руководством... Как бы там ни было, продекларированная конкретная готовность оказывать российским мусульманам содействие по вышеперечисленным и некоторым другим направлениям была включена в подписанное потом

двустороннее соглашение, в котором было зафиксировано также обязательство саудовской стороны принимать ежегодно до 10 тысяч паломников из России (впоследствии эта квота была увеличена).

Рассказывая об этой миссии по вопросам хаджа, не могу не упомянуть и о том, что нам была предоставлена возможность совершить полный обряд «умры» (малого хаджа), для чего мы посетили «Благословенную Мекку», а затем «Лучезарную Медину». Наших эмоций и ощущений никакими словами не передать!

Оставив в святых местах муфтия и других членов делегации, Р.Г. Абдулатипов и я вылетели в Эр-Рияд. В аэропорту нас встречал — помимо сотрудников ряда саудовских министерств, российский посол И. А. Мелихов. Состоявшиеся затем визиты Р.Г. Абдулатипова (я выступал в качестве переводчика) к Председателю Шуры (Консультативного Совета — соответствует верхней палате Федерального Собрания РФ), министру по делам ислама и некоторым другим руководителям прошли в исключительно доброжелательной атмосфере, а посол И. А. Мелихов своим особым вниманием к нам закрепил самые благоприятные впечатления об этой необычной миссии.

У ПОСЛЕДНЕГО ПРИЧАЛА
(часть вторая)

В 29-м томе Воспоминаний ветеранов дипломатической службы России редакция уже публиковала под тем же заголовком мемуары известного отечественного арабиста О. Г. Пересыпкина. Речь тогда шла, в частности, об установлении дипотношений СССР с Сирией. Параллельно осуществлялись шаги по выстраиванию дипсвязей с другой важной арабской страной — Ливаном.

О. Г. Пересыпкин являлся послом в Бейруте с 1996-го по 2000-й год (это был его последний дипломатический пост — отсюда и название «У последнего причала»). Свои воспоминания о работе в Ливане автор предварил малоизвестной широкому кругу читателей историей об установлении дипломатических отношений в том регионе.

Официальное установление дипломатических связей с Сирией состоялось 26 июля 1944 года. Значительную роль в этом сыграл тогдашний советский посол в Каире Н. В. Новиков. Соответствующие контакты осуществлялись им и с ливанским правительством, которое заявило о намерении «идти по сирийским стопам» (дипотношения были установлены 3 августа).

В этой связи уместно напомнить, что в тот период, когда велись переговоры об установлении дипотношений с Сирией и Ливаном, шел четвертый год войны. Немцы оккупировали

Прибалтику, часть Белоруссии, Украину, Крым и Молдавию. Вооруженные силы противника насчитывали свыше 10 млн. человек. Они имели 54000 орудий, 5400 танков, более 3000 самолетов. Враг перешел к позиционной обороне и требовалось больше усилий для его разгрома.

Есть силы, которые иногда нас упрекают, что мы задержались с установлением связей с Сирией и Ливаном. Вряд ли стоит обвинять СССР в этой задержке и отсутствии инициативы с нашей стороны. В этот период на фронтах проводился ряд важных операций, связанных с освобождением захваченной немцами территории СССР, и, естественно, на первом месте стояли заслуги военные. Достаточно упомянуть, что именно в это время (23 июня — 29 августа 1944 г.) Советская армия проводила Белорусскую операцию (кодовое название «Багратион»), в которой участвовало 2,4 млн человек, свыше 36000 орудий, 5200 танков. Цель — освобождение Белоруссии и выход на границу Чехословакии и Польши. В этот же период проводилась и Львовско-Сандомирская операция (13 июля — 29 августа 1944 г.); цель — освобождение Западной Украины и юго-восточных районов Польши. С нашей стороны участвовало 1,1 млн человек, 16000 орудий, 2000 танков и 3200 самолетов. К этому можно добавить, что 6 июня 1944 г. США и Англия открыли второй фронт против Германии, начав операцию в Нормандии. 15 августа 1944 г. войска союзников высадились на юге Франции. Думаю, что у Министра иностранных дел Молотова в это напряженное время было много забот, но он посчитал нужным в течение двух-трех дней рассмотреть вопрос о признании Сирии и Ливана.

Советская делегация прибыла в Ливан сначала в горный курорт Айн-Софар, где ее встречал Селим Такла. Вместе с делегацией прибыл Надим Демашкия, который был приставлен в качестве сопровождающего лица. В тот же день делегация

отправилась в город Алей, где находился в то время президентский дворец, и расписались в книге почетных посетителей. Вечером Селим Такла в своем доме в курортном местечке Бхамдун устроил прием, на котором был весь состав кабинета во главе с премьер-министром Риядом Сольхом.

Но это было не только протокольное мероприятие. Вот как описывает это мероприятие Новиков.

«Деловую часть разговора начал Селим Такла.

— Ливанское правительство с понятным волнением наблюдало за вашими переговорами с сирийским правительством и вместе с ним горячо приветствовало их завершение. Ливанское правительство приняло решение идти по стопам Сирии. Фактически мы уже создали документ, который будет от моего имени отправлен господину Молотову.

— Мы настолько подражаем нашим сирийским друзьям, что даже проект нашего письма в адрес Молотова будет аналогичен посланию Мардам-бея, — добавил Рияд Сольх».

Ливанцы прямо сказали, что в ответе Молотова на послание Мардам-бея нет слов о том, что СССР отказывается от капитуляций и привилегий царской России. Новиков повторил, что мы уже публично и неоднократно заявляли о таком отказе и поэтому писать сочли не очень нужным.

Через несколько дней начальник канцелярии МИД Ливана Халим Харфуш вручил Новикову письмо в адрес Молотова. В нем был такой специальный абзац: «Ливанский народ, который долгие годы боролся за свою независимость и суверенитет, которых он только что полностью добился, твердо убежден, что советская внешняя политика основана на уважении свободы и равенства всех народов — принципов, несовместимых с попытками завоевания и господства, так же как с капитуляциями, привилегиями и другими преимуществами, которыми пользовалась царская Россия». Это показывает, что ливанцы были последовательными и хотели

получить письменный ответ на свои опасения по поводу капитуляций и привилегий.

Телеграмма ушла в тот же день, и уже через три дня пришел ответ Молотова, который, однако, повторял слово в слово ответ сирийскому правительству. Текст был переведен, его перепечатал Надим Демашкия, который и отвез этот текст Селиму Такла в Бхамдун.

4 августа делегация отправилась в Малый Сарай, то есть «Малый дворец» на Площади павших бойцов в Бейруте. Вот как пишет Новиков об этом визите: «Закрытая для транспорта и пешеходного движения площадь казалась очень обширной. Ливанские и советские флаги на стенах зданий и на фонарных столбах придавали праздничный вид. Тротуары кишели толпами зрителей, готовых хлынуть на площадь, если бы не сдерживающие их полицейские кордоны. Сотни зрителей облепили балконы окружающих площадь зданий или высовывались из распахнутых окон. Посреди площади выстроились шеренги почетного караула, сверкали на солнце медные трубы военно-духового оркестра.

Под аплодисменты и возгласы зрителей мы выходим из машины. Нас встречают высокие военные чины и люди в штатском, ведут к почетному караулу. Звучат гимны Ливанской Республики и Советского Союза. Затем по команде солдаты салютуют нам, взяв на караул, и мы под звуки церемониального марша шествуем вдоль шеренги к дворцу».

Это был первый официальный визит к премьер-министру. Было зачитано специальное заявление правительства Ливана, в котором говорилось: «Установление дипотношений — одно из крупнейших событий в жизни нашей страны со дня достижения ею независимости. Безоговорочное признание Советским Союзом укрепит нашу независимость и сделает ее непоколебимой... Признание Советским Союзом

Ливана рассеет сомнения, которые кто-то распространял, чтобы сбить с толку общественное мнение».

«Когда я читал у себя в номере текст этого заявления, — пишет Новиков, — последняя фраза показалась мне весьма многозначительной. В памяти у меня сразу же возникла сцена на пресс-конференции с настырными журналистами. Вспомнились мне и двусмысленные статейки, время от времени печатавшиеся в отдельных газетах. В них можно было прочесть о "беспокойстве", якобы вызываемым у ливанцев "запоздлым признанием стран Леванта Москвой". В них преуменьшалась ценность нашего признания и выпячивалась роль западных держав, как надежных гарантов ливанской независимости. Вероятно, авторов подобных инсинуаций имел в виду Рияд Сольх, говоря о "сеятелях сомнений"».

В заключение рассказа об истории установления дипломатических отношений уместно упомянуть, что советник нашего посольства в Каире Даниил Солод, с которым Наим Антаки отказался беседовать по существу, стал первым посланником Советского Союза в Ливане и был первым иностранным послом, вручившим свои верительные грамоты первому президенту независимого Ливана Бишара аль-Хури. Этот президент добился вывода 31 декабря 1946 г. с территории страны всех французских войск. Памятная надпись по этому поводу выбита на стелле в долине «Собачьей речки» к северу от Бейрута, рядом с другой надписью, в память о вступлении французских войск в Дамаск под командованием генерала Гуро 25 июня 1920 г.

В феврале 1996 г. я вручил верительные грамоты президенту Ливана Ильясу аль-Храви. Он был родом из города Захле в долине Бекаа, работал адвокатом и затем, после продолжительной гражданской войны и подписания между противоборствующими ливанскими группировками соглашения в саудовском городе Таифе, положившему конец

этому безумию, был избран президентом страны. По ходу протокольной беседы президент отметил, что он будет рад, если российский посол в числе первых посетит его родной город, в котором ему будет оказана достойная встреча. Митрополит Нифон, представитель Антиохийского патриархата в Москве, тоже из Захле, также советовал мне посетить этот город. Из своих студенческих штудий я знал, что Захле стоит на горной речке, сбегаящей со склонов горы Саннин, и раньше был знаменит своими тканями из натурального шелка, а сегодня — своим виноградом, хорошими винами и анисовой водкой, которая называется «Захляве» (из Захле). В моих планах, разумеется, фигурировало посещение города Захле, но только после знакомства с Бейрутом.

Мои воспоминания — не история дипломатической службы, и поэтому рассказывать о работе посла, его визитах и переговорах едва ли уместно, хотя без этого, видимо, не обойтись.

Посольство СССР и России находилось на территории школы, принадлежащей с 1899 г. Императорскому Православному Палестинскому Обществу. В 1918 году после развала Османской империи французские власти, получившие мандат на Ливию и Сирию, обратились с просьбой к населению страны и живущим здесь иностранцам предъявить документы о праве собственности на находящееся в их владении имущество. В России шла гражданская война, и никаких документов представлено не было. Поэтому 32 школы в Ливане и Сирии, принадлежавшие ИППО, перешли в ведение министерств просвещения Ливана и Сирии, а также в ответственность тех муниципальных образований, где они были построены. Когда в Бейруте появились военные представители, на территории нынешнего посольства в квартале Мар Ильяс в полуразвалившихся постройках школы ютились 12 семей русских эмигрантов. Ливанская сторона признала

право собственности на эту территорию площадью 1,1 га и участок земли в православном районе Ашрафия, который был куплен в 1913 году царским правительством для строительства здания Русского университета в Бейруте. В столице Ливана в то время уже работал Американский университет и Университет Св. Иосифа, управляемый французскими католиками. Первая мировая война помешала реализации амбициозных планов царской России. Впоследствии этот участок был продан, и рядом в 50 м от территории посольства был построен пятиэтажный дом, в котором поселились дипломатические и технические сотрудники. В этом доме, увитом вечно цветущей бугенвиллией, окруженном кипарисами и лавровыми деревьями, на четвертом этаже поселился и я.

Собственно Бейрут расположен на выступающем в море полуострове, называемом «Рас Бейрут». Сегодня здесь находится морской порт, маяк, фешенебельные жилые здания и гостиницы центра города и красивая набережная, засаженная высокими пальмами, напоминающая, как утверждают ливанцы, набережную французской Ниццы. За последние годы город значительно разросся, появились новые кварталы красивых многоэтажных домов.

Северной границей города считается Собачья речка, самое узкое место между горами и побережьем. Глубокая долина этой речки была самым коротким путем во внутренние районы Ливана и далее в Сирию, которым пользовались все завоеватели в далеком прошлом и настоящем. Надписи в долине Собачьей речки свидетельствуют, что район Бейрута был втянут в активные международные отношения Древнего мира. Египтяне и ассирийцы, вавилоняне и хетты воевали на его территории. Потом здесь появились греки и римляне, оставившие самое большое количество памятников, которые были обнаружены во время рытья котлованов под жилые и административные здания в центре города. Ливанцы

сохранили эти памятники либо в тех местах, где они были обнаружены, либо бережно перенесли и установили на новом месте. В качестве удачных решений можно назвать установку римских колонн прямо перед фасадом Национального музея в Бейруте.

На гербе Бейрута изображен финикийский корабль, на парусе которого написано «Berytus nutrix Legum» (Бейрут — мать юриспруденции). Такое название не случайно. Римляне выбрали Бейрут в качестве своей базы в силу его географического положения и удобного порта. Город стал интеллектуальным и коммерческим центром восточного Средиземноморья.

Именно в III веке н.э. в Бейруте была создана знаменитая юридическая школа, в которой учились, как утверждают ливийцы, четыре римских императора. Сюда приезжали студенты из Аравии, Греции, Армении, Капподокии. Они обучались шесть лет. Император Юстиниан пригласил профессоров Бейрутской школы участвовать в модернизации юридической системы Восточной Римской империи. Тем самым был выработан Кодекс Юстиниана, который положен в основу светского законодательства современных европейских стран. 9 июля 551 г. землетрясение большой разрушительной силы полностью разрушило римский Бейрут. Юридическая школа прекратила свое существование, но ее профессора, избежавшие гибели, открыли новую школу в 555 г. в Константинополе.

В раннее Средневековье Бейрут, периодически сотрясаемый подземными толчками, совсем пришел в упадок. Несколько оживился город во время правления эмира Фахр эд-дина II Маана (1598–1635 г.), который построил укрепленный дворец на берегу залива в Бейруте. Его столицей был город Сайда. В 1697 г. династия Маан пресеклась, и нотабли Ливана избрали нового эмира из семьи Шехабов. В конце

18 века в острую борьбу за власть оказался втянут и русский флот во главе с графом А. Орловым, пришедший из Балтийского моря.

В начале июня 1772 г. севернее Сайды русские моряки «рассеяли», как говорится в документах, отряд турецких войск и 18 июня подошли к Бейруту, по которому выпустили 800 ядер. Они выступили на стороне местного эмира Юсефа Шехаба и с октября 1773 г. по февраль 1774 г. стали хозяевами Бейрута. Французский консул в Триполи писал своему коллеге в Алеппо о том, что «в период пребывания русских знамя московитов реяло над Бейрутом, а портрет императрицы был укреплен над центральными воротами» города. Все прохожие должны были кланяться этому портрету.

В начале 19-го века Бейрут оставался небольшим городом на берегу моря, с крепостью, защищавшей прибывших к ее стенам жителей. Но удобное географическое положение и хороший порт сыграли свою роль, и в середине 19-го века здесь появились европейские коммерсанты. «Консульства почти всех стран здесь находятся, — писал французский консул в Бейруте. — Здесь есть торговые фирмы, магазины, полные разных товаров и даже казино — учреждение роскоши, иметь которое могут себе позволить только порты Леванта первого класса». Это казино существует в Бейруте и сегодня.

Этот короткий очерк о Бейруте мне хочется закончить строфой из стихотворения ливанской поэтессы Нади Туэйни: «Бейрут. Он тысячу раз умирал и тысячу раз возрождался». Лучше, по-моему, вряд ли можно сказать об этом удивительном городе.

Я отправляюсь в путешествие по Ливану.

Дорога на восток идет через районы Хазмия, Баабда, где находится новый президентский дворец и комплекс зданий министерства обороны, мимо памятника «Стела мира». Автор этого монумента — французский скульптор Арманд

Фернандель. Основой памятника — как бы его стержнем — является залитая в бетон военная техника, которая уже не несет смерть миру. Экс-президент Ливана генерал Эмиль Лахуд передал скульптору старую военную технику и цемент, а также выделил группу солдат с подъемным краном. Работа закипела, и в 1996 г. памятник, чрезвычайно сильный по своей символике, был завершен. Проезжая мимо «Стелы мира», я неизменно ощущаю чувство удивления и признательности автору, нашедшему новое применение технике, ранее несшей смерть и разрушение.

Новая дорога на Дамаск значительно сокращает время в пути в долину Бекаа и Дамаск. Здесь открывается потрясающий вид на глубокую долину Хамана и на высокие снежные горы. Горы Ливана сегодня практически застроены. Ливан — район повышенной сейсмичности, поэтому фундамент и сами здания строятся из монолитного бетона, и в случае землетрясения здание качается и трясется месте со скалой, куда оно намертво вделано.

На самой верхней точке — в 1600 м — на дороге в Бекаа расположен пост полиции. Вдоль полотна дороги где-то внизу можно различить редкие уцелевшие рельсы бездействующей железной дороги. В начале прошлого века по ней проезжал русский писатель Иван Бунин, который посетил Баальбек, куда мы и направляемся.

Спуск закончен, и мы въезжаем в маленький городок Штора. Направо ведет дорога в район Кефрайя, где делают хорошее вино, к искусственному озеру Караун и горе Хермон, откуда берет начало река Иордан. Гора Хермон — по-арабски Джебель Шейх, всегда покрытая снегом, находится на стыке Сирии, Израиля и Ливана и принадлежит этим трем государствам.

Если двигаться прямо к сирийской границе, слева расположен иезуитский монастырь Таанайель, существующий

с 1860 г. Здесь можно купить молочные продукты местного производства, маринованные оливки и нежные виноградные листья для «долмы» — небольших голубцов. Не доезжая немного до пограничного пункта Маснаа, от шоссе отходит дорога, ведущая в город Анджар. Здесь несколько небольших источников, в запрудах которых местные жители разводят форель. Большая часть жителей города — армяне.

В центре города Штора налево отходит дорога, которая ведет в город Захле, винодельческий район Ксара и в Баальбек, цель нашего путешествия.

Город Захле с невысокими домами с красными черепичными крышами напоминает небольшой городок где-то в Швейцарских Альпах. Впечатление усиливается, если взглянуть на заснеженную гору Саннин, откуда сбегает полноводная речка Бердауни, разбивающая город на две части. В самом городе дома стоят очень тесно, а крутые дороги создают впечатление крепости. Население города — многоконфессиональное. Сам президент Ильяс аль-Храуи — маронит, митрополит Нифон Сейкали — православный, мой друг адвокат Никола Фаттуш — католик. Минареты мечетей говорят, что здесь живут и мусульмане. Все живут мирно, ходят друг к другу в гости и сообща отмечают христианские и мусульманские праздники.

Если вам доведется побывать в Баальбеке, обратите внимание на свежий ароматный воздух, настоящий на горных травах долины Бекаа. Свежесть ему придают и ветры с высоких заснеженных гор, за которыми спрятана самая большая роща ливанских кедров.

При въезде в Баальбек нельзя не обратить внимание на желтые флаги с каллиграфической надписью «Аллах», где одна буква «л» сделана в виде руки, сжимающей автомат Калашникова. Это эмблема шиитской организации «Хезболла», т. е. партия Аллаха, которая здесь имеет более прочные

позиции. Эта организация имеет своих депутатов в парламенте Ливана, несколько министров, целую систему социального обеспечения и образования, особенно на юге страны, где она нередко вступает в столкновение с израильскими солдатами. На юге находится ферма Шебаа, которая не была освобождена в 2000 г. израильцами во время ухода с юга Ливана. Поэтому «Хезболла» сохраняет свои военные формирования. Я всегда задавал себе вопрос — что связывает Баальбек с шиитской организацией «Хезболла», и только недавно узнал, что в окрестностях города находится могила умершей здесь Хальвы, дочери имама Хусейна, убитого в Кербеле и почитаемого шиитами всего мира в качестве своего главного святого.

Возникновение организации Хезболла в Ливане является результатом агрессивной политики Израиля в отношении своих арабских соседей.

В 1982 г. армия Израиля начала вторжение на территорию Ливана. Израильские солдаты дошли до столицы страны Бейрута и разгромили два лагеря палестинских беженцев. Под давлением мировой общественности и арабских стран Израиль отвел свои войска из Ливана, но оставил на юге страны так называемую «зону безопасности», где разместились сотрудничавшие с Израилем отряды ливанских христиан. В Ливане существовала шиитская партия «Амаль», часть которой вышла из состава отрядов и создала свою структуру «Хезболла». За время существования она стала частью политической структуры Ливана.

Время от времени между Хезболла и Израилем случаются вооруженные столкновения. Хезболла обстреливает северные районы Израиля, который в ответ ведет широкомасштабные атаки против Ливана.

В августе 2006 г. Хезболла обстреляла город Шломи на севере Израиля. 11 израильтян были ранены, три убиты и двое

попали в плен. В ответ Израиль начал масштабную войну. В ходе бомбардировок израильской авиацией было разрушено 8 мостов и убито почти 2 тыс. человек.

Совет безопасности ООН обсудил ситуацию на юге Ливана. В принятом документе есть очень важный абзац: «Не вызывает сомнения необходимость обеспечения безопасности Израиля, как и других государств региона, недопущение обстрелов и других террористических акций, жертвами которых становится гражданское население. В тоже время возникает вопрос: соразмерен ли ответ на похищение двух израильских солдат...».

Россия со своей стороны оказала Ливану помощь в восстановлении разрушенных мостов на безвозмездной основе.

Израиль ведет активную агрессивную политику против Палестины и соседних арабских стран. Израиль активно укрепляется на территории западного берега реки Иордан, который по резолюции ООН «...входит в состав арабского палестинского государства...», применяет меры дискриминации в отношении палестинцев, проживающих в Израиле, принуждая их к выезду из страны. Израиль оккупировал сирийские Голанские высоты, и его политика в отношении арабских соседей создает опасную ситуацию на всем Ближнем Востоке.

Дорога на кедры из Баальбека закрывается на зиму, поскольку горные перевалы завалены снегом. Но я еду к кедрам в конце апреля. На самой вершине горы сооружена площадка, откуда дельтапланеристы и парашютисты бросаются вниз и, подхваченные потоками воздуха, кружат над кедровой рощей и небольшими гостиницами. Район кедров находится на высоте 1600 метров и является одним из 6-ти горнолыжных станций Ливана, посещаемых зимой и летом.

Ливанский кедр несколько раз упоминается в Библии. Из него делали саркофаги египетских фараонов, перекрытия

и двери в христианских церквях. Его древесина темно-красного цвета с крупными волокнами, пропитанная пахучей смолой, считается вечным деревом, поскольку не боится сырости и почти не гниет. Ливанский кедр растет только в Ливане и в других странах не обнаружен. Поэтому вполне справедливо он стал национальным гербом и украшает ливанский государственный флаг.

Место, где находится кедровая роща, называется Бшара. От этого городка начинается идущая в сторону от Средиземного моря долина Кадиша, в склонах которой расположены церкви и христианские монастыри. «Кадиша» по-арамейски «святая». В Москве есть Кадашевская набережная в бывшей Татарской слободе. Видимо, это слово через арабский и турецкий языки попало в татарский. Так на карте Москвы и появилась Кадашевская набережная.

Город Бшара является центром одноименного округа и граничит с округами Згорта и Кура, в последнем столица — Амьюн, город является побратимом одного из русских городов и население там преимущественно — православные. В 2012 году мэр города Амьюн обратился в посольство России в Бейруте с просьбой подыскать ему город в России, который стал бы его городом-побратимом. Я подключился к решению этого вопроса и обратился к председателю правительства Калужской области с просьбой найти такой город для Амьюна. С такой же просьбой я обратился к Высокопреосвященству Клименту — митрополиту Калужскому и Боровскому. В результате в качестве побратима был рекомендован город Мещовск.

Я отправился в Мещовск с тем, чтобы лично познакомиться с побратимом Амьюна. Город существовал еще в XIII веке как центр одного из уделов Тарусского княжества. Мещовский кремль располагался на холме в центре города (Рождественская гора, Царицын курган). С 1776 года

Мещовск — уездный город Мещовского уезда Калужской губернии. С 1929 года город является районным центром Мещовского района Сухиничского округа Западной области (с 1944 года — Калужской области). Сам город лежит на равнинной местности в 15 км от железнодорожной станции Кудринская. Крошечный городок, по численности населения находящийся на 1089 месте из 1114 российских городов, меньше 4 тысяч человек всего-то. Больше всего знаменит как место, откуда пошла женская линия рода Романовых: отсюда и вторая жена первого монарха из династии Михаила Фёдоровича, мать всех его детей Евдокия Лукьяновна Стрешнева, и первая жена Петра I Евдокия Фёдоровна Лопухина. Почему же тогда городской музей — музей «Трёх цариц»? Может, Мещовску оказалось мало славы двух? Как бы то ни было, но третья музейная царица — вторая жена царя Алексея Михайловича Тишайшего Наталья Нарышкина — родом все-таки не из Мещовска, хотя и из Тарусского уезда Калужской губернии.

В Великую Отечественную на фронт ушло все мужское население Мещовска, а сам город был под немецкой оккупацией с начала октября 1941-го до января 1942-го. Здесь ничего и никого не забыли... На личные средства жителей Мещовска и района были построены тяжелые бомбардировщики, из которых составили боевую эскадрилью «Мещовский колхозник», в городе есть памятник-макет ТУ-2 — в честь тех событий.

Крошечный Мещовск, существовавший еще в XIII веке, на задворках, в каждую войну разоряемый... То в Литовском княжестве, то в Московском, то сопротивляется крымцам и ногайцам, то Лжедмитрию II, то полякам, то фашистам в Великую Отечественную войну. А вот стоит себе, чистенький-чистенький, аккуратный, потихоньку восстанавливаемый, явно имеющий хозяина.

В центре города стоит удивительно созвучный житию памятник местночтимому святому. Блаженный Андрей Христа ради юродивый, Мещовский чудотворец, родился в 1744-м, умер в 1812-м в Мещовске. Торжественно захоронен в средней восточной башне Свято-Георгиевского монастыря на месте, которое выбрал сам. Родился Андрей в крестьянской семье. С детства отличался любовью к уединению, не играл с детьми, был тих, кроток и молчалив. После смерти матери принял подвиг юродства. Странствовал по соседним деревням почти нагим, с топориком и плетью. От людей, считавших его безумным, терпел обиды, унижения и побои. В возрасте 35 лет Блаженный Андрей перебрался в Мещовск, где его приютила вдова Е. Сухова, в доме которой он и прожил до самой смерти. Все, что ему подавали, Андрей Мещовский раздавал бедным, особо сочувствовал сидевшим в остроге солдатам. Был усердным молитвенником, любил посещать Мещовский Свято-Георгиевский монастырь. Блаженный Андрей обладал даром исцеления и прозорливости, незадолго до своей кончины предсказал нашествие французов. Память Блаженного чтится жителями Мещовска, на его могиле служили панихиды, с нее брали песок для избавления от различных болезней, в особенности для исцеления детей.

Но вернемся к событиям в Ливане.

В многоконфессиональном Ливане православная община, окормляемая иерархами Антиохийской церкви, занимает важное место в политической и общественной жизни страны. В монастыре Баламанда, принадлежащем общине, находится богатое собрание рукописей, древних икон и русских книг и журналов, которые направлялись в его адрес Московской Патриархией и Императорским Православным Палестинским Обществом. Здесь, копаясь в старых фолиантах, я обнаружил книгу псалмов, изданную в 1708 г. в сирийском Халебе на деньги украинского гетмана Мазепы. Кроме

Баламада есть в Ливане и другие известные православные монастыри, большая часть которых была основана в первые годы христианства. Среди православных в Ливане много видных деятелей науки и культуры, бизнесменов и банкиров. Мне не хотелось бы всех их перечислять в опасении забыть какую-либо известную личность и тем самым ненароком нанести моральный ущерб.

Таким образом, роль Ливана, с учетом его богатейшей цивилизации, сегодня нельзя сводить только к коммерции и банковскому делу. Ливан не только торговые ворота на Ближний Восток. Эта небольшая страна Восточного Средиземноморья и ее жители сыграли важную роль в развитии мировой цивилизации, подтверждая существующую во всех языках мира сентенцию о малом золотнике, имеющем большую цену. Эта тривиальная мысль приходила мне в голову всегда, когда я садился за письменный стол в кабинете посла России в здании бывшей школы Императорского Православного Палестинского Общества в Бейруте и сочинял очередную депешу в Москву.

ШЕСТЬ ЛЕТ В ЦЕНТРЕ МИРА

«Центром мира» называли в древности Эквадор проживавшие там индейцы. Они довольно точно определяли линию экватора, как место, где палка, воткнутая в землю в полдень, не отбрасывает тень. Город Кито — единственная столица в мире, которая расположена на экваторе. Эквадорцы любят говорить о себе как о маленькой стране, но ее территория превышает площадь Великобритании, хотя народа живет в несколько раз меньше.

На рубеже веков страна была ввергнута в экономический хаос в результате тотальной коррупции и воровства. В 2000 году правительство объявило американский доллар официальной валютой страны. После серии государственных переворотов победу на выборах президента в 2006 году одержал кандидат от прогрессивных сил Рафаэль Корреа.

При вручении верительных грамот (я являлся Послом России в Эквадоре с 2008-го по 2015 г.) передал Р. Корреа перечень наиболее перспективных направлений российско-эквадорского сотрудничества, к которому он отнесся с большим вниманием.

Визиты президента — ключ к политическому сотрудничеству

В ноябре 2008 года Посольство приняло активное участие в подготовке и организации визита Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в Эквадор, в ходе которого был подписан ряд важных двусторонних документов, в частности, Межправительственное соглашение о военно-техническом сотрудничестве.

В июле 2009 года с ответным визитом в России побывал министр иностранных дел Эквадора Ф. Фальконе, который провел переговоры по вопросам реализации проектов двустороннего сотрудничества. Посольство выступило с инициативой расширения вопросов, по которым проводились межмидовские консультации. Впоследствии удалось организовать плодотворный обмен мнениями по проблемам сотрудничества в сфере международных организаций и борьбы с международным терроризмом, организованной преступностью и наркотрафиком.

После этого посольство начало прорабатывать возможность посещения России эквадорским президентом. Успешной работе в этой области способствовало благожелательное отношение к России главы государства и его ближайшего окружения. Вместе с тем приходилось прилагать немало усилий дабы убедить руководство российских учреждений и ведомств в том, что реализация конкретных проектов с Эквадором будет отвечать национальным интересам нашей великой Родины. В 2009 году состоялся первый в истории российско-эквадорских отношений визит президента в нашу страну. Он открыл новые перспективы углубления взаимополезных связей во всех сферах.

По итогам переговоров президентами была подписана Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Эквадор. Доказать

Центру целесообразность подписания Договора о стратегическом партнерстве нам не удалось, хотя эквадорская сторона была готова пойти на это.

В числе подписанных документов были Соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях, Соглашение о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах, Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в сфере энергетики, Меморандум о намерениях о совместных действиях по развитию технологии связи 4 поколения и Соглашение о городах-побратимах между Владивостоком и Мантой.

В том же году состоялась первое после 20-летнего перерыва заседание российско-эквадорской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. В рамках комиссии было создано пять рабочих групп — по торгово-экономическому и техническому сотрудничеству, НТС и образованию, сотрудничеству в области энергетики и сельского хозяйства.

По прошествии четырех лет Посольство вновь поставило перед Центром вопрос об организации очередного визита главы эквадорского государства в Россию. Это предложение не сразу нашло понимание, однако после приложения дополнительных усилий удалось получить согласие на приглашение Р. Корреа, который с удовольствием принял его.

В ходе второго посещения нашей страны были подписаны Кредитное соглашение по финансированию проекта ТЭС «Термогас Мачала», Соглашение о намерениях по реализации гидроэнергетических проектов «Чонталь» и «Карденильо», Соглашение о намерениях по реализации многоцелевых проектов «Тауум» и «Коаке», Протокол о намерениях в области реализации железнодорожных проектов на территории южноамериканской республики и соглашение между научными городами Сколково и Ячай.

Экономические связи — основа партнерства

Торговля России с Эквадором ведется по нехитрой схеме: мы закупаем бананы и цветы, а продаем химикаты и удобрения. Поставки из Эквадора обеспечивают 90% потребляемых в России бананов, их стоимость достигает 1 млрд долл. Отечественный рынок еще в советские времена освоили эквадорские предприниматели Л. Нобоа и В. Вонг (последний принадлежит к китайскому землячеству).

Однако перед командировкой в Эквадор мне было рекомендовано познакомиться с В. А. Кехманом, владельцем фирмы «Джойнт Фрут Компани» и сообщили его номер мобильного. Владимир Абрамович был столь любезен, что прилетел из Санкт-Петербурга, где находилась штаб-квартира его компании, и провел со мной в «Кофемании» беседу общего характера, подтвердив содержащиеся о нем в интернете сведения об умении понравиться и выстраивать отношения с разными людьми, заводя с ними дружбу.

После подписания соглашения о таможенном сотрудничестве, о чем речь шла выше, состоялся визит представителя руководства ФТС, в ходе которого эквадорские коллеги продемонстрировали нам данные об основных операторах двусторонней торговли. Каково же было мое удивление, когда среди них не оказалось ни Нобоа, ни Вонга. В ответ на мой недоуменный вопрос руководитель местной таможенной службы пояснил, что все закупки осуществляют теперь три российских фирмы, среди которых выделяется «JFC».

Некоторое время спустя руководитель местного представительства фирмы Кехмана был арестован по обвинению в нарушении одного из указов президента Эквадора. Заведующий консульским отделом посольства России, не имея на то указаний Посла, начал активную работу и добился освобождения арестованного под залог. После этого

в адрес Посла пришло письмо из Санкт Петербурга от представителя Президента России по Северо-Западному федеральному округу, в котором выражалась благодарность зав. консотделом за умелые действия по защите интересов российских граждан.

С В. А. Кехманом встречаться больше не довелось (в 2012 г. он объявил о своем банкротстве), но о его успехах на ниве культуры широко известно всем. Вначале он пожертвовал 500 млн рублей на реставрацию здания Михайловского театра и стал его генеральным директором (2007–2015 гг.). Затем, после скандала в Новосибирском театре оперы и балета (2015 г.), был назначен его директором и, наконец, в 2021 году — директором МХАТ им. Горького.

Тем, кто интересуется закупками в Эквадоре, посоветую обратить внимание на цветы. Объем их импорта из этой южноамериканской страны превышает 200 млн долл., и в этой сфере можно найти незанятые ниши. Много наших соотечественников представляют интересы самых различных фирм, занимающихся ввозом длинночеренковых роз, орхидей, гвоздик и других цветов.

Интерес к расширению двусторонней торговли проявлял и руководитель Делового совета предпринимателей «Россия — Эквадор» А. А. Абрамян. В ходе делового ужина в Москве с участием заместителя министра иностранных дел Эквадора он обещал организовать поставки из России пшеницы и ряда других импортируемых эквадорцами товаров. Однако эти проекты реализованы не были.

Безрезультатно закончился и визит в Кито руководителей компании «Гражданские самолеты Сухого», проводивших переговоры о поставках в Эквадор самолета «SSJ100». Эквадорцы предпочли в качестве среднемагистрального пассажирского самолета бразильский «Эмбраэр».

То же произошло и с попытками продать российский самолет Бе-200, не имеющий аналогов в мире. Хотя Эквадор и нуждается в современной технике для тушения пожаров (особенно в горной местности), но цена на амфибию, как нам заявили, казалась за пределами высокой.

Посольство продолжало предпринимать усилия по диверсификации двусторонней торговли, но больших успехов это не принесло. Результативным оказался лишь визит делегации руководства «Кофейни на паях», которое с удивлением для себя открыло тот факт, что Эквадор является одним из крупнейших в мире производителей какао, в результате чего был подписан контракт, действующий и по настоящее время.

Намного более успешно шли переговоры по вопросам экономического сотрудничества. Президент Рафаэль Корреа принял решение отдать контракт на строительство ГЭС «Тоачи-Пилатон» и поставку оборудования для нее из России. Однако руководство ОАО «ИнтерРАО» выступило против участия в строительстве, мотивировав свою позицию тем, что у него нет опыта взаимодействия с эквадорцами в этой непростой сфере, где переплетаются чисто деловые и социальные интересы. В результате этого строительные работы были отданы китайцам, а россиянам достались поставка и установка турбин, генераторов и пр. После длившихся несколько лет переговоров, в которых мы участвовали вместе с консультантом ОАО «ИнтерРАО» многоопытным Р. Кордобой, контракт на 145 млн долл. США в 2010 г. был подписан.

Одновременно мы с Р. Кордобой начали подготовку контракта на увеличение мощности газовой электростанции «Термогас Мачала». Средства на его реализацию должны были быть предоставлены Росэксимбанком, Газпромбанком и Внешэкономбанком. Поскольку речь шла о кредите в размере 230 млн долл., то переговоры продвигались медленно.

Но все же в 2013 году, во время второго визита президента Р. Корреа в Россию, соответствующий контракт был подписан.

Отдельно не могу не рассказать о работе по продвижению отечественных технологий. В самом начале моей деятельности Кито посетил представитель ОАО «АНЧАР», который рассказал о методах акустической и низкочастотной разведки на нефть и газ. Это уникальное изобретение наших инженеров дает 80% вероятности указания местоположения бурения скважин. Это предложение было весьма актуальным для эквадорцев, которые вместе с венесуэльскими партнерами в течение года бурили скважину там, где по всем данным находилось крупное месторождение нефти, однако не угадали район залегания углеводородов.

Переговоры с министром добывающей промышленности, его заместителем, начальником управления не принесли результатов, после чего мы переключились на руководство государственной компании «Петроэквадор». Регулярные встречи с его представителями, обеды и ужины, устраиваемые в их честь, также не давали эффекта до тех пор, пока мы не вышли на выпускника РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, который вызвался помочь нам.

После этого руководство госкорпорации начало тестировать российскую технологию, показывая на карте места, где им было известно, что там есть нефть или она отсутствует, поскольку там они сами бурили ранее. Российские специалисты привозили на эти места оборудование, передавали полученные данные в Москву, где их изучали и сообщали о результатах в Кито. Это продолжалось один год, и наконец, контракт на проведение работ стоимостью в 800 тыс. долл. США был подписан. Честно скажу, рад был этому не меньше, чем контракту на 230 млн долл. Ведь речь шла о прорыве в новую сферу деятельности в Латинской Америке!

ВТС — моя любовь

Люблю военно-техническое сотрудничество, и в «Рособоронэкспорте» об этом знают. В Аргентине мне удалось добиться подписания первого в истории наших двусторонних отношений контракта на поставку отечественной военной техники для нужд Вооруженных сил страны. В Уругвае мы провернули хитрую операцию по погашению советского долга (как это ни странно, великий СССР был в долгу перед маленьким Уругваем, а валюты у новой демократической России на оплату советских долгов не было) поставками транспортных средств для сухопутных войск этого южноамериканского государства.

Прибыв в Кито, приступил к изучению потребностей эквадорских военных. Министром обороны президент Корреа назначил в 2008 году поэта Х. Понсе, который прославился критикой местной реакционной военщины, и отношения у нас сложились добрые и дружественные. Однако консультант «Рособоронэкспорта» Сильвана Витери потеряла доверие работодателя.

Она вела долгие и мучительные переговоры по поставке партии вертолетов МИ-17 и, разочаровавшись в «Рособоронэкспорте», помогла эквадорским военным выйти напрямую на производителя. Это был Казанский вертолетный завод, с которым и заключили сделку по цене, устраивавшей обе стороны. Естественно, что российские экспортеры прервали с ней все связи, а когда эквадорцам понадобились запчасти, переадресовали их в Казань. Мне об этом ничего не было известно до тех пор, пока мой старый товарищ А. В. Денисов, с которым мы успешно сотрудничали и в Аргентине, и в Уругвае, не ввел меня в курс дела.

Тем временем, мы продолжали переговоры с министром обороны и командованием Сухопутных войск Эквадора

о потребностях в современном вооружении и военной технике. Попутно удалось наладить добрые отношения с командиром почетного полка Президента. В ходе доверительных бесед он рассказал, что полк выполняет функции обеспечения внешнего периметра безопасности Главы государства и пригласил на учения бойцов спецназа. По завершению учений командир подарил нож спецназовца, отправленный нами в адрес Центра истории российской дипломатической службы.

Некоторое время спустя «Рособоронэкспорт» определился с кандидатурой своего консультанта, а эквадорские военные — с номенклатурой российской техники. Они вновь выбрали транспортный вертолет МИ-17, который прекрасно зарекомендовал себя везде, где он применялся. В 2010 г. мне неожиданно удалось получить подтверждение этому, когда потребовалось обеспечить прибытие из Кито Генерального директора ОАО «ИнтерРАО» Б. Ю. Ковальчука на строительную площадку ГЭС «Тоачи-Пилатон» и его возвращение в тот же день в столицу Эквадора для отлета в Москву. Для этого министр обороны любезно предоставил МИ-17, командир которого в ответ на вопрос посла сказал, что летает на нем 10 лет, и никаких поломок не было.

Контракт на поставку двух вертолетов был подписан в Кито в ходе визита заместителя Генерального директора «Рособоронэкспорта» С. Ф. Ладыгина.

За время службы в Кито довелось поучаствовать и в работе по разъяснению среди эквадорских военных уроков и итогов Великой Отечественной войны. У меня сложились добрые отношения с начальником Военной академии Эквадора, поэтому на открытие Фестиваля российского кино он привел курсантов-первокурсников, среди которых было немало девушек. Можете себе представить их реакцию после просмотра кинофильма «А зори здесь тихие». «Мы же ничего об этом не знаем!» — сказал генерал и попросил посла

выступить перед слушателями академии. В назначенный день в актовом зале, вмещающем полторы тысячи человек, собрались все курсанты и преподаватели учебного заведения и в течение часа участвовали в беседе о подвигах советского народа и нашей армии в годы Великой Отечественной войны.

Как мы задействовали «мягкую силу»

В Эквадоре не было ни центра российской науки и культуры, ни «Русского дома», ни представительства «Россотрудничества». Поэтому и кинофестивали, и выставки, и выступления с лекциями перед местной общественностью приходилось организовывать сотрудникам посольства, численность которых в лучшие времена не превышала пяти человек.

«Из всех искусств важнейшим для нас является кино» — сказал основатель советского государства. Этот принцип всегда лежал в основе нашей гуманитарной политики в Латинской Америке, тем более, что обстоятельства для его воплощения в жизнь весьма благоприятны. В большинстве стран Латинской Америки созданы по французскому образцу Национальные Сinemатеки, которые охотно предоставляют свои кинозалы для некоммерческого проката зарубежных фильмов. В Эквадоре ее филиалы действуют по всей стране.

В первые же дни работы в Кито поинтересовался у подчиненных, где находится фильмотека Посольства, и с удивлением узнал, что ее нет. Для меня это было тем более удивительно, что в далеком 1970 г. в мои обязанности входило обеспечение работы фильмотеки Посольства СССР в Уругвае, которая насчитывала 100 документальных и 50 художественных лент на 35-мм. пленке, дублированных на испанский язык.

После тщательного осмотра всех рабочих кабинетов были найдены пять дисков с записями отечественных фильмов,

затем мы обратились к директору Национальной Синема-теки с предложением организовать Фестиваль российского кино. Ознакомившись со списком фильмов, директор, милая женщина, предложила открыть фестиваль показом ленты «Жестокий романс», справедливо заметив, что Никиту Михалкова любители кино знают лучше других российских режиссеров. Однако мы настояли на показе «А зори здесь тихие», который имел эффект, описанный выше.

Впоследствии я стал приобретать в отпуске в Москве дублированные на испанский язык фильмы для показа эквадорским зрителям.

Год спустя предприняли попытку привлечь Министерство культуры России к организации фестиваля Нового российского кино, который не проводился ни разу. Однако она осталась безрезультатной. Министерство просто не отвечало на наши неоднократные обращения по всем каналам. Пришлось позвонить лично министру А. А. Авдееву, с которым поддерживаю дружеские связи с 1967 г. По его личному указанию был проведен тендер на организацию фестиваля, который выиграла некая фирма, организовавшая перевод на испанский язык пяти российских кинолент и приезд в Эквадор делегации российских деятелей кино. Посольство обеспечило демонстрацию фильмов не только в столице, но и в трех провинциях Эквадора. Повсюду фестиваль пользовался большим успехом.

Запоминающейся стала и работа по установке памятника Солженицыну. Посол Эквадора в России познакомился со скульптором Григорием Потоцким, основателем и бессменным руководителем «Международной академии доброты». После торжественной церемонии открытия монумента скульптор выступил с инициативой установки в Эквадоре памятника одному из российских писателей. На мой выбор. Нимало не колеблясь, тут же назвал имя автора «Одного дня Ивана

Денисовича». Обрадованный Потоцкий заявил, что у него есть готовый бюст, и начались поиски места его установки.

Прогрессивное руководство Центрального университета Эквадора, с которым у Посольства вроде были налажены добрые отношения, после долгого размышления отклонило идею установки памятника на его территории под тем предлогом, что там размещались монументы лишь эквадорским деятелям науки и культуры. Мэрия Кито на наши запросы просто не отвечала и, в конечном счете, положение спас директор Эквадорской государственной библиотеки. Отныне бюст Солженицына украшает фойе главного читального зала, который посещают тысячи студентов и представителей эквадорской интеллигенции.

Кроме того, были организованы выставки трех российских художников, работающих в жанре карикатуры и шаржа. В начале 80-х годов меня познакомили с вице-президентом Союза художников-графиков Игорем Смирновым, который по окончании Московского государственного академического художественного училища посвятил свое творчество карикатуре. Лаконизм и выразительность его работ делают их понятными любому человеку, где бы он ни жил...

Игорь Алексеевич познакомил меня с Владимиром Солдатовым, чьи серии на тему «Король и шут» и «Похождения Дон Кихота» также были весьма популярны в годы «перестройки». Позже к нашей компании присоединился и Владимир Мочалов, занимавший должность главного художника журнала «Крокодил». Автор портретной карикатуры, чьи шаржи получали призы на многочисленных международных выставках и конкурсах.

Работы Смирнова, Солдатова и Мочалова доставлялись мной в Эквадор, как правило, в личном багаже по возвращению из очередного отпуска. Места они занимали немного, но выставочный успех неизменно был

ошеломительным. Ведь карикатура перевода не требует! Особенно эффектными были выступления Мочалова, который после вернисажа рисовал шаржи на всех желающих и вручал им эти работы. Выставки демонстрировались не только в столице, но и в ряде других крупных городов Эквадора.

Важным участком работы по реализации гуманитарной политики России было налаживание взаимодействия между отечественными ВУЗами и эквадорскими университетами. Наиболее впечатляющим здесь стало сотрудничество Юго-Западного государственного университета (ЮЗГУ, г. Курск) и Эквадорского технологического университета (г. Кито), которое увенчалось запуском спутника, изготовленного эквадорскими студентами при помощи российских специалистов. Нельзя не отметить при этом поистине выдающуюся роль директора Центра научно-технического сотрудничества с ибероамериканскими странами ЮЗГУ Николая Фролова, неутомимого энтузиаста в деле пропаганды достижений нашей великой Родины в освоении космоса.

Большое внимание уделялось нами и работе с соотечественниками. В Эквадоре их немного, но они способствуют поддержанию двусторонних торговых связей (в первую очередь в том, что касается поставок цветов из Эквадора в Россию), активно участвуют в пропагандистских мероприятиях, организуемых российским посольством. По образцу, опробованному нами в Аргентине и Уругвае, начали проводить исключительно для соотечественников приемы по случаю Рождества Христова, Дня Победы и Дня народного единства. Повар посольства Владимир Лукин готовил по этому случаю русские блюда и закуски. Кроме того, он проводил для них мастер-классы по русской национальной кухне. Соотечественники получили доступ и к расположенной в жилом комплексе библиотеке художественной литературы.

В 2007 году Указом Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II в г. Кито был образован приход Святой Троицы. Однако до 2010 г. богослужения совершались на квартире настоятеля прихода отца Алексея и в частной музыкальной школе. В ответ на наше обращение руководство ФГУП «Госзагрансобственность» согласилось предоставить приходу в аренду третий этаж здания, в котором ранее размещалось торговое представительство Советского Союза. Принимая во внимание, что приход насчитывал не более 30 человек, предложил собственникам здания символическую арендную плату в размере 1 американского доллара в год. В Москве посчитали это предложение за издевку и просто не ответили на него, после чего своей волей разрешил православным верующим занять офисные помещения, которыми они и пользуются до сих пор, несмотря на возобновление работы аппарата торгового советника Посольства.

Конечно, информационно-разъяснительная работа велась нами с привлечением местных средств массовой информации. Постепенно выработался следующий график их задействования: радиостанций в Эквадоре — 50, значит, интервью даем раз в неделю; телеканалов — 10, значит, выходим в эфир раз в месяц; центральных газет — 4, публикуемся 1 раз в квартал. При таком графике руководители эквадорских СМИ, даже настроенных не вполне лояльно к России, шли нам навстречу.

При каждом удобном случае выступал с лекциями перед эквадорской общественностью о положении в России, внешней политике нашей Родины и основных направлениях развития двусторонних отношений. С особым энтузиазмом посещали такого рода выступления жители провинции.

За время работы в Эквадоре мы посетили 14 провинций из 24, пользуясь при этом самолетами, поскольку поездки по горным дорогам в автомобиле крайне утомительны, да

и не безопасны. На всю жизнь запомнилось поездка из главного города провинции Лоха к «каменному лесу» (местной достопримечательности), а особенно возвращение, которое пришлось на поздний вечер. Представьте себе, справа — обрыв в ущелье, дно которого находится в 200-х метрах от дороги, а навстречу вам из тумана возникают фары грузовика, мчащегося на приличной скорости, а за ним — вдруг появляется морда коровы. Хорошо еще, что губернатор предоставил в наше распоряжение внедорожник с водителем.

Как правило, командировки в провинцию были запланированы, исходя из следующего графика: в среду вечером — прилет из Кито, четверг — визиты к губернатору, мэру главного города, встречи с деловыми кругами, ужин для соотечественников. В пятницу — визит к ректору университета, епископу католической церкви, пресс-конференция, в субботу — посещение местных достопримечательностей, в воскресенье — возвращение в столицу. Все это позволяло сочетать полезное с приятным и помимо всего прочего знакомиться с богатой природой, которая никого не оставляла равнодушным.

«Прости меня, Ольга!»

В заключение приведу маленькую новеллу о необычном направлении работы, которым пришлось заниматься в течение длительного времени. Дело в том, что по совету «мудрецов», Р. Корреа, став президентом, отменил въездные визы, чтобы привлечь больше иностранных туристов. Однако этой любезностью воспользовались не только туристы, но и криминалитет. С первых же дней работы в Эквадоре пришлось заниматься вопросами выдачи российских преступников, нашедших убежище в этой гостеприимной стране.

Однажды в посольство поступило сообщение о прибытии из Москвы следователя по особо важным делам

и оперативного работника МВД РФ для участия в четырехсторонней операции по задержанию крупного наркобарона, гражданина бывшей Югославии, Ивана Савкича, который нес ответственность за поставки 30% кокаина в Россию. Помимо россиян в операции должны были принять участие сотрудники Антинаркотической полиции Эквадора, Интерпола и даже Агентства по борьбе с наркотиками США.

После удачно проведенного ареста стал вопрос об экстрадиции Савкича в Россию по запросу нашей Генеральной прокуратуры. Однако, вследствие отсутствия Межправительственного соглашения о выдаче преступников, вопрос об экстрадиции стал обсуждаться в суде. В адрес Посла поступила повестка с просьбой явиться на судебное заседание или прислать своего представителя. Дело было поручено 25-летней выпускнице Дипломатической академии МИД РФ и Ростовского государственного университета Ольге Ромовской, которая была заведующей консульским отделом Посольства.

После первого заседания Ольга пришла на доклад бледная и до крайности взволнованная. Она представляла себе, что особо опасный преступник в суде будет находиться в клетке, однако он сидел за обычным столом в окружении пяти лучших адвокатов прямо напротив стола государственного обвинителя, рядом с которым находилась наш консул. В начале заседания Савкич был настроен довольно дружелюбно, но по мере того, как зачитывались предоставленные посольством документы, помрачнел и нахмурился. По окончании первого заседания он прошел мимо Ольги и на чистом русском языке произнес: «Ну, я тебе это припомню!».

Об этом инциденте мы немедленно доложили в Москву, и некоторое время спустя в наш адрес пришло указание: «Примите меры по обеспечению безопасности заведующего консульским отделом». Ничего другого, как поручить

крепкого сложения третьему секретарю посольства сопровождать консула на заседания суда в голову не приходило. Помимо этого, в МИД Эквадора была направлена нота Посольства с изложением всего случившегося в суде и требованием принять меры по обеспечению безопасности консула.

Суд тянулся довольно долго, но в конечном счете дело было решено в нашу пользу, после чего решение было направлено на утверждение в Верховный суд Эквадора. Прошел месяц, другой, но все наши беседы с председателем Верховного суда и его подчиненными ни к чему не приводили. Тут мне вспомнилось, что В. М. Лебедев, возглавлявший в то время Верховный суд России, был по нашей инициативе в Уругвае с рабочим визитом, которым остался доволен. Последовало дружеская беседа по телефону с Вячеславом Михайловичем, который дал согласие посетить Кито. Некоторое время спустя эта задумка была воплощена в жизнь, и по окончании переговоров председатель Верховного суда Эквадора получил приглашение нанести визит в РФ. Он с удовольствием принял его и на следующий год вернулся из России в полном восторге от оказанного приема в Москве и Санкт-Петербурге.

Решение о выдаче впоследствии было утверждено. Вот так!

После договоренности о дате выдачи и маршруте доставки преступника в Россию пришло сообщение о вылете сотрудников ФСИН для этапирования Савкича. Консул также сопровождала его до зала отлета, где Савкич неожиданно попросил конвоиров оставить его с консулом наедине. Немного помедлив и посмотрев ей прямо в глаза, он промолвил: «Прости меня, Ольга!»

* * *

В эти годы в Посольстве работали 5 дипломатов.

ДВА СЮЖЕТА

Жизнь директора департамента в нескольких историях

В начале 2003 года после возвращения на Родину с поста Генконсула России в Гонконге и Макао я был назначен сначала заместителем директора, а в феврале 2005 года — директором 1-го Департамента Азии МИД РФ. Мне было предложено как китаисту вести участок внешней политики КНР, включая неофициальные связи с Тайванем, а главное — заняться отношениями с замечательным соседним государством Монголией.

Если верить, что судьбы человека во многом определяют «на Небесах», то это назначение отнюдь не выглядит случайным. Как рассказывал мой дед, Фёдоров Геннадий Константинович, наш род по материнской линии (по отцовской шел из Воронежской губернии) состоял из двух сибирских ветвей — Томской и Забайкальской. Последняя ветвь, говорил мой дед, ссылаясь на семейные предания, пошла чуть ли не с первопроходцев Семёна Дежнева, которые позднее ушли на юг, обосновавшись в Кяхте. Это был важнейший пункт на границе двух империй — Российской и Цинской, которой в то время принадлежала Монголия. Через Кяхту шел главный путь торговли двух стран, включая поставки к нам чая из Китая. Именно на этом мои предки, купцы Катышевцевы,

сосредоточили свои усилия и получили солидные капиталы, позволившие им впоследствии расширить бизнес на другие сферы, включая золотодобычу.

Дед Геннадий с детства владел монгольским и немного китайским языками и, по его рассказам, нередко сопровождал русских путешественников в их походах в Монголию.

Кяхту я все же посетил во время моей командировки в Монголию в сопровождении вице-консула нашего представительства в Дархане. Городок, несмотря на свою блестящую историю, оставил отнюдь не радостное впечатление, за исключением интересного краеведческого музея и начавшихся работ по восстановлению одного из православных соборов с колоннами, по словам деда, из хрусталя. На это благое дело я, разумеется, внес определенные средства.

Понятно, что к главному участку работы — отношениям России с Монголией — я отнесся весьма неформально. Опирался на опыт и знания мидовских монголистов — В. Н. Щетинина, Б. Б. Мещанинова, А. А. Кроливца и, конечно, — блестящего знатока языка и страны Рыгзына Ракшаева. Весьма помогали сразу установившиеся товарищеские отношения с монгольскими дипломатами, а главное — послом С. Байяром.

Достаточно частые командировки в эту замечательную страну отнюдь не ограничивались Улан-Батором. Запомнилось многое. Например, пышное празднование «800-летия монгольского государства» (а по сути — рождения Чингисхана), проходившее в живописном месте на берегу реки Тола, в резиденции Президента страны — Маршальской пади. Помимо красоты окрестностей (на скалах можно было даже потрогать руками пиктографии древних монголов), фантастически вкусной еды, включая мои любимые приготовленные на пару бозы (мешочки из теста с мясной начинкой), которые едят руками, хозяева предложили чисто монгольское развлечение —

пахтание (или битие палками для лучшего сбраживания) подвешенных кожаных мешков с кумысом после дойки кобылиц. Это действие так понравилось главе нашей делегации курирующему замминистра А. Ю. Алексееву, что его пришлось буквально за руки возвращать к основной программе.

Надолго в памяти осталась поездка в целях проведения встречи директоров департаментов трех соседних стран — России, Монголии и Китая в Монгольскую «Святая святых» — Карокорум.

И, конечно, полет на новом изготовленном в Иркутске маломоторном самолете, предназначенном для перевозки туристов, в изумительное место на западе Монголии — озеро Хубсугул, которое является родной сестрой Байкала. Там я, кстати, поймал первую в жизни, удивительную по красоте и вкусу рыбу — хариуса. Поймал (правда, в другом месте) и огромную щуку, которую коллеги монголы, ранее не евшие рыбу, в момент под «Чингисхана» (помните этот сорт водки?) изничтожили, не оставив мне и хвоста. Увы, моя мечта — поймать короля-рыбу тайменя — так и осталась не реализованной.

Особая для Монголии тема — охота, к которой я прежде и близко не подходил. Зимой в 30-ти градусный мороз монгольские друзья возили «на волка». Первый раз я видел следы гигантского волка «степняка» (длиной 2 метра от носа до кончика хвоста). Во второй раз я честно отсидел, вернее отлежал, в засаде, увидел волка серебристого цвета, которого испугались сами монголы. В итоге я никого не убил, а полгода спустя монгольский посол в Москве вручил мне подарок от сопровождавших меня на охоте губернаторов — коробку с прекрасно выделанной шкурой волка, которая до сих пор наводит ужас на моих домашних собак.

Крайне интересно было наблюдать за внедрением в жизнь Монголии рыночной экономики. Во время полета

над бескрайними просторами этой страны (площадью свыше 1,5 миллиона кв. км при населении в 3 миллиона человек) в ясную и безветренную погоду посреди степей вдруг можно увидеть огороженный забором участок земли, который состоятельный гражданин взял по каким-то причинам в свою собственность.

Однажды зимой я приехал в Улан-Батор на межмидовские консультации. Мой партнер директор департамента Аюрзана (кстати, тоже китаист и выпускник МГИМО) пригласил вечером «посетить интересное место с культурной программой». В морозный вечер мы долго ехали по долине реки Толы и уже в темноте остановились у ворот с забором, которым был огорожен участок земли с большой юртой посередине с дымящейся трубой. Хозяин, молодой преуспевающий бизнесмен, пригласил в гости, где помимо ужина должен был проходить концерт традиционного мужского горлового пения.

Откровенно говоря, после долгой поездки и холода мне, как мы говорим, захотелось «помыть руки», но необходимого места в юрте не было предусмотрено. После моей скромной просьбы о «мытье рук» я получил тазик с теплой водой. Оказалось, что в монгольской традиции мое желание надо было облечь в вежливую форму «пойти посмотреть коня». Когда мы с хозяином вышли под сверкавшими огромными звездами небу по хрустящему снежку в тридцатиградусный мороз, на мой вопрос, где я могу это сделать, был получен ответ с театральным жестом. Хозяин широко раскрыл руки, охватив все окрестности, и сказал: «Везде, где вам понравится».

Еще о рыночной экономике. Неподалеку от нашего посольства на частном рынке автотехники по пути на консультации в МИД Монголии я с удивлением увидел розового цвета «Хаммер». Возвращаясь обратно, мы уже не смогли его лицезреть — куплен.

Однако одним из главных показателей достатка и успеха по давней традиции были скачки во время удивительного июльского праздника Надом. Двухдневная программа в степи в окрестностях столицы включала древние игры — состязания в борьбе, стрельбе из лука и, конечно, скачках. Запомнились встречи с рядом министров и других видных людей в традиционных шелковых дели и великолепных сапогах, которые с гордостью демонстрировали стоивших баснословные деньги своих резвых и изящных рысаков, а также седла, стремена и сбруи с серебряной отделкой.

Разумеется, на празднике была вся современная знать Монголии, включая Президента с супругой. В мою бытность это был статный Энхбаяр с красивой женой Солмон. У меня с ним быстро наладились хорошие отношения, благодаря которым, по рекомендации посла в России С. Баяра я, кстати, вместе с нашим Министром С. В. Лавровым, был награжден монгольским орденом Полярной звезды, которым очень дорожу, ведь его из иностранцев удостоился и Маршал Георгий Жуков.

Из монгольских сюжетов память сохранила многое. К моему удовлетворению удалось наладить трехсторонние консультации на уровне директоров департаментов МИД трех соседей — России, Монголии и Китая (теперь они вышли на уровень министров). Было решено проводить их не в столицах, а в интересных местах наших стран. Как я уже упомянул, монгол провел их в древней столице Чингисхана Карокуруме, китаец во Внутренней Монголии, а я с помощью нашего посла в Улан-Баторе, бывшего до того губернатором Иркутской области Б. Говорина, — на Байкале.

Довольно забавный эпизод имел место во время визита Президента Монголии Энхбаяра в Москву. Главная беседа в Кремле, на которой не требовались переводчики (монгол закончил Литинститут имени Горького), была с такой

рассадкой, что записывающие директора мидовских департаментов оказались за столиками вдали от президентов, поэтому слышно было немного. Как один из авторов «говорилки» для В. В. Путина, я записывал общую канву беседы, а монгольский коллега через несколько минут «ушел в нирвану». На приеме вечером он подошел ко мне и, узнав, что я беседу все же записал, попросил прислать ее текст «по факсу»...

Как уже было отмечено, помимо Монголии я вел в департаменте важный участок — внешнюю политику Китая, а также неформальные отношения с Тайванем. На последнем пункте хотел бы особо остановиться.

К началу 90-х годов контакты России с Тайванем получили заметное развитие, тем более с учетом серьезного торгово-экономического и научно-технического потенциала острова. Достаточно сказать, что двусторонний товарооборот колебался от 4-х до 6-ти миллиардов долларов США. В силу понятных политических причин Тайбэй, используя свою «денежную дипломатию», начал активно работать с некоторыми российскими политическими деятелями и парламентариями. Мы в МИДе, следуя главному направлению внешней политики России, укреплению отношений с КНР, — приняли решение упорядочить связи с Тайванем. В сентябре 1992 г. распоряжением Президента РФ была создана Московско-Тайбэйская координационная комиссия по торговому и культурному сотрудничеству (МТК). 12 сентября в МИД РФ дали заверение послу КНР в Москве Ван Цзиньцину о неизменности позиции РФ в отношении Тайваня. 15 сентября Президент РФ подписал Указ «Об отношениях между Российской Федерацией и Тайванем», который строго упорядочил их суть и сугубо неофициальный характер.

Надо сказать, что Указ вышел вовремя, нам стало проще работать. В двух столицах были созданы неофициальные представительства координационных комиссий. Мне повезло, что тайваньским представителем стал известный и опытный дипломат Чэн Жунцзе, в свое время возглавлявший канал общения «двух берегов Тайваньского пролива». С ним было приятно и удобно работать, как-то я даже помог ему пожать руку Послу КНР на одном из МИДовских мероприятий.

Чэн очень хотел продвинуть наши отношения и всемерно уговаривал меня осуществить первый в истории визит в Тайбэй директора 1-го ДА МИД России. В этих целях в 2008 г. мы разработали специальный сценарий, чтобы не нарушить упомянутый Указ Президента РФ.

Во время январских длинных каникул я реально взял отпуск и воспользовался приглашением главы представительства МТК в Тайбэе С. Н. Губарева «отдохнуть на острове». Ввиду отсутствия прямого авиасообщения мы с супругой полетели через Сеул по диппаспортам, а оттуда уже по красным общегражданским в Тайбэй. Было интересно, что в салоне 1-го класса тайваньской авиакомпании нам включили ролик с видами Санкт Петербурга.

В Тайбэе, как было заранее договорено, мы, минуя журналистов, сразу сели в автомашину и приехали в гостиницу. Программа была очень интересной. Помимо посещения офиса нашей комиссии и других известных достопримечательностей, я провел несколько встреч с тайваньскими коллегами на сугубо неофициальной платформе, а также съездил по интересным окрестностям столицы острова.

По возвращении в Москву я без удивления встретил достаточно прохладный прием посольства КНР. Мой большой друг посланник Чэн Гопин, называвший меня под хихиканья коллег «Дорогой Константин уважаемый Васильевич»,

сказал, что он и посол Лю Гучан были расстроены, что «старый друг Китая Внуков вдруг съездил к врагам». На это я ответил, что никакого «предательства» не было, я, находясь в отпуске, по приглашению коллеги, главы нашего неофициального представительства на Тайване, совершил по общегражданскому паспорту туристическую поездку на остров, где имел некоторые встречи, но исключительно неофициального характера. И, если китайское посольство не устроит это мое искреннее объяснение, директор департамента будет расстроен и сделает соответствующие выводы. Видимо, все это было доложено Послу и в Пекин, и добрые отношения восстановились.

В связи с реорганизацией структуры МИД России было принято жесткое решение о сокращении количества департаментов. Нас это тоже коснулось. Были оставлены два азиатских департамента — наш 1-й ДА и бывший 3-й (Южная Азия), ставший 2-м ДА. «Под нож» попал бывший 2-й ДА, тем более, что его директор уже собирался послом в Индонезию. С. В. Лавров спросил меня, не буду ли я возражать против присоединения к нам Японии. Я, естественно, не возражал, и в итоге присоединения к нам аж трех секторов Японии с дипсоставом наш департамент по количеству оперативных сотрудников (75 человек) стал крупнейшим среди страновых подразделений Министерства.

Японисты, традиционно считавшие себя «белой костью, поначалу повели себя настороженно: как же ими будет руководить китаист! Мои уверения, что я как директор департамента уже не китаист и страновед, не очень воспринимались.

Ситуация разрядилась достаточно забавно. Я собрался в очередную командировку в Токио на фоне острых дискуссий в МИД относительно того, что тогдашние зарплаты давно не отвечают уровню инфляции. Помимо официальной части

командировки посольство предложило посетить изумительное место неподалеку от столицы — посольскую дачу на морском побережье в Камакуре (этот особняк после войны был подарен Советскому Союзу одним японцем). Место славится своими историческими достопримечательностями, включая синтоистский храм для молений бездетных родителей во имя будущих потомков, фигурки которых расставлены повсюду. Там же струился и журчал ручей из горного источника. По преданиям, надо не только умыться в ручье, что даст потомство, но и прополоскать бумажные банкноты и просушить их на воздухе, итогом чего станет богатство. Я не поленился, тщательно прополоскал в ручье банкноту в 10000 йен и просушил ее под ветром и солнцем на руках. Вернувшись в Москву, я по своим каналам узнал, что повышение зарплат грядет. На новогоднем департаментском мероприятии в своем тосте я выразил убеждение, что год грядущий принесет нашим семьям солидный рост благосостояния и в подтверждение продемонстрировал «отмытую» японскую банкноту. По настоянию сотрудников ее поместили в рамку и повесили на стену в директорском предбаннике. Впоследствии рамка с банкнотой куда-то исчезла, но зарплаты подняли.

Само по себе знакомство с Японией и общение с ее дипломатами было весьма интересным. Достаточно сказать, что мое желание сфотографировать (тогда еще на пленку) символ Японии — гору Фудзияма (или по-японски уважительно Фуцзисан) удалось осуществить отнюдь не с первого раза, ибо даже в ясную погоду над вершиной горы почему-то было прилеплено крохотное облачко.

Наш приезд с женой в Токио уже из Сеула совпал с моим Днем рождения — 9 мая. Посол предложил с утра Дня Победы съездить по установившейся традиции на кладбище в окрестностях столицы, где покоится прах нашего легендарного разведчика Рихарда Зорге. Традиция

собираться в этот день именно там распространялась и на послов СНГ. Когда все мы, возложив цветы к скромному захоронению Р. Зорге, собрались у импровизированного столика с приготовленными нашими ватовцами стопками с водкой и закуской (селедка-соленый огурчик), наш военный атташе попросил посмотреть в самый дальний конец кладбища, где пытались спрятаться японцы с телевиками. Забавную сцену наш военный дипломат подытожил так: «Время прошло, а до сих пор боятся».

Немало интересного и поучительного я почерпнул от общения с послом Японии в Москве Номура-сан (опытный дипломат и любитель прекрасного, позднее возглавил службу протокола Императора).

Моим непосредственным партнером был директор Харада-сан, с которым мы за исключением официоза общались на английском. Помню, японцы внесли очередное, как было подчеркнуто, «супер-предложение» по разблокированию территориальной проблемы. Харада примчался в Москву, чтобы получить на это предложение ответ. Наша реакция после всестороннего и тщательного изучения была четкой и ясной в духи известной позиции А. А. Громыко — «No».

По истечении двухчасовых консультаций по текущим вопросам двусторонних отношений, после которых была запланирована протокольная встреча гостя с Министром, мой заместитель В. И. Саплин «задергался» и прошептал, что ответ по главному для гостя вопросу мы не успеем дать. Успокоив его, я кратко, но четко изложил нашу негативную реакцию на японское предложение. Стремясь не опоздать на встречу с министром, Харада предложил выйти покурить (я тогда еще этим баловался). Нервно затянувшись, японец сказал: «I am terribly upset». Подыгрывая ему, я сказал: «А я-то как upset, даже ночь не спал...» Вот таким было общение... В целом японцы удивляли меня многим.

К примеру, запретом на азартные игры, но часто можно было видеть заведения с надписью «Починко», где было дымно (японцы много курят) и шумно, ибо в аппаратах типа нашего детского лото поднимались и падали в лузы стальные шарики. По желанию главы нашей делегации мы с посольским советником посетили это игральное заведение, «попытали счастье», но — увы... Если бы выиграли, за углом была дверка, где выигрыш можно было отоварить спиртным, сигаретами и т. п.

На уикенды японцы всем офисом посещают ресторанчики, где отдыхают до конца, то бишь пока шеф офиса не уйдет. Это касается и мужчин, и женщин (на что сетуют иностранные сотрудницы). После этого, сам видел, изрядно захмелевшие гости «расползаются», а кто не в состоянии идти — стойко держатся за соседний столб, пока не уменьшится хмель, или на помощь не придет жена. Такую же ситуацию можно наблюдать и в Южной Корее, которая была несколько десятилетий под колониальным правлением Японии.

Довелось и вблизи видеть японских руководителей. Наиболее запомнился премьер-министр Коидзуми с его хохолком на голове и суетливо-быстрыми движениями. Он принял приглашение В. В. Путина приехать в Москву 9 мая 2005 г. на 60-летие Победы. Я видел, как премьер-министр вприпрыжку пробежал под дождем в Большой Кремлевский дворец. Его встреча с нашим президентом была запланирована на вечер — последней после всех официальных мероприятий. Накануне встречи С. Э. Приходько дал мне указание предупредить японцев, что ввиду очень плотного графика В. В. Путина беседа не может превышать полчаса, что я и сделал через японского посла.

Когда встреча в Екатерининском зале началась, я увидел, что наш руководитель перед последним вечерним мероприятием свободен и готов вести разговор

«не торопясь». Но проинструктированные заранее японцы, включая Коидзуми, настроили свои часы на полчаса. Увидев это, В. В. Путин был вынужден подняться и пожать руку гостю. После этого он вернулся за стол и, допивая чай, сказал мне: «Я не понял японца». Пришлось объяснить, что у них, по указанию С. Э. Приходько, был «time-limit». Президент улыбнулся и добавил: «Как вам тяжело с ними работать».

Да, Президент был прав — с японцами было тяжело работать. И, когда в 2009 году, я уже получил предложение поехать послом в Сеул, С. В. Лавров спросил, не буду ли я против возвращения японского направления во вновь создаваемый департамент — уже 3-й ДА, я откровенно ответил министру «С радостью!».

Мы и они (рассказы об иностранных коллегах)

Неотъемлемой и очень интересной частью нашей дипломатической жизни является общение с коллегами — представителями зарубежных государств.

На первом этапе, точнее «пекинско-китайском» (1974–1978, 1980–1985, 1991–1995 гг.), главным направлением моей работы были отношения нашей страны с КНР, поэтому профессиональное общение главным образом ограничивалось китайскими представителями. Контакты с другими иностранными коллегами, в том числе в силу моих тогда невысоких дипломатических рангов, носили эпизодический характер, хотя бывали исключения. Об одном из них хочется рассказать отдельно.

В бытность третьим секретарем посольство СССР в Пекине судьба свела меня с пресс-атташе посольства ГДР Манфредом Ибольтом и его замечательной женой Дорис. Выпускник МГИМО, Манфред здорово владел китайским языком, неплохо японским, английским, а также несколькими западными языками, не говоря уж о свободном русском.

Будучи убежденным и верным другом нашей страны, Манфред был интересным собеседником, в том числе при обсуждении особенностей политики Берлина в отношении Пекина в восьмидесятих годах. Мы дружили домами, тепло привечали их семью, от души кормили по-русски, а дети (у них тоже было двое детей) дружно играли, особенно его сын — пистолетами и автоматами моих сыновей. Как рассказал Манфред, в ГДР не рекомендовали давать детям даже игрушечное оружие.

Прошли годы, я вернулся в Москву и стал работать в Международном отделе ЦК КПСС на Старой площади. Однажды по дороге на работу я купил свежий номер популярного

тогда еженедельника «Московские новости» и быстро перелистал его. Меня привлекло письмо из Германии, автор которого кратко рассказал историю своей жизни и с горечью написал, что в силу близости к нашей стране, давшей ему так много, а также солидного багажа знаний, в числе языковых и дипломатических, он по причине своей службы в «Штази» из-за «запрета на профессии» смог устроиться лишь почтальоном в пригороде. Стало абсолютно ясно, что это наш друг Манфред.

Когда я показал газету жене, она расплакалась и просила сделать что-нибудь. Но что тут скажешь, а тем более сделаешь. Вот так...

Настоящую школу дипломатического общения с иностранными коллегами я стал проходить в Гонконге, где служил Генеральным консулом России (1998–2003 г.). Этот специальный административный район КНР (после его возвращения в лоно родины в 1997 г.) в силу исторических причин и ведущего положения финансово-экономического центра ЮВА лидировал после Нью-Йорка по количеству настоящих и почетных консульских учреждений (свыше ста). Надо сказать, что согласно китайско-британским договоренностям, Гонконг — Сянган — в течение пятидесяти лет, начиная с 1997 г., в неизменном виде сохранит всю унаследованную от Великобритании прежнюю систему жизни и управление территорией, за исключением двух областей — обороны и внешних связей. Поэтому согласие на мою аккредитацию Генконсулом выдал МИД КНР, но вопросы деятельности генконсульства регулировались внешней канцелярией Главы администрации (Chief executive) Гонконга, хотя в элитном районе Гонконга Madlevels возвышалось солидное здание представительства МИД КНР.

Из-за многочисленности миссий в консульском корпусе сложилась система неформальных групп по географическому

принципу, включая наиболее крупную Азиатскую группу, которую мне по истечении четырех лет работы довелось возглавить. В связи с неполитическим характером этого объединения особых проблем повседневного общения не возникло. Главной формой работы было проведение раз в месяц в алфавитном порядке обедов для глав диппредставительств. Разумеется, каждая миссия вовсю старалась не ударить в грязь лицом — как с кухней, так и программой встречи. Трудности периодически возникали в двух случаях, когда происходили кризисные ситуации, во-первых, в межкорейских отношениях, во-вторых, у арабов с Израилем. Приходилось прилагать немалые дипломатические и просто человеческие усилия, чтобы убедить коллег не прибегать к отказам от участия и иным санкциям. Позднее и та, и другая стороны искренне благодарили за эти усилия.

Интересно, что на почве любви к замечательной корейской ферментированной капусте «кимчхи» у моей семьи сложились прекрасные отношения с семьями генконсулов Республики Корея и КНДР. Свидетельством этому стал в первом случае великолепный иллюстрированный альбом с рецептами кимчхи на английском языке, а во втором регулярно поставлявшиеся нам «северокорейские» ведерки с капустой с густым и ароматным запахом. Из-за почти ежедневных протокольных мероприятий я и моя жена быстро стали полноправными и достаточно активными членами консульского корпуса Гонконга, установили дружеские контакты с рядом коллег. Надо сказать, что с учетом высокого реноме Гонконга не только в Азии, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, многие страны направляли туда в качестве глав миссий высокообразованных специалистов часто уровня послов. Поэтому общение с такими людьми было интересным и познавательным.

Политических проблем у нас с коллегами в тот период (конец 90-х — начало 2000-х гг.) не возникало. Были и сюрпризы. Генконсул Италии Пьетро Джованни обладал глубокими познаниями в российской культуре, особенно музыкальной (каждый раз, возвращаясь из отпуска, я привозил ему диски с нашей классической музыкой), но наиболее поразительным было его увлечение историей Красной Армии и ее полководцев в Великой Отечественной войне. Может быть, поэтому его следующим постом после Гонконга стала штаб-квартира НАТО... Единственной сложностью было то, что моя жена Юлия, по образованию преподаватель французского языка, закончила Иняз им. Мориса Тореза, а общепринятым языком общения в Гонконге, естественно, был английский. Юлия узнала, что супруга британского генконсула леди Ходж была преподавателем английского языка в Оксфорде и организовала для супруг генконсулов курсы повышения уровня владения языком. Занятия достаточно быстро дали положительный результат, и потребность в моем переводе бесед супруги сошла на нет.

Общение с британским генконсулом сэром Джимом Ходжем осталось в памяти. Если его супруга была коренной британкой, а ее оксфордский английский звучал, как музыка, то Джим был стопроцентным шотландцем, и когда он выступал на консульских приемах, местная публика громко хихикала. Генконсул был невероятным курильщиком (по 4 пачки шотландских сигарет в день!) и выпивохой с неизменным «скотчем» в руке. Чтобы не нарушать введенных им же самим запретов на курение в офисе, он переходил в расположенный напротив генконсульства отель и занимал «свой» столик в фойе с папкой бумаг.

Когда в 2003 г. пришло время нам завершать миссию в Сянгане, британец был первым, кто предложил устроить обед «to say good bye» в нашу честь. Когда подошло время,

он оказался из-за чрезмерного курева в госпитале, но обед не отменил, а сбежал на время из больницы, подарил роскошный альбом «Foreign Office» и рассказал, что он возглавлял департамент безопасности их МИДа и «не уставал восхищаться КГБ, заполучившим британские секреты».

В тот период в Гонконге не было консульств стран СНГ, и нам приходилось время от времени выполнять миссию оказания помощи гражданам Украины и других стран СНГ, разумеется, в тесном контакте с их посольствами в Пекине.

Вполне понятно, что особое место в числе наших знакомств занимали те коллеги, кто так или иначе был связан с Россией. Несмотря на всю идущую в то время «чистку» дипслужб восточно-европейских стран от «советского влияния», некоторые миссии тогда еще возглавляли выпускники МГИМО, например, Болгарии и Венгрии. Были и молодые генконсулы с головокружительной карьерой, к примеру, Чехии, — «прыгнувший» с 3-го секретаря в Пакистане до генконсула в Сянгане. Со всеми мы поддерживали хорошие отношения — разумеется, стараясь не осложнять их положение. Но иногда возникали и паузы. Помню, как чех на какой-то период перестал общаться, а его жена Алена шепотом сказала моей супруге, что идет натовская «проверка-чистка». Затем все вдруг наладилось, стало понятно, что чех проверку прошел.

Близко к нам тяготели израильские дипломаты. Когда мы приехали в Гонконг, уже немолодой генконсул, блестяще владевший арабским языком, и его супруга Соня часто приглашали нас на обеды, где познакомили с израильско-средиземноморской кухней. Не владея русским языком, израильская пара знала и любила советский песенный репертуар 30–50-х годов «в оригинале».

Достаточно забавный случай произошел с их сменщиком, молодым, красивым и талантливым дипломатом, служившим

до этого одним из помощников Премьер-министра. После очередного осложнения израильско-палестинских отношений и по сути совпавших с этим террористических акций чеченских сепаратистов генконсул позвонил мне и попросил о срочной встрече. За чашкой чая в кафетерии он сказал, что, по его мнению, настало время для совместного удара по террористам. Пришлось объяснить коллеге, что такие вопросы лучше обсуждать не в Гонконге, а в наших столицах.

Пожалуй, наиболее тесные контакты у меня поддерживались с генконсулами дружественных государств Индокитай — Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Помимо обычного дружественного общения, иногда приходилось оказывать коллегам содействие и помощь.

Приведу один интересный пример, связанный с моим хорошим знакомым — генконсулом Вьетнама, который попал в весьма неприятную историю. Он учился у нас в Академии внешней торговли, хорошо освоил русский и монгольский языки, но — увы — слабо владел английским, тем более не знал китайского языка. Престижный пост генконсула в Гонконге он получил, работая в Кадрах МИД Вьетнама. Однажды в обеденное время он шел пешком из офиса домой по одной из самых многолюдных улиц Гонконга Козвэйбэй. Внезапно, идущая перед ним китаянка небольшого роста, остановилась, и генконсул чисто инстинктивно выставил руки вперед и уперся прямо в нижнюю часть спины жительница Гонконга. Та немедленно возопила и что-то потребовала от дипломата вначале на местном диалекте китайского, затем на английском языке. Увы, наш вьетнамский друг ничего не понял и достаточно быстро оказался в полицейском участке по обвинению в «сексуальном домогательстве». Узнав, что они имеют дело с высокопоставленным дипломатом, местные полицейские немедленно выдали эту «горячую картошку» гонконгским СМИ. Что тут началось! С первых полос газет

раздавались вопли: «До чего у нас в Гонконге дошло! Заморские дипломаты прямо на улицах насилуют наших женщин!»

Пришлось срочно провести совещание нашего коллектива, потребовав от всех на многолюдных улицах «держаться ухом остро», а «руки в карманах».

Знающие люди сказали, что в Гонконге есть действительно такие леди, которые ведут себя так, как с вьетнамцем, чтобы получить от жертвы 400–500 гонконгских долларов, а иначе — поход в полицейский участок.

Увы, наш вьетнамский коллега этого не знал. Пришлось пригласить генконсула с супругой к нам домой, по-русски напоить и накормить (включая борщ и котлеты), отдохнуть в русской семье и успокоиться. Кроме этого в дипкорпусе я выступил с предложением подготовить письмо в поддержку вьетнамского коллеги и направить его в Администрацию главы исполнительной власти Гонконга, но, увы, мои западные коллеги «по традиции» воздержались. Надо отдать должное МИД Вьетнама: когда шум утих, генконсул вернулся в Ханой, а затем вторым лицом поехал в Индию.

Поднявшись на ступень выше — став Чрезвычайным и Полномочным Послом РФ в Республике Корея в 2009 году, я стал готовиться к церемониальным мероприятиям, главным из которых было вручение верительных грамот Президенту РК Ли Мен Баку. Как и мы в России, протокольный отдел МИД вместе с администрацией Президента собирал группу вновь прибывших (в порядке очередности) послов для вручения верительных грамот в один день, но в отличие от нас, прием послов проводился поочередно, а не общей группой.

За день до церемонии, которая была назначена на 3 декабря 2009 года, ко мне в посольство приехала симпатичная сотрудница протокола и, вручив специальную брошюру на английском языке, провела инструктаж, который,

скажу откровенно, меня поразила невероятной точностью временных параметров (к примеру, «машина протокола приезжает в посольство в 11.29, отъезд в Президентский дворец в 11.33, прибытие к воротам дворца в 11.43, вход в зал в 11.47» и т.п.). Мой вопрос о реальности выдержать все эти предписания заставил молодую протокольщицу удивленно поднять брови. Мы, конечно, все это исполнили в точности, за исключением, пожалуй, главного — продолжительности беседы с главой государства. Вместо положенных 15 минут мы проговорили с Ли Мен Баком в три раза больше, что, как выяснилось позднее, вызвало недовольство следовавшего за мной немецкого посла.

Затем я выстроил график встреч и знакомств в дипкорпусе. На первом месте, разумеется, был визит к дуайену, легендарному послу Узбекистана Виталию Фену. Этнический кореец, В. Фен до своего отъезда домой в 2013 г. прослужил главой узбекской дипломатической миссии 18 лет при пяти южнокорейских Президентах, непосредственно участвуя в проведении 12 двусторонних встреч на высшем уровне. С ним и его деятельной супругой Людмилой у нас сложились тесные отношения. К моему большому удивлению, я узнал, что Виталий Фен в очередной раз вернулся в Южную Корею и стал послом Узбекистана. Поистине он достоин Книги рекордов Гиннеса.

Следующим пунктом в списке встреч с аккредитованными в Сеуле послами была группа глав миссий СНГ — Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Киргизии. Со всеми у меня вскоре сложились тесные товарищеские отношения.

Что касается Украины, то в тот период послом был, как выяснилось, мой однокашник по МГИМО, выпускник того же 1973 года, факультета МЭО Владимир Белашов, работавший в студенческие годы в одном строительном отряде с С. В. Лавровым (Сергей Викторович мне позднее это

подтвердил). Заменявший его Васил Мармазов, не являвшийся профессиональным дипломатом, для того, чтобы доказать свою верность новым киевским властям, вскоре после начала работы в Сеуле опубликовал в корейской англоязычной прессе негативный антироссийский материал. В ответ я направил в редакцию газеты письмо с убедительным опровержением тезисов главы украинской миссии. Использовал понятные корейскому читателю параллели между жестоким колониальным правлением японцев в Корее и антинародным курсом Киева, например, относительно введенного японскими колонизаторами запрета на официальное использование корейского языка и корейских имен. Мое письмо вызвало положительную реакцию читателей. На дипломатических приемах В. Мармазов поначалу бегал от меня в другие углы зала (вместе с приехавшим позднее грузинским послом Николозом Апхазавом). Однако, когда я собрался покинуть Сеул по завершении командировки, посол Украины принял приглашение на дружеский обед у меня в резиденции для послов стран СНГ, извинившись, что должен будет уехать пораньше, ибо по официальной версии для украинского посольства он «поехал в аэропорт».

За почти 6 лет работы в Южной Корее — благодаря многочисленным приемам и встречам, интересным и познавательным мероприятиям для дипкорпуса, поездкам по стране — у меня сложились нормальные, а чаще хорошие отношения с послами других стран (корпус в Сеуле насчитывал свыше 100 глав миссий).

Память хранит моменты дружеского общения с коллегами — послами стран АСЕАН, Индии, Монголии, Латинской Америки, прежде всего послом Бразилии Фуцезита (японцем по происхождению), арабами (иорданец был большим любителем русской водки и никогда не уходил от нашего стенда на дипломатических базарах без ящичка нашего

национального напитка). Из европейцев с теплотой вспоминаю посла Сербии Слободана Маринковича, служившего еще в союзной Югославии шефом протокола МИД, а также словака Душана Беллу и его общительную супругу врача, которые еще долго слали нам с женой приветы уже из Пекина, куда Душана перевели послом.

За мою бытность в Сеуле работали два посла США — приехавшая незадолго до меня г-жа Кэтлин Стифенс, сменившая хорошо нам известного по Москве Александра Вержбоу, а затем второй после упомянутого выше узбекского посла В. Фена в истории сеульского дипкорпуса кореец по национальности Сон Ким, представлявший США на шестисторонних переговорах по ядерной проблеме корейского полуострова. С обоими я поддерживал нормальные рабочие отношения. То же могу сказать и о китайском после Чжан Синьсэне, с которым я не был знаком по работе в Пекине. Правда, он не очень активно участвовал в мероприятиях дипкорпуса, предпочитая сферу двусторонних отношений.

В декабре 2012 года Президентом РК было избрана первая в истории страны женщина Пак Кын Хе. Она — дочь южнокорейского диктатора и в то же время архитектора «экономического чуда» Южной Кореи генерала Пак Джон Хи. Правильно взвесив ее шансы и получив от корейских друзей журналистов поздно ночью в день выборов известия о ее победе, а также немедленно транслировав эту новость в Центр, я к большой радости на следующее утро получил утвержденную Президентом РФ поздравительную телеграмму и попытался поскорее выполнить поручение о ее передаче. Проблема была в том, что работавший еще при предыдущем Президенте корейский МИД по сути самоустранился от организации встречи, поэтому пришлось задействовать неформальные каналы. К счастью, сама President elect и ее помощники уже приняли решение организовать встречи

с четырьмя послами приоритетных для Сеула стран — США, России, Японии и Китая (в этом порядке). Должен сказать, что благодаря мудрому совету моей жены о том, что предстоит встреча не только с победителем президентских выборов, но и прежде всего с женщиной, лишь глава российской миссии пришел с красивым букетом роз, что было должным образом оценено.

Новые встречи и знакомства с иностранными коллегами-послами ждали меня уже на другой земле гораздо южнее — Социалистической Республики Вьетнам, где мне довелось служить 6 лет — с 2015 по 2021 год.

Вьетнам — к моменту моего прибытия в начале 2015 года — уже преодолел комплекс войны (сначала с Францией, а затем США и их союзниками), добился впечатляющих успехов в ходе начатых в середине 80-х годов реформ «Дой Мой» — в частности, ежегодного прироста ВВП в 6 с лишним процентов, создал благоприятные условия для масштабного притока иностранных инвестиций, обеспечил внутреннюю стабильность и общественный порядок. Вьетнам стал активным участником многих международных организаций и соглашений, прежде всего АСЕАН и АТЭС. Наряду с выгодным географическим положением (между двумя азиатскими, а теперь и мировыми гигантами — Китаем и Индией) и с учетом быстрорастущего населения причем с достаточной степенью образования, но сравнительно низкими зарплатами, все это стало мощным стимулятором интереса к Вьетнаму. С точки зрения дипломатии — это привело к росту числа дипломатических миссий в Ханое и уровня самих иностранных послов. Достаточно сказать, что в период с 2014 по 2021 год в СРВ было порядка 97–98 дипмиссий, в том числе 80 посольств и 19 представительств международных организаций. Что касается дуайенов дипкорпуса, то в моей памяти остались, во-первых, посол Венесуэлы Джордж Рондон Узкатэци,

немолодой, но по-латиноамерикански живой, которого я приветствовал неизменным «Но пассаран!». Во вторых, палестинец Саади Салама. Он приехал во Вьетнам еще студентом во время войны, в совершенстве овладел вьетнамским языком, женился на местной девушке, имел много детей и так и остался в этой стране. И с одним, и с другим у меня были товарищеские отношения.

Надо сказать, что коллеги, послы стран СНГ, приняли меня очень тепло. Не считая нас, раньше всего в Ханое стали работать белорусы (с декабря 1997 года вначале на базе торгпредства), за год до моего приезда в 2013 г. посольства открыли азербайджанцы и армяне, а в марте 2015 г. — Казахстан. Посол Украины вел себя по отношению к нам вполне сносно, я нанес ему визит вежливости, тем более, что их посольство находилось в шаговой доступности от нашей резиденции. Мою заехавшую под флагом в посольство Украины автомашину с четырех сторон окружили крепкие бритые хлопцы, но посол вел себя дружелюбно и посетовал, что, к сожалению, «все у нас идет так ненормально».

В тот период удавалось сохранять вполне конструктивные отношения с послами западных стран. Посол США, открытый гей, набивался в друзья, пытался даже пригласить наших дипломатов на устраиваемые американцами в Ханое красочные ЛГБТ парады.

Француз, с которым мы работали еще в Гонконге в должностях генконсулов, делал ставку на помощь Вьетнаму в подготовке медицинского персонала. Он активно интересовался нашим опытом в этой области, особенно подробностями работы нашего СП с Вьетнамом — «Тропцентра». Не отставала и активная итальянка...

С дипкорпусом активно работали и шустрые вьетнамцы. Интересным примером был Ле Ан Дык. Свое детство и юность он провел в Москве с родителями, пройдя и детсад,

и школу, и даже начав учиться в нашем вузе. Вернувшись на родину, Дык, как и первый по версии журнала ФОРБС, вьетнамский миллиардер Фам Нят Выонг — выпускник нашего вуза — подключился к быстрорастущей в тот период и приносящий баснословные доходы сфере недвижимости.

Получив первые «уроки прекрасного» в России, Дык вместе со своими друзьями стал организовывать в Ханое выступления известных музыкантов и певцов, на концерты которых приглашал дипкорпус. Кстати, в июне 2018 г. упомянутый миллиардер Выонг, видимо ностальгирующий по нашей эстраде, пригласил в Ханой, по сути на один концерт, любимых им певцов — Баскова и Певалий, Орбакайте, а также Хор Турецкого.

Помимо меценатства Дык, который одно время очень хотел стать почетным консулом России в курортном городе Нячанг, занялся удивительным для Вьетнама с его тропическим климатом делом — разведением осетровых рыб и производством черной икры. Для этого он прикупил на вьетнамском высокогорье водные пространства, пригласил из Астрахани наших специалистов и завез первую партию осетровых пород. Ввиду отсутствия во Вьетнаме из-за климата необходимого для популяции рыб холодного периода была применена технология обогащения воды кислородом. «Урожай» черной икры позволил Дыку заключить соглашения с авиакомпаниями для обеспечения пассажиров первого и бизнес-класса этим деликатесным продуктом, что приносило солидные доходы, а также устраивать время от времени в шикарном ханойском отеле Метрополь для избранного дипкорпуса Russian black caviar party.

Кстати, в связи с этим в памяти возник еще один икорный сюжет. Во время моей работы в Южной Корее на нас инициативно вышла замечательная и высокоинтеллигентная семья Хан. Ее глава, получивший прекрасное образование,

в т.ч. в области биологии, будучи в России в Поволжье, заинтересовался опытом разведения осетров и других благородных рыб. Вернувшись в Корею и заняв в семье необходимые капиталы, доктор Хан приобрел недалеко от Сеула в живописной долине с протекавшей там чистой горной рекой участок и с помощью российских специалистов создал рыбо-разводный комбинат. Через несколько лет завезенные из России рыбы начали производить черную икру, которая добывалась нашим известным методом «дойки», без умерщвления рыб. Что интересно, умный кореец, в отличие от вьетнамца Дыка, сконцентрировал свои усилия не столько на производстве черной икры для питания (хотя она было стопроцентно «русского вкуса»), сколько на изготовлении качественной и соответственно дорогостоящей женской косметики, которая пользуется стабильным спросом у прекрасных дам. Прошло немало лет, но до сих пор мы поддерживаем с этой замечательной корейской семьей связь по интернету.

Возвращаясь к теме ханойского дипкорпуса, хочу сказать, что в период нашей работы во Вьетнаме в отношениях с иностранными коллегами не возникало никаких коллизий, тем более, что Россия в силу исторических причин пользовалась огромным авторитетом в этой стране.

Тем не менее приходится констатировать, что в области «большой политики» некоторые послы выполняли указания из своих столиц, чтобы затруднить успешно развивавшееся российско-вьетнамское сотрудничество. Приведу два наиболее показательных примера.

Во-первых, посол США и его соответствующий аппарат прилагали самые активные усилия, чтобы осложнить российско-вьетнамское военно-техническое сотрудничество. Была избрана область финансовых расчетов за поставляемую нами ПВН (продукцию военного назначения). В контактах с отвечающими за это вьетнамскими представителями американцы

им прямо говорили, что задействованные в этой сфере банки СРВ могут столкнуться с разного рода рестрикциями в международной деятельности, а сами вьетнамские чиновники с учетом учебы у многих из них детей на Западе, в первую очередь в Америке, быстро почувствуют в своих семьях массу неудобств и трудностей. А вот если приоритет вьетнамские представители будут отдавать американской продукции, все будет «tip-top». Надо сказать, что столь нечистоплотные методы конкурентной борьбы давали свои результаты.

Второй сферой, где нам хотели «осложнить жизнь» и, увы, добились результата, стал масштабный проект строительства на юге Вьетнама АЭС Ниньтуан-1, которая позволила бы существенно восполнить дефицит электроэнергии для быстрорастущей экономики в районе Хошимина и соседних южных провинций. Больше десятилетия мы потратили на реализацию этого проекта, включая предоставление кредита, изыскательские работы, выработку ТЭО, подготовку кадров (400 с лишним человек) и т. д. и т. п.

К сожалению, в 2016 году вокруг этого крупнейшего в наших отношениях проекта «сгустились тучи». Детонатором стал целый ряд причин. Во-первых, авария в 2011 г. на японской АЭС Фукусима-1 вызвала серьезные опасения относительно безопасности атомной энергетики не только у руководства страны, но и у рядовых вьетнамцев. Сформировалось достаточно мощное антиядерное лобби из представителей научной интеллигенции и общественных деятелей, критиковавших планы создания отечественной атомной промышленности. При этом игнорировалось мнение наших и вьетнамских специалистов, высоко оценивавших уровень российских ядерных технологий (в том числе новейший проект шести энергоблоков Нововоронежской АЭС).

Во-вторых, негативные настроения в обществе подстегнули и масштабные аварии весной 2012 г. в центральном

Вьетнаме, повлекшие выброс в море токсичных отходов металлургических комбинатов с иностранным (тайваньским) участием.

В-третьих, не дремали и иностранные конкуренты, включая их посольства. Западники, прежде всего США, подкидывали идеи о необходимости для Вьетнама сделать выбор в пользу возобновляемых источников энергии, в том числе солнечных, ветряных и приливных. Идеи, может быть, и неплохие, но с учетом негативного влияния некоторых из них на окружающую среду, а также необходимости выделения значительных площадей для Вьетнама, в первую очередь южной и прибрежной зон, с перенаселенностью и плотностью рисопроизводящих полей, — возникало немало проблем.

Не отставал и «северный сосед», предлагая альтернативные поставки электроэнергии со своих производящих мощностей на юге страны, а также из Лаоса, с которым обещал договориться.

На этом в целом негативном для нас фоне сформированное к осени 2016 г. новое высшее руководство СРВ и кабинета министров не захотело брать на себя всю полноту ответственности за решения предшественников по крупным резонансным проектам, в том числе АЭС, и пересмотрело стратегию развития энергетической отрасли Вьетнама до 2025 г. и на период до 2035 г., отдавая предпочтение «экологически чистым» (sic!) генерирующим технологиям.

В итоге в ноябре 2016 г. вьетнамский парламент — Национальное собрание СРВ — приняло решение о прекращении реализации проектов сооружения первых атомных электростанций, включая наш Ниньтхуан-1, а также Ниньтхуан-2 с участием Японии. Основной причиной решения была названа сложившаяся макроэкономическая ситуация, а проще — нехватка бюджетных средств. Дабы «подсла-

стить» эту «пилюлю» вьетнамцы на всех уровнях, включая высший, говорили нам, что в будущем, если вновь встанет вопрос о создании во Вьетнаме собственной ядерной энергетики, именно Россия будет рассматриваться в качестве приоритетного партнера. Не сомневаюсь, что подобный тезис был задействован и в беседах с пострадавшими японцами.

Суммируя сказанное выше, на основе своего опыта прихожу к таким выводам. В первом случае с военно-техническим сотрудничеством с Вьетнамом нам удалось удержать достаточно прочные позиции, в том числе благодаря постоянному контролю за этой сферой, а также регулярным докладам в Центр о существующих проблемах и возможных путях их решения. История же с несостоявшейся вьетнамской АЭС свидетельствует о том, что отнюдь не все в силах дипломатов, включая послов, а вот навредить при нужном стечении обстоятельств нам можно.

Итогом почти полувековой дипломатической службы, включая повседневное общение с иностранными коллегами, стал для меня следующий вывод. Характер и атмосфера взаимоотношений с ними может создать комфортные условия для нашей работы, а в ряде случаев и помочь выполнению посольских функций. Но, увы, бывает и другое, особенно сейчас, когда США и коллективный Запад, используя философию оголтелой русофобии, широко задействуют набор всевозможных санкций, в том числе в сфере дипломатии и жизни дипмиссий.

Думаю, что моим коллегам-послам, работающим сейчас в странах их аккредитации, надо сосредоточиться на главной своей задаче — всестороннем развитии отношений с государствами пребывания, а в повседневной дипломатической жизни без нервов и обид с достоинством вести себя с представителями дружественных России государств, а их большинство. И в дипломатии Победа тоже будет за нами!

И ВСЕРЬЕЗ, И В ШУТКУ

Анатолий ЗАЙЦЕВ

СТРИПТИЗ ДЛЯ ГЛАВЫ ДЕЛЕГАЦИИ

Трагикомизм этого эпизода из моей дипломатической практики (я тогда был 1-м секретарем МИД) скорее будет понятен тем, кто не забыл атмосферу, в которой проходили в союзные времена поездки за рубеж наших официальных делегаций. Зажатость и скованность их членов — прямое следствие всяческих запретов и ограничений, порою доходивших до абсурда, конечно же, не ускользали от внимания иностранных коллег и нередко провоцировали их на разного рода розыгрыши. Объектами чаще всего становились более уязвимые, на их взгляд, старшие по возрасту дипломаты.

Запомнился один такой случай на дипломатическом приеме для официальных делегаций по случаю завершения 24-й сессии Комитета по промышленности и природным ресурсам Экономической комиссии ООН (среди старых газетных вырезок в моем столе завалялось приглашение на этот прием, датированное 9 февраля 1972 г.).

Советскую делегацию возглавлял старший сотрудник Отдела международных экономических организаций МИД. Невысокого роста, тучный и с лысиной мужчина предпенсионного

возраста, он за свой не улыбочивый строгий нрав и нелюбовь к шуткам нередко становился мишенью для незлобивых подтруниваний со стороны коллег в Отделе. Вечерами в Бангкоке, когда после выступлений на заседаниях подкомитетов нас с чувством исполненного долга тянуло отведать тайской или китайской кухни в ресторанчике по соседству с гостиницей, он, предпочитая вечерами оставаться в своем номере, всякий раз устраивал у себя длиннющие совещания для «подведения итогов дня и обсуждения задач на завтра».

Что касается приема, то его организовал и оплатил большую часть расходов тайский министр, крупный промышленник. Для проведения приема он выбрал дорогой и престижный Королевский Бангкокский спортивный клуб. Министр расположился за главным столом вместе с руководством Секретариата комиссии, столики по соседству предназначались для глав делегаций, за один из которых пригласили и нашего шефа. А мы, рядовые члены делегаций, расселись поодаль за отдельными столами.

Все началось, как обычно, с приветственных речей, за которыми после блюд тайской кухни последовал концерт, который открыла группа танцовщиц в традиционных фольклорных костюмах. Затем неожиданно погас свет, и в центре зала под бурные аплодисменты присутствовавших появилась танцовщица, как потом мы узнали от соседей по столу, известная в Бангкоке исполнительница восточных, и не только, в чем мы вскоре убедились, танцев. Под конец своего выступления она, к восторгу одних и немалому удивлению другой части приглашенных, принялась снимать с себя остатки одежды.

Но главный сюрприз был впереди. Расставшись с последней деталью своего гардероба, танцовщица, подбадриваемая хозяином приема, который откровенно показывал взглядом в сторону сидевшего за соседним от него столом главы советской делегации, под одобрительные возгласы

окружающих подошла к нашему шефу, взяла с его стола бокал с недопитым шампанским, который — прислонив к груди, откинувшись назад и снова выпрямившись, не расплескав содержимое — поднесла ко рту нашего находящегося в состоянии близком, как нам показалось, обмороку руководителю, предлагая выпить за ее здоровье. Сидя за столом поблизости, мы повскакивали со своих стульев, чтобы не только получше разглядеть эту сцену, но и по возможности прийти на выручку шефу. Наша помощь не понадобилась. Шеф, надо отдать ему должное, мужественно держал осаду, пока та не была снята министром. Насладившись реакцией главы советской делегации, он, видимо, понял, что перегнул палку и жестом велел танцовщице удалиться.

Однако в большей степени и шефа, и нас беспокоило присутствие в зале тайских фоторепортеров, которые тут же окружили его столик. Видя состояние, в каком находился наш руководитель, я подошел в конце приема к главному столу, где, наклонившись к министру, что-то оживленно шептал ему на ухо знакомый мне его помощник. Когда я, старательно подбирая слова, заговорил с ним об этом эпизоде, он, опередив меня, заверил, что «все будет в порядке, ситуация под контролем». И позднее добавил, что министр только что дал через него на этот счет «необходимые распоряжения».

Тем не менее, тревога у всех нас не спадала до утра, когда мы, едва проснувшись, не набросились на первые выпуски самых распространенных в тайской столице газет «Bangkok Post» и «The Nation», подсунутых, как водится, утром под дверь гостиничных номеров. В разделе светской хроники обнаружили упоминание о приеме, но о злосчастном эпизоде не было ни слова.

Щадя самолюбие шефа, к случившемуся больше не возвращались, ни в Бангкоке, ни по возвращении в Москве. Вот и такие эпизоды бывают в дипломатической практике...

О НАШИХ АВТОРАХ

ЯН АНАСТАСЬЕВИЧ БУРЛЯЙ

Родился в 1947 году. Окончил МГИМО. Работал в центральном аппарате и посольствах СССР/России в Уругвае, Венесуэле, Аргентине, Парагвае, Эквадоре. Чрезвычайный и Полномочный Посол. В настоящее время — профессор, директор Центра ибероамериканских программ Московского государственного лингвистического университета, член Президиума Совета Ассоциации российских дипломатов.

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ ВНУКОВ

Родился в 1951 году. Окончил МГИМО. Работал в центральном аппарате и диппредставительствах МИД в КНР, Республике Корея, во Вьетнаме. Почетный работник Министерства. Кандидат исторических наук. Чрезвычайный и Полномочный Посол.

АНАТОЛИЙ САФРОНОВИЧ ЗАЙЦЕВ

Родился в 1939 году. Окончил Институт восточных языков при Московском Государственном Университет им. М. В. Ломоносова (сейчас — ИСАА МГУ). Кандидат экономических наук. Работал в центральном аппарате МИД, а также во Вьетнаме, Швейцарии, Народной Республике Конго, Исландии. Чрезвычайный и Полномочный Посол. Заместитель председателя Ассоциации российских дипломатов. Почетный работник МИД.

ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ КУЛЯЕВ

Родился в 1953 году. Окончил МИСИ. Сотрудник МИД СССР/России (1985–2018 гг.); являлся в том числе заместителем директора Департамента капитального строительства и собственности за рубежом; советник. Член Союза писателей России.

ЕВГЕНИЙ ГЕОРГИЕВИЧ КУТОВОЙ

Родился в 1932 году. Окончил МГИМО и Дипломатическую академию МИД. Доктор исторических наук, кандидат экономических наук, профессор Дипломатической академии. Чрезвычайный и Полномочный Посол.

БАШИР АЛИЕВИЧ МАЛЬСАГОВ

Родился в 1944 году. Окончил МГИМО. Работал на ближневосточном направлении в центральном аппарате МИД и в посольствах в Ливии, Сирии, Египте, Ираке. Советник. Почетный работник МИД. Был членом Президиума Ассоциации российских дипломатов. Кандидат философских наук.

Ушел из жизни в 2024 году.

АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ МАРЬЯСОВ

Родился в 1947 году. Окончил МГИМО и Дипломатическую академию МИД. Кандидат исторических наук. Занимал ответственные посты в центральном аппарате МИД и в загранпредставительствах СССР/России в Афганистане, Иране, Таиланде. Чрезвычайный и Полномочный Посол.

ВАЛЕНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ ПАРХОМЕНКО

Родился в 1946 году. Окончил МГИМО. Кандидат исторических наук. Работал в центральном аппарате и в посольствах в Судане, Индии, США, Гайане, Демократической Республике Конго. Советник. Почетный работник МИД.

ОЛЕГ ГЕРАСИМОВИЧ ПЕРЕСЫПКИН

Родился в 1935 году. Окончил МГИМО. Доктор исторических наук, кандидат экономических наук. Являлся ректором Дипломатической академии МИД. Работал в Йемене, Египте, Ливии, Ливане. Заслуженный работник дипломатической службы. Заместитель председателя Ассоциации

российских дипломатов. Чрезвычайный и Полномочный Посол.

РИШАТ НУРАХМАНОВИЧ ХАЛИКОВ

Родился в 1946 году. Окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова. Работал в системе Министерства иностранных дел: в Консульском управлении, дважды в посольстве в Анкаре, а также в консульствах в Стамбуле и в Трабзоне. В настоящее время — советник Полномочного представителя Башкортостана при Президенте России.

АЛЕКСАНДР ГЕННАДИЕВИЧ ЧЕРНОВ

Родился в 1950 году. Окончил Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова. Работал в центральном аппарате МИД на африканском направлении, а также на различных должностях за рубежом: в Нигерии (дважды), Зимбабве, Танзании. Чрезвычайный и Полномочный Посланник. Член Президиума Совета ветеранов и Совета Ассоциации российских дипломатов. Почетный работник МИД. В настоящее время — главный редактор газеты общественных организаций Министерства «Наша Смоленка: люди и дела».

ИЗДАНИЕ ВЕТЕРАНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
МИД РОССИИ

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

*Сборник воспоминаний ветеранов
дипломатической службы России*

Том 32

Над сборником работали:

А. Г. Чернов — составитель, главный редактор
Ю. А. Спири́н — редактор-консультант
В. И. Морозов — председатель Совета ветеранов МИД
А. О. Семёнов — 1-й зампре́дседателя Совета ветеранов

Литературный редактор — Е. В. Степанов
Корректоры — О. Ю. Ефимова, Ф. Г. Мальцев
Компьютерная верстка, макет — И. А. Ракитина

*Публикуемые в настоящем сборнике материалы
не обязательно отражают точку зрения редколлегии*

Формат 60x84/16
Бумага офсетная
Гарнитура Minion
Тираж 750 экз.
Сдано в набор 02.12.2024
Подписано в печать 15.01.2025

Издательство «Вест-Консалтинг»
115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, д. 7,
стр. 9, этаж 7, пом. XIV, ком. 12
Тел. (495) 978 62 75

Типография «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6.